

**«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»:
РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

ФАДН РОССИИ
Федеральное агентство
по делам национальностей

Министерство
культуры и туризма
Республики Калмыкия

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

им. А. М. АМУР-САНАНА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА
ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»:

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Сборник материалов
межрегиональной онлайн-конференции
(Элиста, 8 июня 2021 г.)**

Элиста
2021

Издается при финансовой поддержке
Федерального агентства по делам национальностей России

Составитель: Кравцова Н.Н.

Ответственные редакторы:

Каншаева Н.И., Дензинова И.О., Аргунова О.Е.

Компьютерный дизайн и верстка: Сангаджиева А.Н.

Ответственный за выпуск: Каншаева Н.И.

«Сохрани мою речь навсегда» : роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений : материалы межрегиональной онлайн-конференции с международным участием (Элиста, 8 июня 2021 г.) / Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия ; Национальная библиотека Республики Калмыкия им. А. М. Амур-Санана ; составитель : Кравцова Н.Н. ; ответственные редакторы : Каншаева Н.И., Дензинова И.О., Аргунова О.Е. ; компьютерный дизайн и верстка : Сангаджиева А.Н. ; ответственный за выпуск Каншаева Н.И. – Элиста, 2021. – Текст. – 204 с.

ISBN 978-5-906881-80-9

В сборник вошли выступления и доклады участников межрегиональной онлайн-конференции, посвященные роли переводов произведений художественной литературы в диалоге культур народов многонациональной России, воспитании толерантного отношения друг к другу, формировании общероссийской гражданской идентичности.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Ответственность за содержание своих работ несут авторы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Приветствия организаторам и участникам конференции	11
<i>Гаврильева Н. Г.</i> Перевод национальных литератур: изменить систему	21
<i>Север Л. Ю., Сафронова О. И.</i> Роль художественных переводов в развитии межкультурной коммуникации. Опыт Международного молодежного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (Ростовская область, Неклиновский район)	30
<i>Эльдышев Э. А.</i> О переводах на русский язык	54
<i>Щербаков Ю. Н.</i> «Стихи друзей – награда и отрада...» . .	57
<i>Чекалов П. К.</i> Переводы на абазинский и с абазинского: прошлое и настоящее	59
<i>Ягодинцева Н. А.</i> Мосты над облаками: опыт организации переводческой работы на Южном Урале	67
<i>Бадакова Т. И.</i> «Почтовые лошади просвещения»	74
<i>Бекрешева Л. А.</i> Рецепт перевода поэзии – вечный спор специалистов	77
<i>Манджиева Б. Б.</i> Калмыцкий эпос «Джангар» звучит на разных языках	84
<i>Пахомов Е. Ф.</i> Размышление о трансформации в переводах	90
<i>Эльдышев Э. А.</i> Как я работал над переводом книги К. Отарова «Журавли вернутся»	92
<i>Канкаев Э. П.</i> Святоотеческие книги: перевод на калмыцкий	95
<i>Наранова З. И.</i> Даниил Долинский: «В мире собственных дум, ставших думой одной!»: о переводах и дружбе поэтов советской эпохи	100
<i>Цеденова Т. Л.</i> Библиотечное обслуживание в условиях многообразия культур России: опыт муниципальных библиотек Республики Калмыкия	107

СЕКЦИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ПОСТИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

<i>Дякиева Б. Б.</i> Этническое медиапространство как ресурс формирования поликультурного пространства России (на примере Калмыкии)	115
<i>Ханинова Р. М.</i> Художественный перевод басни калмыцких поэтов (М. Эрдниев, М. Хонинов)	121
<i>Джамбинова Н. С.</i> Особенности лексико-семантической составляющей художественного текста Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»	133
<i>Фаизова Ф. Ш.</i> Грамматические проблемы перевода причастий на лексическом материале текстов статейных списков	143
<i>Нгуен Чан Тхань Ви, Чыонг Мань Хай.</i> Речевой акт извинения в русской и вьетнамской лингвокультурах	148
<i>Болдырева О. Н.</i> Социокультурные особенности китайских фразеологизмов и способы их передачи на русский язык	154
<i>Нгуен Ле Ань Фыонг.</i> Внедрение интеллект-карты в практику преподавания метафоры в русском языке во вьетнамской аудитории	160
<i>Есенова Г. Б.</i> О переводе романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»	166
<i>Нгуен Ву Хыонг Ти, Нгуен Тхи Тьонг Ви.</i> Лингвокультурологический аспект русских и вьетнамских фразеологизмов	172
<i>Буй Ми Хань.</i> Изменение предметной соотнесенности в подчинительно-сложных существительных русского языка	177
<i>Манджиева Б. В., Кандуева О. А.</i> Образ усадебного дома и его символическое значение в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня»	182
<i>Манджиева Б. В., Аль-Килани А. П.</i> Символическое значение цвета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	188
<i>Муллабаева Л. Ш.</i> Толерантный стиль коммуникации при преподавании русского языка в национальной аудитории	191
<i>Прохорова Л. Л.</i> Натурные занятия как способ выхода в разговорную речь	195
<i>Щитка Н. Н.</i> Региональная лексика в романе С.П. Бородина «Звезды над Самаркандом»: способы ввода	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 июня 2021 года на базе Национальной библиотеки Калмыкии им. А.М. Амур-Санана прошла Межрегиональная (с международным участием) конференция «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений».

Организаторами конференции стали Министерство культуры и туризма Республики Калмыкия, Национальная библиотека Калмыкии им. А. М. Амур-Санана при финансовой поддержке Федерального агентства по делам национальностей.

Конференция проводилась с целью обмена опытом в области художественного перевода, активизации межнационального диалога литератур.

Конференция проходила в смешанном очно-дистанционном формате. В ее работе приняли участие специалисты в области перевода, поэты, писатели, преподаватели, библиотекари из Калмыкии, республик Дагестан, Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Адыгея, Ростовской и Астраханской областей, Ставропольского края, Москвы, Челябинска.

На конференции прозвучали 33 доклада и выступления. Все они вошли в итоговый сборник.

Структура сборника соответствует программе конференции и состоит из трех разделов.

Сборник открывают приветствия участникам конференции Министра культуры и туризма Республики Калмыкия С.Д. Тюрбеевой и директора Национальной библиотеки Калмыкии им. А.М. Амур-Санана Н.И. Каншаевой, в которых отмечается важность проводимого мероприятия и особая роль национальной литературы народов России в гармонизации межэтнических отношений,

в укреплении взаимопонимания и мира между народами, развитии языков и культуры народов России.

С приветственным словом на открытии конференции выступили также народный поэт Калмыкии В. Д. Нуров, народный поэт Калмыкии Г.Г. Кукарека, заслуженный работник культуры Республики Дагестан, поэт, переводчик А.У. Култаев, заслуженный работник культуры РК, председатель фонда «Наследие» И.Н. Басангов.

Доклады, представленные в разделе «Пленарное заседание», затрагивают различные аспекты художественного перевода национальных литератур.

Кандидат филологических наук Н.Г. Гаврильева (г. Москва) говорила о роли национальных литератур в формировании современного поликультурного пространства России, о политике в области перевода, о различных подходах к переводческой деятельности. Она подчеркнула, что в современном мире установление межкультурной коммуникации возможно только через переводы.

Ряд докладов знакомит с опытом переводческой деятельности в регионах России.

Совместный доклад Л.Ю. Севера и О.И. Сафроновой посвящен работе Международного молодежного фестиваля-конкурса поэтических переводов «Берега дружбы», который проводится с 2012 года в Неклиновском районе Ростовской области и нацелен на решение глобальной задачи – укрепление национального единства через возрождение утраченной в постсоветский период школы переводчиков.

Доклад «О переводах на русский язык» народного поэта Калмыкии Э.А. Эльдышева знакомит с историей и современным состоянием художественного перевода в Калмыкии и его влиянии на развитие калмыцкого литературного языка.

В своем выступлении Ю.Н. Щербаков, писатель, поэт, публицист, переводчик, руководитель Астраханского регионального отделения Союза писателей России, рассказал о большой работе, которую проводит Центр литературного перевода при Астраханском региональном отделении Союза писателей России.

В докладе доктора филологических наук, главного библиотекаря Ставропольской краевой библиотеки им. М.Ю. Лермонтова П.К. Чекалова сделан обстоятельный обзор переводов на абазинский и с абазинского, который свидетельствует, что стараниями национальных филологов, общественных организаций, русских и иностранных переводчиков произведения абазинского фольклора и литературы становятся известны русскоязычному и зарубежному читателю.

Интересный опыт представлен в докладе секретаря Союза писателей России, кандидата культурологии, профессора Челябинского государственного института культуры Н.А. Ягодинцевой. На примере деятельности лаборатории художественного перевода «Мосты над облаками» при Челябинском государственном институте культуры показано как возможно решить вопрос о привлечении литераторов, особенно молодых, к переводческой работе.

Два доклада были посвящены проблеме влияния на перевод личности переводчика. Л.А. Бекрешева, старший преподаватель кафедры иностранных языков Луганского государственного института им. Владимира Даля, в рамках своего доклада подчеркнула, что переводчик является посредником культур, своеобразным мостиком, способным внести много взаимопонимания, доверия и миролюбия в международные отношения, что одновременно поднимает значимость его труда и накладывает большую ответственность.

О бережном отношении переводчика к оригинальному тексту говорится и в выступлении Т.И. Бадаковой, поэта, публициста, члена Союза писателей России, члена Международной гильдии писателей.

Эта тема получила продолжение в докладах народного поэта Калмыкии Э.А. Эльдышева и поэта, переводчика, директора МКОУ «Большецарынская СОШ № 2 им. М. В. Хонинова» Э.П. Канкаева. Э.А. Эльдышев рассказал о своей работе над переводом книги выдающегося балкарского поэта К. Отарова «Журавли». Э.П. Канкаев поделился личным опытом переводов святоотеческих книг с русского языка на калмыцкий, подчеркнув, что работать над такими переводами непросто, но чрезвычайно интересно и важно.

О трансформации в переводах размышлял в своем выступлении и поэт, переводчик Е.Ф. Пахомов (г. Элиста).

Завершил пленарное заседание доклад заведующей научно-методическим отделом Национальной библиотеки Калмыкии им. А. М. Амур-Санана Т.Л. Цеденовой с обзором деятельности муниципальных библиотек республики по популяризации национальных литератур народов России.

На секционном заседании *«Русский язык как средство постижения культуры народов России»* обсуждались лексические, грамматические, стилистические, культурологические аспекты художественного перевода, а также проблемы преподавания русского языка как иностранного.

Особенностям перевода на русский язык произведений калмыцкой литературы посвящены статьи Р. М. Ханиновой «Художественный перевод басни калмыцких поэтов (М. Эрдниев, М. Хонинов)», Б.Б. Манджиевой «Калмыцкий эпос «Джангар» звучит на разных языках»,

Г.Б. Есеновой «О переводе романа-хроники А.М. Амура «Мудрешкин сын».

Ф. Ш. Фаизова (г. Ташкент, Узбекистан) выступила с докладом «Грамматические проблемы перевода причастий на лексическом материале текстов статейных списков».

Социокультурные особенности китайских фразеологизмов и способы их передачи на русский язык анализируются в докладе кандидата исторических наук О.Н. Болдыревой (г. Элиста).

В докладах ученых из Института социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете города Хошимина Нгуен Ву Хыонг Ти, Нгуен Тхи Тыонг Ви, Нгуен Чан Тхань Ви, Чыонг Мань Хай, Нгуен Ле Ань Фыонг рассмотрены различные лингвокультурологические аспекты обучения русскому языку во вьетнамской аудитории.

Анализу использования регионально-ориентированной лексики в художественных текстах были посвящены доклады Л.Л. Прохоровой (г.Ташкент, Узбекистан), Н.Д. Джамбиновой и С. Каримовой.

Издание адресовано литераторам, специалистам-филологам, культурологам, библиотекарям.

ПРИВЕТСТВИЯ ОРГАНИЗАТОРАМ И УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРИВЕТСТВИЕ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ С.Д. ТЮРБЕЕВОЙ

Уважаемые друзья!

От имени Министерства культуры и туризма Республики Калмыкия приветствую участников, гостей и организаторов Межрегиональной онлайн-конференции «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений».

Широкое представительство участников конференции свидетельствует об актуальности вынесенной на обсуждение темы, глубокой заинтересованности в ее конструктивном обсуждении.

Мир велик и разнообразен, и в его освоении, узнавании литература играет не последнюю роль. Национальной литературы нет вне языка, она продукт языка, его глубокоумудрое дитя, несущее в себе генетический код. Несомненно, что не должны растаять нации, языки, традиции, пути, души стран. Без многообразия национальных красок красота немыслима.

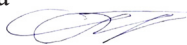
Взаимопонимание на уровне литературы – это самые надёжные культурные связи. Художественные переводы качественных литературных произведений являются мостом между народами, мощным средством укрепления взаимопонимания. Благодаря взаимодействию разных культур и литератур, в том числе переводным произведениям, мы знакомы с выдающимися произведениями мировой литературы. Все знают, что понять иноязычного человека легче через его культуру и литературу.

А встречи, живые диалоги как сегодня – это лучшее тому подтверждение.

Отрадно, что сегодня, особенно в молодежной среде яркими событиями становятся конкурсы переводчиков, создаются школы и творческие мастерские, где идет общение с авторами-носителями разных языков, которые помогают начинающим переводчикам глубже погрузиться в поэтические миры других культур.

Позвольте пожелать участникам конференции плодотворной работы, успехов, выразить надежду на то, что ваше обсуждение окажет благотворное содействие в гармонизации межнациональных отношений, укреплении мира и согласия между народами.

Министр культуры и туризма
Республики Калмыкия

Д Тюрбеева

**ПРИВЕТСТВИЕ
ДИРЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
КАЛМЫКИИ ИМ. А.М. АМУР-САНАНА
Н.И. КАНШАЕВОЙ**

Добрый день, уважаемые участники, гости и организаторы межрегиональной онлайн-конференции: «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений», которая проходит при всемерной поддержке Федерального агентства по делам национальностей!

В первую очередь хочу поблагодарить всех, кто откликнулся на приглашение принять участие в нашем мероприятии. Выражаю надежду, что сегодняшняя встреча будет взаимно полезна и плодотворна, поскольку только сообща можно достичь результатов и добиться успехов.

Уже в названии нашей конференции отражена актуальность тематики, предполагающей обсуждение вопросов гармонизации межэтнических отношений, объединения наших усилий, усилий различных сообществ в целях укрепления межнационального согласия, содействия развитию языков и культуры народов России, утверждения достоинств каждого народа.

Цель конференции – обсудить и объединить наши усилия, знания в деле сохранения единства нашего многонационального народа, его богатейшего духовного наследия, самобытных традиций и культур, поделиться опытом работы по укреплению межнационального согласия через национальную литературу, гармонизацию отношений через литературные переводы.

Через фольклор, литературу, овладевая языком своего народа, его традициями, обычаями, подрастающее поколение, молодежь получает представление о культуре своего народа. У каждого этноса своя литература, но одно ясно, что она отвечает характеру народа, его жизни, истории, его национальному духу. И переводы, в первую очередь, литераторы-переводчики делают огромную работу по созданию атмосферы взаимопонимания, взаимопонимания, уважения и межнационального согласия. В этой связи хочу выразить свою признательность и благодарность за поддержку и совместную работу.

В заключение, обращаясь к участникам и организаторам этого мероприятия с добрыми пожеланиями, искренне надеюсь, что успешная работа конференции станет заметным вкладом в укрепление многонационального единства нашей страны, дружбы и взаимопомощи народов.

Успешной работы всем!

**ПРИВЕТСТВИЕ
НАРОДНОГО ПОЭТА КАЛМЫКИИ,
ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАСЛУЖЕННОГО
РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКИИ,
ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА РЕСПУБЛИКИ
КАЛМЫКИЯ В.Д. НУРОВА**

Дорогие друзья! Дорогие поэты и писатели, участники конференции «Сохрани мою речь навсегда»! Это великое всеобщее дело – сберечь литературное наследие народов России для будущих поколений.

Без перевода книг трудно представить развитие культуры, литературы, языка. Все прогрессивное человечество с древнейших времен до сего дня взаимообогащается, развивается, «окультуривается» благодаря переводу литературы на языки разных стран и народов.

Как бы развивалась мировая культура в целом без литературы европейских стран, без классической литературы Франции, Англии, Америки, Италии, без культуры и литературы Востока – Индии, Китая, Японии, без культуры и литературы других народов? Человечество было бы обеднено, мы были бы невеждами, «недоучками» в широком мировом масштабе. Вся мудрость народов, их история, культура, традиции, философия приходит к нам через книги, научные труды ученых, гениев человечества: будьто великий художник, поэт, писатель, философ, историк.

Наши братья – народы России, в том числе, Калмыкии и Кавказа, вносят свой посильный вклад в мировую культуру и литературу. Невозможно представить литературу Калмыкии без переводов произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Бунина! Без калмыцкого эпоса «Джангар», переведенного на русский язык в 1940 году! Это один из шедевров мирового эпоса, в котором отражаются и литература, и культура,

и философия калмыцкого народа с древнейших времен до наших дней.

Калмыцкие сказки знали А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь. Калмыцкую сказку о Вороне использовал А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка». «Чем 300 лет питаться мертвечиной, лучше раз напиться живой кровью», – говорит Е. Пугачев и спрашивает «Какова калмыцкая сказка?». Это еще раз говорит о том, что не только калмыцкая литература вбирала в себя все лучшее, что было в литературе русской, но и русская, и вся мировая литература обогащалась за счет калмыцких сказок, легенд, эпоса «Джангар».

Благодаря поэме Давида Кугультинова «Бунт разума» калмыцкую литературу знают в Японии, Китае, Италии, Америке. Говорят, что в Италии, в соборе, верующие читают отрывки из этой поэмы как молитву. Это ли не достижение! Это ли не повод гордиться своей литературой нашим детям, внукам, правнукам!

Труды академика П. М. Эрдниева по УДЕ (укрупнение дидактических единиц) знают в Германии, Франции, России. Их используют учителя математики, физики, биологии всего мира.

Так что в культуре, литературе, науке нет малых и больших народов, они все равны. Если это шедевр – то он остается шедевром на всех языках мира и во все времена.

Я благодарен русским поэтам, поэтам Северного Кавказа, которые переводят стихи калмыцких поэтов на свои языки. Я благодарен своим переводчикам, Владимиру Кострову, Александру Сорокину, Юрию Щербакову. Они переводят не только мои стихи, но и стихи других авторов. Так, астраханский поэт Юрий Щербаков перевел всех калмыцких поэтов и готовит к выпуску книгу «Песни степи». Недавно он перевел на русский язык и мою поэму «Покаяние воина».

А сейчас я хочу прочитать свое стихотворение в переводе Юрия Щербакова «Когда смеется женщина».

Когда смеется женщина

Когда смеется женщина, тогда,
Мужчины все в ее волшебной власти!
Мир молодеет от такого счастья,
Ни на мгновенье – сразу на года!

Когда смеется женщина, с небес
В испуге исчезают злые тучи.
И над враждой смертельной, неминучей
Согласье получает перевес.

Когда смеется женщина, сердца
Друг другу звоном сострадания вторят.
И старики, свои отринув хвори,
Ждут чуда, а не смертного конца.

Когда смеется женщина, Она
Всем детям, что живут под этим солнцем,
По-матерински солнечно смеется,
И сеет в душах счастья семена!

ПРИВЕТСТВИЕ ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН А.У. КУЛТАЕВА

Добрый день, дорогие друзья. Я с удовольствием выступаю перед Вами, потому что нас всех связывает давняя дружба. Много раз я бывал в Калмыкии и выступал перед вашими земляками. Мы все степные люди – калмыки, ногайцы, кумыки. Нас объединяют многие исторические события, и мы остаемся братьями.

Дагестан – это маленькая Россия. Это большая республика, где живет 3 млн. 250 тыс. жителей. Коренных народов у нас 40. У нас 14 государственных языков, 14 республиканских газет, 14 радио и телевидение, на девяти языках два раза в месяц выходят детские журналы. Мы гордимся народным великим поэтом Расулом Гамзатовым, произведения которого переведены на 160 языков мира. В том числе, пять книг перевел на ногайский язык я, АнварбекКултаев.

Я занимаюсь литературным переводом с 1961 года. Представьте, 60 лет. Первый раз я перевел Кайсына Кулиева – великого балкарского поэта, и с тех пор занимаюсь переводами, издал много книг. В 2015 году за перевод на ногайский язык и издание сказки Павла Ершова «Конек-горбунок» был удостоен Международной литературной премии имени П. П. Ершова. Я этим очень горжусь, потому что это великий русский сказочник.

Из русских классиков я переводил Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В советское время я много переводил поэтов, имена которых звучали на весь Советский Союз: Сергей Есенин, Александр Твардовский, Максим Танк, Джамбул Джабаев, МустайКарим, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, НазирХубиев и многие другие. Из современников я знал лично Евгения Евтушенко, Сергея Васильева и других поэтов и перевел их стихи на ногайский язык.

Сегодня особо хочу сказать о дружбе с калмыцкими поэтами. Я начал переводить калмыцкую литературу еще в 1971 году, когда к нам в Ногай приехал Инджиев Лиджи. Вместе мы два дня выступали перед читателями, и он для меня оставил стихи. С тех пор я перевожу.

Я знал многих калмыцких поэтов и дружил с ними. Мы встречались и в Москве, и в Калмыкии, и здесь, в Дагестане. К нам часто приезжал Давид Кугультинов, ваш великий поэт. Весь мир его знает хорошо и по-доброму. Он бывал в гостях у нашего великого Расула Гамзатова,

принимал участие в юбилейных мероприятиях. Я перевел много его сказок и стихов и издал на ногайском языке.

Я переводил стихи Николая Санджиева, других калмыцких поэтов.

Сегодня с нами здесь мой друг, *наш* прекрасный дагестанский друг, которого мы любим, уважаем и ценим – Эрдни Эльдышев. Мы давно дружим, он всегда приезжает к нам 8 сентября – на день рождения великого Расула Гамзатова, столетие которого мы будем отмечать через два года. А 27 июня у нас состоится форум переводчиков, на который мы его приглашаем и очень ждем.

Я работаю в Союзе писателей и знаю, что все наши переводчики активно переводят калмыцкую поэзию на языки народов Дагестана. Это и понятно, ведь калмыки – наши родные братья. У нас одна степь. Только разделяют нас дороги: на Ставрополь, на Астрахань. Мы соседи и сотрудничаем. Эта творческая дружба очень нужна, она обогащает нашу литературу и должна быть на высоком уровне.

Друзья, я желаю вам успехов. Ждем вас в Дагестане. Спасибо!

**ПРИВЕТСТВИЕ
НАРОДНОГО ПОЭТА КАЛМЫКИИ,
ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ
КАЛМЫКИИ, Г.Г. КУКАРЕКИ**

Добрый день, дорогие друзья! Я приветствую эту конференцию! Она нужна, потому что, сколько я помню, подобного не проводилось. Мы должны думать о том, чтобы за стенами наших библиотек дети знали и чеченских, и ногайских поэтов, и поэтов всего северного Кавказа, и поэтов всей нашей огромной страны! Поэзия – это язык мира. Думаю, здесь уместно привести калмыцкую

мудрость – «Из войны течет кровь, из мира течет масло». Эту мудрость любил повторять в своих выступлениях замечательный, мудрый поэт Константин Эрендженович Эрендженов. И мы, молодые тогда поэты, учились у таких людей, как Константин Эрендженов.

Я недавно был в редакции нашего детского журнала «Баир». Баир – это радость. Я знаю, что на Северном Кавказе много детских журналов, и мне кажется, что уже назрела необходимость провести конференцию работников детских журналов о детской литературе этого большого края, от Адыгеи до Дагестана, от Черного до Каспийского морей. Мы не должны упускать молодежь, она должна хотя бы какие-то изречения, пословицы народа, которые питают, помнить.

Когда я был молодой, я написал стихотворение «Кавказ и степь»:

У сивых солонцов в плену
Наша степь изнывала.
Кавказ ей руку протянул
В прожилках голубых каналов.
И зазвенели влагой пресной
Калаус, Маныч, Егорлык,
И стала степь моя, как песня,
Омолодила смуглый лик!

Недавно в Москве вышел большой поэтический труд под названием «Парад литератур». В него вошли стихи четырехсот поэтов России. Из Калмыкии вошли два человека – это Василий Чонгонов и я. Я поразился, когда прочитал эту антологию, стихам женщин-поэтесс из Чечни. Это такие стихи! С юмором, с национальным колоритом! Такие стихи надо переводить на калмыцкий язык и печатать в наших журналах «Теегин герл», «Байр», «Баирта».

Сегодня назрела необходимость проводить Дни литературы в республиках. Раньше было как? Мы выезжали делегацией поэтов Калмыкии в Астрахань, выезжали в Кабардино-Балкарию, в другие регионы. Встречались

с коллегами-литераторами, с читателями. Обсуждали насущные проблемы, делились опытом, знакомили со своим творчеством. Надо продолжать эту традицию! Не сомневаюсь, какой радостью будет для наших детей, студентов Калмыкии, если приедут сюда поэты Дагестана, поэты Чечни, поэты Карачаево-Черкесии! Надо обязательно обращаться к руководству наших республик, областей, чтобы мы проводили эти Дни

Великий русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов издал книгу переводов, которую назвал «Пересаженные цветы». Вы представляете?! В одном этом названии сколько сказано! «Пересаженные цветы»... То есть мы переводим и отдаем, пересаживаем лучшие силы, лучшие слова в другую почву, и они принимаются. Вот в чем наша задача – пересаживать цветы, цветы наших слов, наших поэтов, наших прозаиков. Я буду рад, если мне кто-то пришлет строчки на любом языке, и я постараюсь перевести их так, чтобы это было интересно для читателей нашей республики.

Всего доброго!

*Гаврильева Надежда Гариевна,
кандидат филологических наук
докторант РГГУ
(г. Москва, Россия)*

ПЕРЕВОД НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР: ИЗМЕНИТЬ СИСТЕМУ

Издания национальных литератур в российском обществе всегда воспринимались как сугубо аутентичные явления, сложно поддающиеся восприятию русскоязычного читателя, потому уменьшение или отсутствие изданий национальных авторов в русском переводе сегодня представляет собой серьезную проблему.

Как только поднимается вопрос о проблеме переводной литературы, у нас в стране принято говорить, что уже разработаны и применяются на практике ряд государственных инициатив, призванных изменить отношение к качеству переводов, подготовлены проекты для программы поддержки литератур народов России, что писательским организациям даны задания активизировать контакты с коллегами из других республик, что сообществу переводчиков необходимо проводить летние школы, стажировки, продумать систему подготовки высококвалифицированных кадров по художественному переводу, что издателям нужно возродить традиции 20-30-х гг. XX века (когда в Москве был Центриздат народов СССР) и начать усиленно печатать произведения авторов на языках народов России и т.п. Но, действительно ли работают все вышеизложенные механизмы по поддержке национальных литератур и нужны ли они сегодня?

В статье предлагается говорить о переводе произведений национальных авторов в критическом ключе, обсудить само понятие переводов национальных литератур, обратиться к политике в области перевода в других регионах и рассмотреть примеры соответствующих подходов к переводческой деятельности.

Начнем с первого вопроса «Роль национальных литератур в формировании современного поликультурного пространства России». Что значит «поликультурное пространство»? Это сложный феномен, у которого не существует единого определения. Когда государства-члены ЮНЕСКО принимали в 2001 году Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, они подтвердили свою приверженность поликультурному обществу, источнику развития, «столько же необходимую для человечества, как биологическое разнообразие для живой природы» [1]. Западноевропейские исследователи считают, что в самом широком смысле «поликультурное пространство» может рассматриваться как совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих определенное общество. Такое пространство включает разнообразие образов жизни, системы ценностей, прав человека, традиций и религиозного многообразия. Для западного человека законное требование самобытности не означает замыкание в себе, а предполагает установление отношений на основе взаимного обогащения путем диалога культур в рамках сотрудничества между свободными и равными партнерами.

А что означает «поликультурное пространство» в России? Для того, чтобы это пространство в российском обществе было продуктивным, оно должно опираться на взаимный интерес людей друг к другу, принятие чужой культуры, на диалог и духовное взаимообогащение. В качестве примера возьмем самый большой и, в то же время, самый малонаселенный регион России – Якутию.

По данным республиканского статкомитета, число говорящих на якутском языке в 2017 году было более 70% населения. Это при том, что в республике живет около 125 разных национальностей. То есть уровень господства второго государственного, якутского языка, в данном регионе весьма высокий. Об этом свидетельствует и то, что по итогам 2020 года Республика (Саха) стала самым читающим регионом России. Из отчета Национальной библиотеки им. А. Пушкина [2] мы узнаем, что за прошлый год якутяне в электронном варианте больше всего прочли роман «Тыгын Дархан» В. Яковлева – Далана на якутском языке (3191 запрос), в русском переводе этот роман читают 1597 читателя, на втором месте роман «Пока бьется сердце» Софр. Данилова на якутском языке (3126 запросов), и на третьем месте, роман «Глухой Виллой» того же В. Яковлева на якутском языке (2097 запросов). Как нам кажется, наибольший интерес к произведению «Тыгын Дархан» вызвал выход на всероссийский прокат одноименного художественного фильма (реж.Н. Аржаков) по мотивам двух озвученных выше романов Яковлева. Этот исторический роман первое в якутской литературе произведение, обращенное ко времени и деяниям Тыгына, личности, с чьим именем связан один из поворотных пунктов в истории якутского народа до прихода русских. Следует отметить, что от таких проектов, как «кино+литература» взаимная польза, безусловно, есть. Любая экранизация, даже если она не удачная, заставляет людей читать первоисточник. Уверена, что после показа этого фильма многие якутяне познакомились впервые с романом «Тыгын Дархан». Фильм сам на якутском языке, но с русскими субтитрами. Его планировали показывать в Пекинском университете, а также в нескольких республиках. Содержание такого поликультурного проекта как экранизация национального произведения многоаспектно и отличается высокой степенью междисциплинарности. Исторический роман о древних якутах предполагает информи-

рование о самобытных уникальных чертах народа Саха, раскрытие в культуре тюркоязычных народов общих элементов и традиций, приобщение к мировой культуре и литературе, что ведет к пониманию взаимозависимости народов в условиях глобализации.

Что касается роли переводов в создании диалога между народами, то в современном мире установление межкультурной коммуникации возможно только через переводы. Но какими должны быть эти переводы? Если мы говорим о «межкультурной коммуникации», то при издании переводной литературы должны быть интегрированы как филологические, так и культурологические аспекты. Ведь вопросы общения между иноязычными людьми, в первую очередь, подразумевают взаимодействие и взаимовлияние культур. Взаимопонимание носителей разных культур может быть адекватной только при условии выявления механизмов перевода художественных текстов. Другими словами, важно помнить о том, что не все переводные издания могут быть понятными и открытыми для читателя. Чтобы возник диалог литератур, составителям изданий национальных авторов необходимо сформировать эту среду, обращать внимание на детали аутентичного текста, попытаться сделать их восприимчивыми для разных людей. Например, если мы обратимся к переводным изданиям, вышедшим в Республике (Саха) за последние 10 лет, то понимаем, что бывают случаи, когда произведение имеет мировую известность, его знают все, поэтому обращение к подлиннику не требуется. К таким относится сборник переводов знаменитого поэта-переводчика С. Руфова, вышедший в 2012 году, где были включены переводы «Сонеты» В. Шекспира, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Нарииспи» К. Иванова, несколько стихотворений А. Кунанбаева или переводы шекспировских трагедий в интерпретации С. Тарасова (2014). Во-первых, эти произведения достаточно объемные (даже если мы говорим о шекспировских сонетах),

что нет возможности помещать их оригиналы в одной книге вместе с переводами. Во-вторых, исследователи или интересующиеся люди легко могут найти их оригиналы в интернете или в любой другой библиотеке. Но когда дело касается национальных авторов, известных узкой и специфической аудитории, то с целью привлечения внимания к творчеству таковых и популяризации их произведений необходимо, по мере возможности, составлять двуязычные издания. В этой связи следует отметить сборник современной якутской поэзии «Песни нового тысячелетия» (2020), который содержит русские тексты якутских поэтов, вошедших в литературу после «нулевых», а также сборник стихов якутского поэта Гавриила Андросова «Исповедь степного генерала» (2020) на русском и якутском языках.

В первом случае речь идет об издании стихотворений якутских поэтов только в русском переводе, оригиналы которых очень сложно найти как в интернете (в силу специфичности языка), так и в обычном книжном магазине, поскольку современные якутоязычные авторы мало издаются и менее востребованы, чем, например, классики якутской литературы. Когда мы издаем национальные произведения только в русском переводе, важно помнить о том, что интерес к первоисточнику может возникнуть не только у специалистов, но и у многих иноязычных читателей. Поскольку любой перевод сужает смысловое богатство текста, не выражают исчерпывающе весь языковой словарь автора, такие сборники с течением времени могут утратить свою актуальность. Одноязычные издания национальных поэтов в современном поликультурном пространстве мало интересуют читательскую аудиторию. Они предлагают читателю просто воспринимать произведение здесь и сейчас, не пытаясь анализировать собственное восприятие и не делая выводы. Подобный подход встречается и при переводе якутскими поэтами стихотворений иноязычных авторов. Например, в совет-

ское время в Якутии было издано множество произведений национальных и зарубежных поэтов на якутском языке без текстов оригинала. Понятно, что наши поэты переводили с русских подстрочников, что можно было включить хотя бы русские тексты вместе с якутскими переводами, чтобы эти издания стали общеупотребительными и оставались востребованными всегда. Ведь любовью автор ищет связи с современностью, но такое место может быть найдено не для всех. Каждая национальная литература всегда стремится к связям с литературами и культурами других народов, и там всегда должен присутствовать фактор двуязычия. Второй случай говорит о том, что когда национальный автор вроде Гаврила Андросова издает книгу своих произведений на двух языках (на родном и на русском), то он сразу становится участником межкультурной коммуникации и его текст автоматически приобретает социальную и культурную ценность. Неожиданное включение в сборник и авторского текста и нескольких переводов одного и того же стихотворения в исполнении разных переводчиков заставляет иноязычных и этнокультурных участников коммуникации говорить на одном языке с незнакомым для них автором. Любое двуязычное издание является центром коммуникации и различных интерпретаций, что позволяет выработать язык для разговора о новом и неизвестном, о том, что еще не сформировалось окончательно и находится в становлении. Подобное общение позволяет двигаться вперед, стимулирует на дальнейшее развитие, делает творчество национального автора узнаваемым и понятным для многих.

Только преодолев проблему составления двуязычных изданий, мы можем перейти к третьему вопросу нашего разговора – проблеме передачи межкультурных различий. Значимость переводов в развитии художественной литературы отмечал еще М. Бахтин: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней

и глубже, но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше» [3]. Именно поэтому, когда разные читатели читают один и тот же текст, их интерпретации часто отличаются друг от друга, тем меньше вероятность, что разные культуры поймут его одинаково. При этом важно понимать, когда читатель интерпретирует иноязычное произведение, он не пытается найти ответ на вопрос: «Что этим хотел сказать автор?». Этому нас всегда учили на уроках литературы, какими соображениями руководствовался автор, когда писал свое произведение. Однако не стоит забывать, что перевоплотиться в писателя, который жил в другое историческое время и творил на совершенно чужом для нас языке, мы просто не в состоянии. Значит, ответить на данный вопрос мы можем только тогда, когда попытаемся интерпретировать смысл художественного текста, исходя из собственного жизненного опыта. В таком случае межкультурные различия, которые неизбежно возникают между переводчиком и автором, являются актуальной проблемой сразу нескольких областей наук. Эта проблема всегда создавалась самими переводчиками с целью указать на различие их языка с автором или же, наоборот, создать иллюзию близости. Бывают случаи, когда переводчик целенаправленно конструирует текст перевода так, чтобы он максимально отличался от оригинала. В истории русской литературы таким переводчиком был поэт В. Солоухин, который до неузнаваемости «искажал» тексты национальных авторов. Так были переведены произведения основоположников якутской литературы А. Кулаковского и А. Софронова. Например, аллитерационный стих, написанный сплошными тирадами, он мог свободно раздробить на трехстишия или катрены. Границы межкультурного различия нарушались и в плане передачи идейного содержания подлинника. Неудачные и смешные выражения у него появляются в каждой строке. После прочтения якутских авторов в его переводе созда-

ется впечатление, что переводчик сознательно затрудняет читательское восприятие. Яркий пример более гибкого и бережного отношения к авторскому тексту наблюдается у Е. Сидорова, переведившего того же Кулаковского, героический эпос (олонхо) и многих поэтов на русский язык. Его визитной карточкой является глубоко научный, исследовательский подход к каждому тексту перевода. Сидоров всегда составлял тезаурус, словарь труднопереводимых авторских слов с научной трактовкой, а также писал подробные комментарии к своим переводам.

Что касается лексических, грамматических и стилистических аспектов перевода, то необходимо понимать, что они тесно связаны не только с языком, но и с религией, культурой и литературой каждого отдельно взятого народа. Личность каждого писателя складывается из нескольких частных идентичностей: этнической, национальной, профессиональной, религиозной, возрастной и др. То же самое относится и к переводчику. В истории переводческой деятельности часто встречаются образцы переводов, выполненные мастерами переводческой деятельности, но, не отражающие подлинник в полной мере по независящим от профессионализма переводчика причинам. Возьмем того же вышеупомянутого Руфова, переведившего «Сонеты» Шекспира на якутский язык. Этот пример является уникальным явлением с точки зрения воссоздания шекспировского 5-ти стопного ямба с мужскими рифмами с помощью якутской просодии. Это несмотря на то, что в качестве исходного текста для него служил текст перевода С. Маршака, не воссоздающий размер английского стиха на русском языке. Однако авторская игра слов и смыслы сонетов, посвященных другу-мужчине, стали для якутского переводчика неким запретом, так как некоторые понятия шекспировского текста считаются неприемлемыми и даже неприличными с точки зрения азиатского менталитета. Исходя из этого, Руфов вынужденно отказывается от пародийного тона

автора, по возможности опуская нелестные по отношению к красивому мужчине шекспировские сравнения. Например, в понимании якута «хозяйкой» его сердца может быть только супруга или любимая женщина, но никак не мужчина, пусть даже если это его лучший друг. При этом надо понимать, что при передаче стихотворного текста по мере возможности необходимо попытаться воссоздать природу поэтического языка оригинала, так как способ высказывания «что» и «как» в поэзии находится в постоянном взаимодействии с его формой, любой элемент текста (состав звуков, знаков) составляет поэтику индивидуальной авторской речи.

Таким образом, в информационном обществе авторам важно не замыкаться в литературной сфере, а постараться выйти за ее пределы. Национальным литературам необходимы поиски новых методов создания художественных текстов. Когда художественное произведение представлено в синтезе с мультимедийным целым (кино, театр, музыка, живопись, фотография), оно кажется нам более понятным, поскольку аудиовизуальные эффекты оказывают наиболее сильное воздействие на читателя, нежели бумажные тексты.

Литература:

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/decl_diversity.pdf.
2. Отчет Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Саха (Якутия) за 2020 год [электронный ресурс]. – URL: <https://nlrs.ru/about/docs/plans-and-reports/Отчет%20за%202020%20год.pdf>
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва, 1979. – С. 331.

*Север Леонид Юрьевич,
член Высшего творческого совета
Союза писателей России,
член Союза писателей Беларуси,
Секретарь Международного
Союза писателей и мастеров искусств по ЮФО,
председатель координационного совета
Международного молодёжного фестиваля-
конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега
дружбы».*

*Сафронова Ольга Игоревна,
член Союза писателей России
и Международного Союза писателей
и мастеров искусств,
член правления Союза писателей Украины,
координатор проекта «Берега дружбы»
(Ростовская область, Россия).*

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
В РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ. ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ-КОНКУРСА
ПОЭЗИИ И ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ
«БЕРЕГА ДРУЖБЫ» (РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
НЕКЛИНОВСКИЙ РАЙОН)**

*«...переводы – не способ ознакомления
с отдельными произведениями, а средство
векового общения культур и народов».*
Борис Пастернак. Заметки переводчика. – «Знамя».
1944, №1-2

Поэтический перевод шагает рука об руку с авторской поэзией с древнейших времен, являясь мощным средством сближения народов и культур. Об этом убеди-

тельно говорит в книге «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» Лауреат Ленинской премии, литературовед, поэт и критик, общепризнанный мастер художественного перевода К. И. Чуковский: «...художественный перевод есть дело государственной важности, в котором кровно заинтересованы миллионы людей — украинцы, белорусы, грузины, армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и другие народы, впервые получившие возможность обмениваться своими литературными ценностями». Это утверждение, высказанное почти 100 лет назад, не утратило актуальности в условиях нашего многонационального государства.

С 2012 года в Неклиновском районе Ростовской области существует и развивается такое культурное явление, как фестиваль национальных культур «Берега дружбы», во главе которого выступает поэзия.

Идея культурно-национального сближения путём выполнения взаимных поэтических переводов изначально возникла на уровне литературных объединений «Степь» Неклиновского района, Ростовской области и «Пралеска» Гомельского района, Гомельской области, Республики Беларусь.

Администрация Неклиновского района Ростовской области, понимая всю вероятность и пагубность разделения народов России, насаждаемую глобально «извне», и учитывая стремление большинства людей некогда общей страны к единству на духовном, культурном, экономическом и политическом уровнях, а также то, что литературный переводческий процесс способствует сближению и развитию как русского (являющегося основным языком межнационального общения), так и белорусского, украинского и других национальных языков и углублённому взаимопониманию народов, приняла решение поддерживать начинание местных авторов.

Ежегодно и поэтапно, начиная со взаимообмена поэтическими переводами между любительскими литера-

турными объединениями Ростовской области, Краснодарского края и Гомельской области, Республики Беларусь и, заканчивая профессиональным переводческим сотрудничеством между отделениями писательских Союзов наших стран, был создан коллектив единомышленников, в который вошли наиболее известные и авторитетные представители Союза писателей России, Союза писателей Беларуси, Международного Союза писателей и мастеров искусств и Союза писателей Украины. К середине 2015 года сложилось надёжное административное и писательское содружество, возникшее в результате совместной организационной и творческой работы при подготовке и проведении фестивалей. Появились широкие возможности для решения глобальной задачи – укрепления национального единства через возрождение утраченной в постсоветский период школы переводчиков, о чём говорил Президент Российской Федерации В. В. Путин в декабре 2014 года.

14 октября 2016 года на II Съезде Союза Писателей Союзного Государства было отмечено, что литературный переводческий процесс, организованный в Неклиновском районе, Ростовской области не имеет аналогов за весь постсоветский период, представляет собой новую форму народной дипломатии и является уникальным.

С тех пор значительно расширилась как география, так и область направлений работы проекта:

1. В рамках фестиваля национальных культур регулярно с 2016 по 2020 годы проходит Международный молодежный фестиваль-конкурс поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы. В 2020 году 235 молодых авторов из 46 регионов Российской Федерации, шести регионов Республики Беларусь, пяти регионов Украины, включая Донецкую и Луганскую Народные Республики, Азербайджана, Болгарии, Киргизии и Канады прошли первый отборочный тур и получили конкурсные (переводческие) задания, по результатам выполнения кото-

рых 116 молодых авторов стали финалистами и заслужили право приехать на фестиваль.

2. Ежегодно лучшие переводческие работы фестиваля-конкурса издаются в коллективных, итоговых сборниках на русском, белорусском и украинском языках.

3. В культурный, переводческий взаимообмен произведениями включились молодые поэты и опытные авторы из национальных регионов Российской Федерации: Якутии, Коми, Бурятии, Калмыкии. Для совместного творчества были представлены стихи на национальных языках, а сами представители автономий выполнили поэтические переводы на родной. По результатам данной работы изданы сборники:

– «Судьбой подаренные встречи», сборник стихов и поэтических переводов поэтов Республики Саха (Якутия) и Краснодарского края в 2017 году.

– «В слове добром я правду найду», полный сборник с якутского на русский и с русского на якутский языки, созданный авторами «Берегов дружбы» в 2018 году.

– «Равные равным среди планет», сборник стихов и поэтических переводов поэтов из Республики Коми и Республики Бурятия на русском и национальных языках в 2019 году.

4. На сегодняшний день полноценный культурно-образовательный проект «Берега дружбы» охватывает сразу несколько поколений от опытных мастеров-наставников до совсем юных участников юниор-конкурса «Литературный дебют». В 2020 году юниор-конкурс детских тематических сочинений и поэтических произведений «Литературный дебют» стал международным. К школьникам из Неклиновского района и г. Таганрога присоединились участники из Краснодарского края, Московской области, Иркутской области, Донецкой Народной Республики, Республики Беларусь, всего 75 сочинений и 20 стихотворений. Многонациональность, присущая Российской Федерации, словно в зеркале отражается как в детских

сочинениях, так и в поэтических произведениях и у молодых авторов, и у зрелых, именитых поэтов.

5. В Неклиновском районе Ростовской области семи библиотекам присвоены имена украинских, белорусских и русских писателей-классиков и наших современников. Ведется работа с читателями по сохранению творческого наследия и популяризации творчества данных авторов.

6. С 2019 года по окончании фестиваля-конкурса для 25-ти победителей, лауреатов и дипломантов работает школа поэтического перевода. Курс «Особенности поэтического перевода на примере русского, белорусского и украинского языков», с вручением сертификатов Луганского национального университета им. В. И. Даля на сегодняшний день прослушали 50 молодых авторов. В перспективе, возможно расширение языкового многообразия, поскольку в 2020 году представитель Республики Калмыкия, дипломант фестиваля Решетникова Е. Н. факультативно ознакомила слушателей школы с особенностями поэтики калмыцкого языка.

7. Уделяется значительное внимание электронным ресурсам. Работает сайт «Берегов дружбы». В условиях самоизоляции разработаны и размещены как на сайте, так и в социальных сетях медиа проекты «Наследники Великой победы» и «Братское слово», собирающие огромное число просмотров.

Таким образом, культурно-образовательный проект «Берега дружбы» является разносторонним, развивающимся эффективным средством и инструментом по сближению и укреплению межнациональных связей внутри Российской Федерации и за ее пределами, объединяет во времени сохранение культурных традиций единого многонационального государства для нескольких поколений от школьников и молодых поэтов до зрелых и заслуженных творческих личностей.

Проект «Берега дружбы» способствует сохранению и углублённому изучению как русского, так и националь-

ных языков и направлен на создание и, возникающее в процессе совместной работы, единение переводческих пар: каждый участник представляет свои стихи на перевод и получает для перевода стихи от своего творческого партнёра. При кажущейся простоте работы с готовым подстрочным переводом, простой стихотворной обработки становится явно не достаточно, что побуждает как молодых, начинающих авторов, так и мастеров литературного слова обращаться к словарям и произведениям классиков литературы, изучать прошлое наших народов, постигать смысл пословиц и поговорок. Здесь во многом помогают сами авторы, приводя в стихах сноски и соответствующие пояснения. Очень интересный опыт первоначального знакомства читателя и переводчика с языком – включение в стихотворение на русском языке слов и понятий своего национального языка. Как пример можно привести несколько стихотворений Решетниковой Е. Н.:

Детства любимой игрушкой
был у меня бараний
белый пушистый хвостик.
«Барби», возможно, лучше,
но в девяносто-раннем –
хвостик бараний и кости.

Синий – глубокое небо.
Красный лепёшек горящих
(запах кизячьих угольев).
Жёлтый, как борцики¹ – хлебы.
Горечь полыни слаще –
зелень – сластей раздолья.

1 Бóрцики, бóрцоги (боорцг) – калмыцкая национальная выпечка.

Краски на том кончались
и начинались битвы –
способ игры старинный:
альчики¹ тихо стучали...
Целой когда-то кибитки
выпала мне половина.

Есть во мне навсегда как истоки начальная школа.
Половина кибитки², алтарь с фотокарточкой³, четки.
Рукава на терлег⁴ подколоты острой булавкой,
и вторая – от порчи – опасно сокрыта в подоле.

Я читаю йорял⁵ над огромной горячей пиалой –
это наша багше⁶ на Зул⁷, как всегда, расстаралась
(накрутила тогше⁸, а джола – те предательски рвались,
и хорха под конец – их налепит ребёнок и малый).

На уроке природы выходим в степные просторы:
вот сижу на траве и тихонько рисую тюльпаны,

¹ Альчик – надпяточная кость овцы (в основном баранов) и реже другого мелкого рогатого скота. Используются в качестве импровизированных игровых костей. Часто окрашиваются в различные цвета.

² Кибитка – юрта, переносное жилище из жердей и войлока.

³ Алтарь с фотокарточкой – с изображением Его Святейшества Далай-ламы XIV-го.

⁴ Терлэг (калм. терл[ь]г) – платье, часть национального женского костюма.

⁵ Йорял (калм. йоря'л[ь]) – благопожелание.

⁶ Багше (калм. багш[ь]) – учитель.

⁷ Зул (калм. Зул[ь], ударение падает как если бы после Л был ударный гласный Э) – праздник почитания предков, совпадает с днём ухода в Нирвану основателя тибетской буддийской школы Гелуг ламы Цонкапы. Название получил от того, что в этот праздник принято зажигать лампы (зул).

⁸ Тогше, джолá, хорхá (калм. тоһш[ь], жола', хорха') – разновидности борцов, национальной выпечки.

этот тонкий изгиб навсегда для себя вытверждая,
прозревая в хамурах¹ усопшие древние горы...

Ароматный кизяк² подороже цветных мандаринов:
детский труд мой суровый ценнее всего дефицита –
мы босые навоз и солому усердно месили,
чтобы вился дымок над хотоном³ душистый и длинный.

Есть во мне навсегда как истоки калмыцкое детство:
это небо, что ярче иного далёкого солнца,
эти земли без вод, многокрасочней пышного сада –
от хандры и тревоги народное сильное средство.

Есть у переводческой работы и некоторый «обратный эффект»: в процессе совместной работы автора и переводчика, сам автор часто доосмысливает, а иногда и переосмысливает своё произведение, и вносит изменения, делающие его более ярким и точным.

Таким образом, происходит расширение интеллектуального пространства и кругозора участников проекта, т.к. для создания полноценного художественного произведения нужны знания различной направленности из быта и повседневного образа жизни братского народа, начиная от национальной кухни и заканчивая музыкальными инструментами, обычаями, историческим общественным укладом и т. д.

Переводчику приходится продолжительно обдумывать и постигать поэтический мир своего коллеги, проникать в глубину его чувств, многократно переосмысливать и перефразировать свою работу. На этом этапе он роднится душой с создателем первоисточника, иначе

¹ Хамуры (от калм. хам[ъ]р – нос) – холмы, рельеф Ергенинской возвышенности.

² Кизяк – биотопливо, брекеты из высушенной смеси навоза и соломы.

³ Хотон – поселение.

полноценный поэтический перевод просто невозможен! Неизбежно происходит заочный личный контакт между авторами, поиск взаимопонимания, доверительное, душевное, дружеское и творческое общение, сближение и единение.

Взаимное проникновение в поэтический мир друг друга, в рифмовку и мелодику стихотворений, в образность и чувства, в личное восприятие и понимание окружающего мира обогащает каждого из авторов, хотя бы они того или нет и добавляет в творческую мастерскую каждого новые рифмы, образы, обороты речи, интонации и новые краски, расширяет словарный запас. Многие поэты, особенно начинающие, тяготеют к однообразной ритмике своих произведений: смысл разный, а ритм один. Перевод стихотворений, созданных в совершенно иной ритмике и размере – прекрасный повод попробовать и примерить на себя новую форму стихосложения. Это великолепная поэтическая школа и практика! Упорная и кропотливая работа над «неподдающейся строкой» способствует очень быстрому превращению молодого, начинающего автора в опытного мастера, что делает проект «Берега дружбы» мощным инструментом роста творческого потенциала пишущей молодёжи.

Состоявшиеся с 2016 по 2020 годы пять Международных молодёжных фестивалей-конкурсов поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» показали, что за время совместной работы, в результате творческого процесса сложились и поддерживаются дружеские, и если не родственные, то очень доверительные и близкие взаимоотношения между переводческими парами. В тоже время в результате совместной работы появилась своеобразная школа наставничества и поэтического мастерства. Поддержка и практическая помощь, которую поэты-наставники оказывают молодым авторам, стала очередным, поступательным шагом к восстановлению утраченных связей между постсоветскими поколениями литераторов,

путём к сохранению и передаче накопленных знаний и умений.

В переводах с калмыцкого языка наш фестиваль делает первые шаги, однако руководители и координаторы Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» уверены в том, что сближение и единение молодых людей на творческой основе станет крепким фундаментом взаимопонимания, взаимодоверия и взаимопознания между ними. Поэтическое слово автора другой национальности, пропущенное «через своё сердце», является надёжным инструментом сохранения мира, дружбы, добрососедства и сотрудничества между народами Российской Федерации и за ее пределами.

В заключение представляем несколько переводов с калмыцкого на русский, украинский и белорусский языки, которые выполнены нашими участниками и наставниками в 2020 году. Возможно, не все они достаточно совершенны, но каждый переводчик сделал свой первый шаг навстречу калмыцкой поэзии и молодому калмыцкому автору. Каждый внес свой личный, пусть небольшой, вклад в развитие межкультурной коммуникации, ибо дорогу осилит идущий!

Переводы Марченковой Киры (г.Брянск) стихов Бадмаева Эрдни (г. Элиста) с калмыцкого на русский язык

С родственниками человек – с ветвями дерево (Садта күмн – салата модн)

За то, что я рожден на этот свет,
Я матери до гроба благодарен.
За то, что в жизни я оставляю след,
Перед отцом колено преклоняю.
Бабуле я любимой поклонюсь -

Святой моей, единственной, родимой.
О дедушке я каждый день молюсь –
О том, кто воспитал меня мужчиной.

Вкус свежего парного молока
Я воспевать вовек не перестану
И дух печного сизого дымка
В дороге вспоминаю неустанно.

Я терпкий чай из медного котла
Готов назвать напитком драгоценным,
А угощенья щедрого стола –
Таких не отыскать во всей вселенной!

Ах, руки милых тётушек моих –
Нет больше в мире рук таких умелых,
Их доброе тепло, и ласка их
Меня сумели человеком сделать.

Мои родные дяди – я похож
На вас, ведь мы одной горячей крови.
Хоть много старше вы меня, а все ж
Считаете меня своею ровней.

И младших братьев не сыскать родней:
Покинув дом, меня вы не забудьте -
Придет нужда – зовите поскорей!
Явлюсь на помощь в трудную минуту.

Мои родные, вас вовеки я
И на краю земли не позабуду
Моя большая сильная семья,
Вам радуюсь всегда, как будто чуду.

Родные люди – как воды глоток,
Не назовешь их неподъемной ношей,

Ведь если человек не одинок -
На дерево ветвистое похож он.

Огонь жизни (Әмни һал)

На старой фотографии они –
Осколки жизни, навсегда ушедшей
В глазах живых людей горят огни,
Я вижу блеск их яркий, сумасшедший.
Но пустотой наполнены глаза
Тех, кто нас покидает, не прощаясь,
И даже фотоснимок рассказать
Нам ничего о них не обещает.
Когда приходит время уходить,
Чтобы однажды повстречаться с Богом
Смерть гасит жизни яркие огни,
Протягивая руку от порога...

И если стариков моих уход
Я вижу, непростой и неизбежный,
То вспоминаю тот далёкий год
Ненастный, високосный и бесснежный,
Когда тихонько угасал огонь
В глазах родного деда понемногу,
А ведь когда-то мне давал и он
Напутствие в далёкую дорогу:
«Когда уходишь ты за сто морей,
Не торопись понять обычных истин,
Не торопись открыть чужих дверей
И жизнь свою прожить не торопись ты»

Он все мне на прощание сказал,
Усталыми глазами улыбнулся,
И я ушёл. И лишь потом узнал,
Что дед уснул и больше не проснулся.

Переводы Перевозовой Анны (п. Мостовской, Краснодарский кр.) стихов Бадмаева Эрдни (г. Элиста) на русский язык

Калмык (Хальмг гисн)

Калмыком грозным я зовусь,
Неистов мой калмыцкий нрав,
В груди калмыцкой пламя чувств,
Душа калмыцкая щедра!

Язык калмыцкий мой учтив,
Прекрасен мой калмыцкий край,
Калмык мой старец всеми чтим,
Калмычка-девушка добра.

Прославлен мой калмыцкий род,
Калмыцкий эпос мой правдив,
Калмыцкой красной кистью горд,
Калмыцкой доблестью я жив!

Сердцам калмыцких матерей,
Их песням равных не найти!
Как лотос, в благодати своей,
Моя Калмыкия, цветы!

Переводы Шебанец Марии Руслановны (г. Молодечно, Минская обл., Беларусь) стихов Бадмаева Эрдни (г. Элиста) с калмыцкого на белорусский язык

**Чалавек без сям'і – як дрэва без галін
(Садта күмн - салата модн)**

За тое, што пабачыў свет,
Я маці дзякую й праз сон.

І бацьку, што ўзрасціў, як след,
Хілю калені ва ўнісон.

Святой бабулі, не сакрэт,
Таксама свой кладу паклон.
Дзядулі за навук цяжар
Малюся мноства дзён запар.

Пяю пра той салодкі смак,
Што мае ўвечары надой,
У печ закладзены кізяк
І водар поруч з цеплынёй.

Бабуліна гарбата – цуд,
То найкаштоўнейшы напой.
Булён ды мяса, на мой суд,
Хоць выстаўляй на аналой.

І цёткі, сёстры – скарбы ўсе,
Бо лёгкай залатой рукой
Мяне трымалі пакрысе,
Каб чалавекам рос няўтой.

Таксама дзядзькам вінны згад:
Шануе вас малодшы той.
Хоць і старэйшыя нашмат,
А роўным лічыце з сабой.

Іменшыя мае браты –
Ужо прадбачу гонар свой!
Каму спатрэблюся – тады
Умомант побач я з табой.

Вам, родныя мае, стагроць
Падзяка ўсёй душы жывой.
Захоўвайце здароўе й моц
Спакойна за маёй спіной.

Не цягне плечы мех:
Там не пясок зусім.
Без родных чалавек –
Як дрэва без галін.

Полымя жыцця (Әмни һал)

Разглядаю імгненні быцця –
Састырэлыя здымкі ў руках –
І полымя бачу жыцця
Ў нібыта жывых вачах.
Калі не надышоў працяг,
Халадзе любы пагляд,
І на здымках усіх спагадзя –
Толькі цень, што з душой няўлад.
Калі кожнага кліча Суддзя,
То ў зрэнках ужо няшмат –
Цалкам полымя гасне жыцця,
Так выконвае смерці загад.

І калі пра каго са старых
Раптам зведаю сумны зыход,
Смерці знака найпершага ўміг
Я згадаю тады ўваход.
Як у дзеда вачах цвілых
У апошні ўжо мой прыход:
Быў агеньчык лампады ў іх,
Ды яго ўжо зацягваў лёд.
«Як праз Шацінскі пойдзеш мост,
Перад тым, як надыдзе змрок,
Асцярожна ідзі наўпрост,
Свой старанна вучы ўрок», –

Ледзьве чутна ў новы шлях
Блаславіў мяне патрыярх.

Калмык (Хальмг гисн)

Калмык – то лютасці імя,
Калмык – душы то прыгажосць,
Калмык – крыві гарачыня,
Калмык – майго шаленства жоўць!

Калмыцкі край – о, лепш няма!
Калмыцкай мовы чысціня...
Калмык стары – шануй, сям'я!
Калмычка – ветлая мая.

Калмыцкі продак – то герой,
Калмыцкі сказ праўдзівы мой,
Калмыцкі мой кутас – як кроў,
Калмыцкі гонар – да краёў!

Калмыцкіх сэрцаў што мацней?
Калмыцкай спадчыны шырэй?
Калмыцкай маці даражэй?
Калмыкія мая – квітней!

Переводы Сергея Александровича Кузнецова (г. Мир-город, Полтавская обл., Украина) стихов Бадмаева Эрдни (г. Элиста) с калмыцкого на украинский язык

**Людина з родичами - як дерево з гілками
(Садта күмн - салата модн)**

В світі цьому народився –
Матір поцілую.
Виріс сильним – то уклінно
Батька я ціную.

Моя мила, найсвятіша –
Добрая бабуся.

Мав поважне виховання –
Дідові молюся.

Надоїли молоко –
Насолода смаком.
Піч натоплена у домі –
Пам'ятаю запах.

Заварила чай бабуса –
Напій найцінніший.
З м'яса страви і бульйони –
Наші найсмачніші.

Тітоньки мої та сестри –
Всі майстрині любі,
Так голублять мене й пестять,
Вивели у люди.

Кожен дядечко – найкращий,
Змалку поважаю.
Хоч усі від мене старші,
Рівнею вважали.

Братики мої молодші,
Знаю, що ви горді.
Буду я для вас потрібен
Завжди у нагоді.

Ви моя рідня по крові,
Вам навіки вдячний.
Будьте сильні і здорові –
Буде щира вдача.

Не тягар моя родина,
Не пісок, не камінь.
У родині я – людина,
Дерево з гілками.

Вогонь життя (Әмни һал)

На старенькі дивлюся світлини,
Незабутні моменти буття.
Там в очах у живої людини
Ніби світиться вогник життя.
Та життя для людини минає.
У порожніх замерзлих очах
Тільки тінь, а вогню вже немає.
У душі залишилась печаль.
Прийде час перед Богом постати.
Подивись у зіниці – щораз
Починає той вогник згасати
Перед смертю... І ось вже погас.

Відчуваю подію завчасно –
Вже відходять старенькі від нас.
Не забуду, як вогник той гасне,
Неминуча відзнака сумна.
Вже востаннє із дідом зустрівся
Та побачив у нього в очах –
Той вогонь, мов лампада світився.
Він так дивно згасати почав.
«Ось і сутінки, скоро вже темно,
Тільки Шаттинський міст перейти.
Осягайте навчання ретельно,
Обережніше йдіть до мети», –

Для онука воно найцінніше –
Те напуття мені від біди.
Так бабуся сказала пізніше:
«Дід заснув у цю ніч назавжди».

Калмик (Хальмг гисн)

Калмик – ім'я моє грізне,
Калмицька кров моя гаряча,
Калмицька душа моя багата,
Калмицька лють моя шалена!

Калмицька Батьківщина моя прекрасна,
Калмицька мова моя милозвучна,
Калмик-старець мій шанований,
Калмичка-дівчина моя ввічлива.
Калмицькі предки мої героїчні,
Калмицька історія моя правдива,
Калмицька китиця моя червона¹,
Калмицькою гордістю я сповнений.

Калмицької матері ціни немає,
Калмицької культури меж немає,
Калмицькому серцю перешкод немає,
Калмикія моя – процвітай!

**Переводи Анастасии Вороничевой (г. Брянск) стихов
Бакурова Байра (Кетченеровский район, пос. Тугтун)
с калмыцкого на русский язык**

Тугтун – моя Родина (Тугтн - мини Төрскм)

Внемли легенде древней:
В далёкие года
Бескрайнее кочевье
Господь сынам отдал.

В свою звезду поверив,
Простясь с родной землёй,

¹ Зала – червона китиця на головному уборі калмиків

Пришёл на Сарпы берег
Каакн со всей семьёй.

Но время, без сомненья,
Меняет всё вокруг,
И вот в степи – селенье
С названьем *Хорха Тугтн*.

Тугтун, родной оток мой,
Дожил до наших дней,
И не представить, сколько
Он воспитал детей.

И я горжусь сынами
Отока моего –
Дорджиев и Бадмаев
Прославили его.

Пусть нелегка планида,
У нас всего полно:
Скота четыре вида
И множество домов,

Степь без конца и края...
И счастлив здесь калмык!
Мы старшим помогаем,
Храним родной язык,

Традиции и песни,
Сказанья прошлых лет;
И в мире интересней
Преданий наших нет!

Коль кто-нибудь, уставши
От долгого пути,
Зайдёт в селенье наше,
Мы чаем угостим.

И он увидит ясно
И скажет не тая,
Что нет земли прекрасней,
Чем Родина моя!

Переводы Ковалева Максима (г. Брянск) стихов Бакурова Байра (Кетченеровский район, пос. Тугтун) с калмыцкого на русский язык

Моей бабушке (Мини ээждм)

Милая бабушка, солнечный лучик.
С детства растила меня, баловала.
И с восклицанием: «Байр, мой внучек», –
Новорожденного ты обнимала.

Милая бабушка, нет тебя краше.
Самое лучше ты отдавала,
И по калмыцким обычаям нашим
Парня везучего ты воспитала.

Ты к тороке помогла дотянуться,
Руку мальчонки направив немного.
К стремени ты помогла прикоснуться,
И привела на мужскую дорогу.

Я уезжал, той дорогой влекомый.
Старая бабушка тихо грустила:
«Как он вдали от родимого дома?» –
Переживая, она говорила.

Вечером зимним случилось ненастье:
Гром разразился над домом родимым.
Старая бабушка – искорка счастья –
Вдруг в одночасье ушла от любимых.

Добрая бабушка, ты незабвенна!
Я по тебе бесконечно скучаю.
Именем Зандн твоим непременно
Дочку свою нареку – обещаю!

Переводы Сергея Александровича Кузнецова (г. Миргород, Полтавская обл., Украина) стихов Бакурова Байра (Кетченеровский район пос. Тугтун) с калмыцкого на украинский язык

Тугтун – моя Батьківщина (Тугтн – мини Төрскм)

Давненько то було, минули днини,
Дітей до себе батько запросив
Ділить худобу й землю у родині –
«Даю тобі» усім проголосив.

Попрямував у нові землі згодом,
Поїхав Каакин в нові степи.
Повірів в світлу долю свого роду,
Прийшов на берег озера Сарпи.

Буває, час однаково не плине,
Більмо не завжди біле¹ – в добру путь.
Так селище Хорха Тугтун² гостинне
Тепер стоїть в калмицькому степу.

Із рідного мого Тугтун отоку³
Відомі й знамениті земляки –
Велика річка з малого витОку –
І славні серед них чоловіки.

¹ Калмицьке прислів'я – «Час не йде однаково, більмо не завжди залишається білим».

² Стара назва селища Тугтун у Калмикії, Батьківщини автора.

³ Оток – адміністративна одиниця в дореволюційній Калмикії, селище.

Письменник, наш земляк, Басан Дорджиев
Промовив: «Я в Тугтуні народивсь».
І науковець наш Бата Бадмаєв,
І він на світ в Тугтуні появивсь.

Чотири види чепурних будинків,
До степу йдуть на повну широту.
Чотири види тучної худоби
Дербети¹ мають в селищі Тугтун.

Калмицька мова тут лунає вільно –
Співає молодь, діточки ростуть.
Тут літнім людям допомога спільна,
Старим повага у Хорха Тугтун.

В щасливому хотоні², як годиться,
Старим калмицьким звичаєм живуть.
Всі заповіти батьківських традицій
Святиною у поколіннях звуть.

Сподобалась тобі моя хатина –
У будь-якій оселі зазвичай
Сідай на чільне місце у гостині,
Смакуй із радістю калмицький чай.

Тугтун – то Батьківщина моя рідна.
Ти цілувала дитинча своє.
Оток мій любий, буду тебе гідним,
Обійстя миле, серденько моє.

¹ Дербети – етнічна група у складі калмиків.

² Хотон – селище.

Моїй бабусі (Мини ээждм)

Бабуся мила пестила ізмалку,
Ростила, дарувала все, що мала.
«Байр, любий мій онук», – казала палко
Та немовля маленьке обіймала.

Найкраще все онукові віддала,
Навчаючи традиціям і правді.
Кмітливого хлопчину доглядала,
Нашадка роду виховала вправно.

Ти старшого онука підіймала,
Торкнутися рукою до тороки¹.
Ногою встать в стремено помогала,
На чоловічу вивела дорогу.

Покинув врешті я свою родину,
Бабусенька старенька вболівала,
Питала «Де він, як він?» щогодини,
Переживала сильно, сумувала.

Та пролунав узимку грім скорботи,
Тихенько сива відійшла бабуся,
Позбавила онученька турботи.
Про добру пам'ять я з тих пір молюся.

Бабуся моя мила, за тобою
Болить душа, в печалі залишаюсь.
Твоїм ім'ям, Занден, з любов'ю –
Так правнучку назву заради шани.

¹ Дослівний вираз «Рукою дотягнутись до тороки, ногою дотягнутись до стремена» означає вирости для дитини.

*Эльдышев Эрдни Антонович,
народный поэт Калмыкии,
Председатель правления
Союза писателей Республики Калмыкия
(г. Элиста, Россия)*

О ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Добрый день, уважаемые участники конференции! Сегодня мы собрались для обсуждения важной темы о роли художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений.

Современная калмыцкая художественная литература задолго до своего становления, имела опыт художественного перевода. Еще основоположник калмыцкой национальной письменности Зая-Пандита в XVII веке осуществил переводы многих буддийских текстов на тодо бичиг («ясное письмо»). В 1911 году на тодо бичиг была переведена сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». В 30-е годы прошлого века, во время зарождения и становления современной калмыцкой литературы, ее основатели Нимгир Манджиев, Санджи Каляев, Аксен Сусеев и другие поэты активно переводили произведения русских классиков. Так, поэт Даван Гаря по заданию Союза писателей Калмыкии перевел роман Пушкина «Евгений Онегин», но, к сожалению, сохранилась только первая глава. Поэт был репрессирован и погиб в 1943 году в лагере. Он осуществил перевод романа в стихах, сохранив музыкальность и ритмичность великого произведения. Первая глава была опубликована в специальном сборнике «Рост», посвященном столетнему юбилею А. С. Пушкина. Только эта глава и сохранилась для нас. Рукопись перевода остальных глав романа, к сожалению, пропала во время Великой Отечественной войны. Кроме романа «Евгений Онегин», поэт перевел «Выстрел», «Гробовщик» и отрывки из «Повестей Белкина» А.С.Пушкина.

Он также осуществил перевод произведений Самуила Маршака «Багаж» и Михаила Дорошина «Донская песня». Поэты Лиджи Инджиев, Баатр Басангов, Церен Леджинов, Константин Эрендженов, до войны перевели на родной язык произведения А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Горького, В. Маяковского, Т. Шевченко и других писателей. В сибирской ссылке, когда была ликвидирована калмыцкая автономия и калмыцкий язык был под запретом, писатель Басанг Дорджиев, находясь в Хакасии, начинает перевод романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который был издан отдельной книгой в Элисте в 1971 году. Кстати, знаменитый русский поэт, переводчик эпоса «Джангар» Семен Липкин был единственным русским писателем, который писал письма Б.Дорджиеву и всячески поддерживал его в ссылке. Сказки Пушкина перевел поэт Хасыр Сян-Белгин.

Калмыцкие писатели перевели на родной язык драмы Вильяма Шекспира. Басанг Дорджиев перевел трагедию «Отелло», поэт Владимир Нуров перевел «Ромео и Джульетта», поэт Егор Буджалов «Король Лир». Эти пьесы великого английского драматурга были поставлены на сцене калмыцкого театра и обогатили национальную художественную литературу. Хочу отметить, что после возвращения из сибирской ссылки калмыцкие писатели возобновили активную переводческую работу. Так Монгол Харцхаев перевел повесть «Капитанская дочка» А. Пушкина, Лиджи Инджиев отрывок романа М. Шолохова «Поднятая целина», Басанг Дорджиев перевел рассказ М. Шолохова «Судьба человека», Алексей Бадмаев повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!», Уташ Очиров его же повесть «Первый учитель», повесть Алексея Толстого «Хлеб». Особо хочу отметить переводческую деятельность Давида Кугультинова. Он перевел произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, пьесу А. Островского «Бешеные деньги», поэтический сборник Расула Гамзатова «Высокие звезды», «Горскую

поэму о Ленине» Кайсына Кулиев. Л. Инджиев перевел поэму В. Маяковского «В.И. Ленин». В своем выступлении о том, как он работал над переводом поэмы В. Маяковского, он пишет: «Было непросто справиться с лексикой В. Маяковского, адаптировать его неологизмы к калмыцкому языку». Он перевел на родной язык роман-хронику А. Амур-Санана «Мудрешкин сын». Но калмыцкие поэты успешно справились с этой трудной задачей, в переводах Боси Сангаджиевой, Егора Буджалова звучат стихи В. Маяковского «Левый марш», «Стихи о советском паспорте» и другие знаменитые произведения поэта. В Элисте издан сборник стихотворений В. Маяковского на калмыцком языке. Также сложно было переводить стихи С. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой, но они блестяще звучат на калмыцком языке. Писатель Тимофей Бембеев перевел главное произведение Александра Твардовского, поэму «Василий Теркин». Санджи Каляев осуществил перевод знаменитой сказки Петра Ершова «Конек-горбунок». Писатель, ученый Анатолий Кичиков осуществил самый сложный перевод на родной язык великого памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», доказав тем самым еще раз, лексическое богатство, пластичность и безграничные возможности родного языка. Перевод «Слова о полку Игореве» был опубликован отдельной книгой в Элисте в 1988 году. И сегодня современные калмыцкие писатели продолжают традиции художественного перевода. Так, писатель Николай Бурулов перевел повесть А. Пушкина «Дубровский», Егор Буджалов перевел изречения Будды «Дхаммапада», переводчик Владимир Кугультинов перевел практически все основные произведения А. Чехова и Н. Гоголя. Писатель Н. Я. Бурулов перевел повесть А.С. Пушкина «Дубровский», повесть С. Балыкова «Девичья честь», сборник рассказов «Сильнее власти». Поэт Э. Эльдышев перевел произведения русских классиков А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Ахматовой, В. Маяковского, А. Твардовского, Н. Рубцова и др. Произведения поэтов

Северного Кавказа, Монголии. Все эти переводы были опубликованы в журнале «Теегин герл».

В заключении хочу отметить несомненную важность художественного перевода в сближении народов. Сегодня поэты разных народов своим творчеством, активной общественной деятельностью вносят большой вклад в развитие и укрепление литературных связей между народами России. Их переводы обогащают литературное пространство России. Читатель ценит в них мудрость, философскую глубину, красоту и высокую нравственность.

*Щербаков Юрий Николаевич,
писатель, поэт, переводчик,
руководитель астраханского
регионального отделения Союза писателей России
(г. Астрахань, Россия)*

«СТИХИ ДРУЗЕЙ – НАГРАДА И ОТРАДА...»

Добрый день, уважаемые друзья и коллеги! От имени Астраханской писательской организации я сердечно приветствую участников межрегиональной конференции «Сохрани мою речь навсегда». Замечательно само название мероприятия, потому что оно выражает суть того важного дела, которые делают сегодня литераторы всей России, и у нас в Астраханской области. Центр литературного перевода при Астраханском региональном отделении Союза писателей России уже шесть лет занимается тем, что переводит на русский язык стихи поэтов разных национальностей и в основном, конечно, наших соседей – калмыцких авторов, а я сам занимаюсь этим делом уже больше 30-ти лет. Когда-то, очень давно я сформулировал для себя в стихах: зачем сегодня литераторы и в частности, я занимаемся художественным переводом.

Стихи друзей награда и отрада!
Текут ручьи их светонесных книг,
Ломая зим нелепые преграды,
Как будто в Волгу, в общий наш язык.
Несут они и радость и тревогу,
У памяти и совести в долгу.
И счастлив я, коль верную дорогу
Им отыскать сегодня помогу.

Сегодня многие астраханские литераторы активно участвуют в процессе художественного перевода. Шестой год мы проводим областной конкурс литературного перевода «Дружба литератур – дружба народов». И каждый год одной из номинаций конкурса является перевод с калмыцкого языка. В нынешнем году представлен подстрочный перевод одного из стихотворений народного поэта Калмыкии Эрдни Эльдышева. Все желающие могут сделать литературный перевод поэта, с которым мы в последнее время активно работаем.

В прошлом году я завершил перевод поэмы замечательного калмыцкого поэта, старейшины калмыцкой литературы Владимира Нунова, народного поэта Калмыкии. Доводилось переводить моего незабвенного друга Николая Санджиева, также Василия Чонгонова, Раису Шурганову и, опять-таки к великому горю, ушедшего из жизни Григория Авджаева. Калмыкия и Астрахань – соседи, и нам попросту невозможно не интегрировать наши литературные и культурные силы. Совсем недавно я перевел стихотворение Эрдни Эльдышева, буквально, накануне дня рождения А.С. Пушкина. Кстати, замечательно, что конференция проходит через два дня после того, как вся Россия отметила всероссийский Пушкинский день.

Эрдни Эльдышев написал стихотворение «Калмыки и Пушкин». На мой взгляд, концовка этого стихотворения очень точно отражает то общее настроение, с которым собрались, пусть даже на расстоянии, участники этой межрегиональной конференции.

Вот концовка этого стихотворения! Пусть она прозвучит и как пожелание, и, может быть, как эпитафия нашей конференции:

Любой тиран над правдою не властен!
И верит свято друг степей калмык,
Что в Пушкине спасение и счастье,
Душа России и ее язык.
Удачной Вам работы, друзья и коллеги!

Чекалов Петр Константинович,
д. ф. н., гл. библиотекарь
Ставропольской краевой библиотеки
им. М. Ю. Лермонтова
(г. Ставрополь, Россия)

ПЕРЕВОДЫ НА АБАЗИНСКИЙ И С АБАЗИНСКОГО: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Абазины – немногочисленный народ, проживающий в 13 аулах современной Карачаево-Черкесской республики и насчитывающий около 40 тысяч человек. После обретения письменности в 1932 году появились первые художественные произведения, но на начальном этапе развития на национальной литературе пагубно сказались репрессии (1935–1938 гг.) и Великая Отечественная война, приостановившие только наметившийся литературный процесс. Поэтому становление абазинской литературы выпало на конец 1940-х – начало 1960-х гг. Именно на этот период (1949–1963 гг.) приходится выпуск областным книжным издательством 27 книг в переводе на абазинский язык: это – рассказы и повести Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, А. Гайдара, К. Паустовского, В. Катаева, В. Каверина, М. Шолохова и даже роман А. Кожевникова «Живая вода» и т.д.

Это всё не случайно. Переводы произведений русской литературы, литературы народов СССР в то время являлись исторической необходимостью: в условиях отсутствия собственных традиций молодым национальным авторам нужно было опереться на опыт развитых литератур. И переводы оказались наиболее рациональной формой усвоения данного опыта. Это, в частности, подтверждается и тем, что некоторые абазинские литераторы прежде, чем приступить к созданию собственных произведений, занимались переводами. Важно отметить и следующее: такие жанры, как повесть, роман, драма в национальной литературе возникли под непосредственным влиянием переводов. Свидетельством тому выступает тот факт, что первые печатные произведения этих жанров на абазинском языке были переводными.

После 1963 года переводные книги с русского на абазинский перестали выходить. Это говорит о том, что национальные литераторы переводили и учились в пору своего становления, когда же обрели определенные навыки сюжетостроения, композиции, лепки характеров, потребность в переводах отпала. К тому же, абазины в то время уже могли свободно знакомиться с русскими произведениями на языке оригинала. Но свою огромную роль в становлении абазинской литературы, в обретении ею эстетики, формировании литературного языка, поэтики, переводы выполнили. Переводы прокладывали видовые и жанровые пути, явились одной из тех опор, с помощью которой национальная литература встала на ноги, а затем и во весь свой рост.

Со второй половины 1950-х гг. намечается обратная тенденция: начинают выходить переводные книги уже с абазинского на русский и абхазский языки: с 1957 по 1990-й годы было осуществлено 28 таких изданий. Половина из них была выпущена в региональных издательствах (Черкесск, Ставрополь, Сухум), а другая половина — в издательствах Москвы. Это была великолепная совет-

ская переводческая школа, которая не только вознаграждала труд переводчиков и переводимых ими авторов, но распространяла и пропагандировала по всей стране произведения национальных литератур, даже таких малых народов, как абазинская. И тиражи таких книг исчислялись двумя, тремя, а чаще всего пятью и десятью тысячами экземпляров.

С 1990-х годов, к великому сожалению, государственная поддержка литераторов в России была прекращена, ликвидирована школа переводчиков, вследствие чего национальные литераторы потеряли возможность выходить со своими произведениями к иноязычному читателю.

Нельзя сказать, что в новое время переводы с абазинского прекратились совсем. За последние три десятилетия вышло 14 переводных книг. Но это в два раза меньше того, что было выпущено за рассмотренный выше период советского времени. Пять из них представляют собой переиздания переводов, подготовленных в предыдущие десятилетия. И разница заключается не только в этом. Во-первых, переводы эти осуществляются благодаря только энтузиазму и спонсорской помощи отдельных личностей и общественных организаций, но не государства; во-вторых, почти все они изданы в региональных издательствах; в-третьих, тиражи этих изданий составляют как правило от 100 до 500 экземпляров. Теперь вопрос: при таких смехотворных, карикатурных условиях имеет ли хоть какой-то минимальный шанс национальный литератор быть известным вне своей языковой среды, как Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов, Баграт Шинкуба и многие другие? Ответ очевиден: нет, будь он трижды гениальным!

Рассмотрим некоторые абазинские переводческие издания последних лет.

В 2007 г. Х.С. Аджибеков выпустил книгу стихотворений Генриха Гейне [7] на немецком и абазинском языках. Сборник был структурирован таким образом, что на

одной странице каждого книжного разворота помещался оригинал, а на другой – перевод. Подобного прецедента ни до, ни после в национальной литературе не было.

Летом 2014 г. студентка Ставропольского педагогического института Алла Ашбана молодёжном форуме «Машук» выиграла грант на перевод с абазинского языка на русский романа К. Джегутанова «Золотой крест». К инициативе подключилась Национально-культурная автономия абазин Ставропольского края (руководитель – А.Х. Чагова), привлекла к работе переводом известного в регионе прозаика В. П. Бутенко, вложила дополнительные средства, и прекрасно оформленная книга увидела свет в 2016 г. [6]. Без какого-либо преувеличения данное издание можно считать значительным событием в культурной жизни абазин.

С 2011 по 2017 гг. филолог П.К. Чекалов реализовал большой переводческий проект, в результате которого на русском языке были выпущены три книги: «Абазинская проза», куда вошли произведения 13 национальных авторов [1], «Абазинские сказки», вобравшая в себя около 60 народных и литературных сказок, легенд и анекдотов о Ходже Насреддине [3], сборник избранных прозаических и драматических произведений М. Дагужиева «Земфира» [5]. Впоследствии отдельные тексты из этих изданий вошли в антологии современной литературы народов России, изданных в Москве: «Проза» [10] (рассказы М. Дагужиева, Х. Аджибекова, Р. Пазовой), «Драматургия» [11] (пьесы М. Дагужиева «Когда накатит колесо»). Отметим и то, что в антологии по поэзии [8] и детской литературе [9] вошли также переводные стихи и новеллы К. Баталова, В. Копсергеновой, А. ИONOва, Ф. Апсовой, Л. Шебзуховой.

Отдельным абзацем выделим деятельность доктора Берлинского университета имени Гумбольдта Штеффи Хотивари-Юнгер по популяризации абазинской литературы в Германии. Она перевела на немецкий язык и

в № 31 журнала «Георгика» за 2008 год напечатала стихотворения М. Тлябичевой, Ф. Апсовой, Л. Шебзуховой, рассказы В. Копсергеновой, Р. Пазовой. В следующем номере (№ 32, 2009 г.) она в собственном переводе опубликовала статью П. Чекалова о лирическом отклике К. Мхце на военные события в Абхазии в 1992–1993 гг. Через пять лет (2014 г.) Штеффи Хотивари-Юнгер издала на немецком языке сборник абазинской прозы [2], ранее переведённый П. Чекаловым с абазинского на русский. Затем три рассказа из этой книги (Ф. Апсовой, Х. Аджибекова, П. Чекалова) с развернутым предисловием об абазинах, их истории и культуре Штеффи поместила в журнале «Бавюлон» (№ 1, 2015 г.), а еще через два года (февраль 2017 г.) журнал «Кабардинер шагди» перепечатал рассказ Р. Пазовой «Верность», переложенный на немецкий язык той же переводчицей.

В этом ряду отметим и тот факт, что в 2012 г. в Анкаре вышел переводной на турецкий язык сборник абазинских народных сказок [4], составленный и изданный В. Меремкуловым ещё в 1986 г.

За свой недолгий век абазинская литература выдвинула несколько значительных авторов, среди которых можно назвать имена Бемурзы Тхайцухова, Кали Джегутанова, Микаэля Чикатуева. И всё же наиболее сильно и ярко литературный талант воплотился в творческой личности Керима Мхце (1949–2001 гг.), в современной национальной критике осмысливающийся как человек, вознёсший абазинскую поэтическую культуру на мировые вершины.

Он учился на втором курсе Литературного института, когда не без помощи руководителя семинара А.А. Михайлова московское издательство «Современник» предложило ему издать сборник переводных стихотворений. Не приходится говорить о том, что молодой поэт воспринял такое известие с большой радостью. Но, когда уже готовую книгу передали автору для утверждения в печать, он своих произведений не узнал и отказался выпу-

сказать их под своим именем. Дело осложнялось тем, что по договору издательство успело выплатить переводчику аванс, но Керим остался непреклонен: он уже тогда понимал, что в поэзии не может быть никаких компромиссов. В этом эпизоде явно проявился характер поэта, его принципиальное отношение к творчеству. Но – ирония судьбы! – за всю последующую жизнь ему так ни разу и не удалось вывести в свет книгу на русском языке.

Идея необходимости перевода творческого наследия К. Мхце возникла давно, но всегда наталкивалась на непреодолимые проблемы финансового порядка. После создания международного объединения «Алашара» (президент – М.Х. Экзекв), содействующего сохранению абазинско-абхазского этноса, развитию его национальной культуры, эта мысль снова была озвучена на форуме абазинской интеллигенции в октябре 2012 года, нашла понимание и поддержку. Уже к весне 2013 г. были готовы подстрочки более 200 стихотворений. Затем в течение года шли поиски и переговоры с переводчиками, завершившиеся договоренностью с Андреем Галамагой. На протяжении двух лет он кропотливо работал над переложением произведений абазинского автора и летом 2016 г. завершил работу над сборником К. Мхце, вышедшем в самом конце 2018 года с символическим названием «Возвращаюсь».

Большая популяризаторская работа переводчика была продолжена и после издания книги. Так, уже 26 декабря 2018 г. в редакции журнала «Москва», где литературный клуб «Соты» подводил итоги года, Галамага представил переведенный им сборник. Затем 13 февраля 2019 г. на заседании Союза переводчиков в Словацком институте в Москве состоялась презентация переводной книги. Осенью того же года (27 октября) в малом зале Центрального Дома литераторов (Москва) состоялся вечер межнациональных литератур Международной Академии «Русский СЛОГ», на котором А. Галамага снова представил книгу «Возвращаюсь», рассказал о том, как шла работа над пе-

реводами, прочитал несколько стихотворений. Помимо того, в мае 2019 г. в научно-художественном журнале «Переводчик» (№ 19) Забайкальского государственного университета (г. Чита) Галамага опубликовал 5 стихотворений из книги К. Мхце, а в марте 2021 г. в первом номере крымского журнала «Белая скала» ещё 8 стихотворений. Публикации были дополнены фотографиями, небольшими биографическими справками о поэте и его переводчике.

Отметим и тот факт, что анализ переводческой работы Андрея Галамага нашел своё отражение в двух научных публикациях П.К. Чекалова, осуществлённых в 2019 г. в Вестнике Адыгейского государственного университета [12] и Калмыцком научном центре РАН [13].

В связи с этим общественная организация «Алашара» писала на своём сайте: «Переводческий проект АНО «Алашара» по изданию первого и пока единственного переводного сборника стихов Керима на русском языке «Возвращаюсь» постепенно достигает своей цели – сделать творчество нашего лучшего поэта достоянием широкой российской и мировой литературной общественности. В немалой степени этому способствует Андрей Галамага, который после издания книги активно продвигает поэзию Мхце, выступая с его стихами на различных творческих площадках» [14].

Ещё одним положительным следствием выпуска книги «Возвращаюсь» явилось то, что 7 стихотворений из неё 24 апреля 2019 г. были опубликованы в главной литературной газете Узбекистана «Книжный мир» в переводе на узбекский язык Д. Ражабом.

Проведённый обзор свидетельствует, что стараниями национальных филологов, общественных организаций, русских и иностранных переводчиков произведения абазинского фольклора и литературы продолжают прокладывать культурные пути навстречу русскоязычному и зарубежному читателю.

Литература:

1. Абазинская проза: сказки, рассказы, новеллы, миниатюры / составитель и переводчик П.К. Чекалов. – Ставрополь, 2011. – 107 с. – На рус. яз.
2. Абазинская проза: сказки, рассказы, новеллы, миниатюры / составитель и переводчик Ш. Хотивари-Юнгер. – Людвигсбург, 2014. – 170 с. – На нем. яз.
3. Абазинские сказки / составитель и переводчик П.К. Чекалов. – Ставрополь, 2014. – 108 с. – На рус. яз.
4. Абазинские народные сказки / перевод Оздемира Озбая. – Анкара, 2012. – 325 с. – На тур. яз.
5. Дагужиев М. Земфира: рассказы, пьесы / составитель и переводчик П.К. Чекалов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2017. – 98 с. – На рус. яз.
6. Джегутанов К. Золотой крест: роман / перевод с абазинского В. Бутенко. – Ставрополь, 2016. – 356 с. – На рус. яз.
7. Из поэзии Генриха Гейне / перевод с абазинского Х. Аджибекова. – Черкесск, 2007. – 316 с. – На нем. и абаз. яз.
8. Современная литература народов России. Поэзия. – Москва, 2017.
9. Современная литература народов России. Детская литература. – Москва, 2017.
10. Современная литература народов России. Проза. – Москва, 2018.
11. Современная литература народов России. Драматургия. – Москва, 2020.
12. Чекалов П.К. Принцип сбережения содержания и формы в переводном сборнике К.Л. Мхце «Возвращаюсь» / П.К. Чекалов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2019. – № 4. – С. 110-115.
13. Чекалов П.К. Переводы ранней лирики Керима Мхце: обретения и потери / П.К. Чекалов // Национальная литература России в поликультурном пространстве: духовно-нравственный и консолидирующий потенциал. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2019. – С. 441-456.
14. http://alashara.org/news/stihi_kerima_mhtse_opublikovany-i_v_kryimskom_jurnale

*Ягодинцева Нина Александровна,
кандидат культурологии,
профессор Челябинского
государственного института культуры,
секретарь Союза писателей России
(г. Челябинск, Россия)*

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Ответом на глобальные процессы культурной унификации, которые мы наблюдаем последние десятилетия, стали подъём национального самосознания и резкий рост потребности в диалоге культур. Литература в этом диалоге играет главную роль, поскольку именно она является аккумулятором национальных смыслов, наиболее адекватной формой для создания уникальной национальной картины мира, территорией как внутрикультурного, так и межкультурного диалога. Усиление внимания к национальным литературам выявило как минимум две серьёзные проблемы, которые являются актуальными практически для всех национальных литератур России.

Во-первых, уменьшается количество авторов, пишущих на родном языке (в основном сразу начинают писать на русском) – то есть литература внутри национального сообщества постепенно перестаёт развиваться, а национальные образы и мотивы, которые удаётся воплотить в произведениях на другом – русском языке, не в полной мере отражают самосознание народа и в пределах другой культуры достаточно быстро нивелируются. Попросту говоря, мы, многонациональная страна, постепенно теряем наше культурное богатство. Причина отказа поэтов от родного языка в отсутствии системной переводческой работы, и как следствие, шансов быть услышанными за пределами своего национального сообщества.

Во-вторых, сжимается зона культурного диалога и взаимопонимания, резко повышается вероятность конфликтов, а история знает великое множество примеров, когда именно национальная рознь использовалась внешними силами как инструмент агрессии и разрушения. Имея советский опыт диалога и взаимообогащения национальных культур, мы знаем, что именно культурные, литературные связи обеспечивают долгосрочное взаимопонимание и сотрудничество, они работают даже тогда, когда рушатся связи экономические и политические.

Сегодня системная литературно-переводческая работа возрождается на основе убедительного позитивного опыта ушедшей эпохи, но с новыми, в том числе техническими возможностями культурной коммуникации.

В мае 2019 года, в процессе подготовки конференции Ассоциации писателей Урала и Международного совещания переводчиков в Сыктывкаре, в Челябинске на базе государственного института культуры нами была создана лаборатория художественного перевода «Мосты над облаками». Урал – многонациональный край, и переводы здесь всегда считались доброй литературной традицией, но за последние 30 лет она почти угасла и держалась только трудами таких энтузиастов, как Юрий Брызгалов, переводчик целого ряда произведений с западноевропейских языков.

Челябинский государственный институт культуры с начала XXI века стал центром литературно-творческой педагогики в регионе. Здесь работают молодёжная литературная мастерская «Взлётная полоса», Литературные курсы, ежегодно при поддержке Союза писателей России и Ассоциации писателей Урала проводится Совещание молодых писателей. Эти проекты послужили фундаментом для организации лаборатории перевода.

Актив лаборатории составили выпускники Литературных курсов ЧГИК. У этих авторов уже есть большой опыт семинарских занятий, глубоких критических об-

суждений текстов. На призыв попробовать силы в переводах откликнулись Ольга Мискевич, Юлия Линникова, Любовь Дубкова, Алексей Панин, Каринэ Гаспарян, Фаина Азметова, Татьяна Ческидова, Наталья Потапова, Валентина Машнина, Любовь Падерина, Наталья Тагорина и другие.

В основе переводческой работы есть два подхода: классический перевод, предполагающий максимально точное воспроизведение как формы, так и дословного содержания произведения, и подход поэтический: с точностью не до слова, а до образа. В этом случае требования к соблюдению формы становятся не столь строгими, но уделяется максимальное внимание эмоционально-образной основе произведения и её адекватной передаче на русском языке.

Перевод является успешным при соблюдении двух основных условий: он должен не только передать поэтическую силу оригинала, но и стать достойным произведением на другом языке. И зачастую классический подход не решает вторую задачу, особенно если у переводчика недостаточно опыта. Но и другой подход трудно назвать идеальным, поскольку текст (и особенно это относится к поэзии) существенно трансформируется в изложении переводчика.

Однако с точки зрения литературно-творческой педагогики именно второй подход является ключевым при решении вопроса привлечения литераторов, особенно молодёжь, к переводческой работе. Он ярче обозначает точки эмоционального соприкосновения, взаимопонимания и сопереживания, и на первом этапе не обременяет необходимостью точного воспроизведения формы. Это диалог в прямом смысле – о том, чему откликнулось сердце начинающего переводчика. И удаchi такого диалога становятся серьёзным стимулом к продолжению литературно-творческого общения, совершенствованию мастерства.

«Мосты над облаками» начали свою работу с нескольких теоретических лекций по технологии поэтического перевода и с переводов стихотворений ближних соседей – татарских и башкирских поэтов, чьи обычаи и традиции челябинской аудитории достаточно известны. Эти начальные опыты знакомства с национальными культурами оказались успешными. Были установлены творческие связи с областным литературным объединением имени Акмуллы, которым руководит Камса Муртазин. Первым опытом стала работа над переводами стихов татарской поэтессы из посёлка Кунашак Венеры Нуртдиновой.

На следующем этапе выпускница ЧГИК Елена Романова предложила нам интереснейший проект социальной и культурной адаптации иностранных студентов средствами искусства. Поэзия стала одним из основных направлений такой адаптации. В занятиях мастерской стали принимать участие челябинские студенты из Сирии, Ирака и Индии. Елена Романова с помощью авторов сделала подстрочные переводы стихотворений с арабского языка и хинди, и участники мастерской год работали над этими переводами, обсуждали, спорили, советовались с авторами – и в результате на литературных праздниках в Челябинске и области зазвучали стихи на русском и арабском, русском и хинди. По итогам этой работы целый ряд публикаций в альманахах «Литературный курс» и «Южный Урал», на сайтах Ассоциации писателей Урала и Союза писателей России «Российский писатель». Неожиданно возникла ещё одна линия проекта: Альхамад Амар Мухаммед Ясер из Сирии перевёл на арабский язык стихотворения Венеры Нуртдиновой...

Современная молодая арабская поэзия ушла от строгой канонической формы, но осталась в кругу романтических метафор и высоких чувств, главным из которых на все времена остаётся любовь. И для начинающих переводчиков именно сила чувства оказалась тем самым камертоном, по которому настраивалась вся работа. Об-

щение с авторами стихов и носителями языка помогли начинающим переводчикам глубже погрузиться в поэтические миры других культур. А темы в поэзии всегда общечеловеческие: любовь, память, Родина, горе войны и счастье мира.

Своеобразным результатом этого опыта стало и большое интервью с основателем лаборатории «Мосты над облаками», опубликованное в двух крупных арабских газетах Египта и Ирака – ответы на вопросы ведущих арабских писателей. При работе над этим интервью стало отчётливо ясно, что русская литература по-прежнему остаётся в центре внимания мирового литературного сообщества, во многом благодаря произведениям XIX и XX веков. Наш литературный век определится, возможно, именно тем, насколько мы сумеем наладить диалог и взаимообогащение наших национальных культур, ибо в процессе этого диалога происходит и самовосстановление разрушенных культурных смыслов, и появление новых. Как в зеркале, в других мы лучше узнаём себя, а сегодня это буквально насущно и для русской культуры.

Следующим проектом лаборатории «Мосты над облаками» стал поэтический телемост «Челябинск – Северная Осетия» в рамках I Всероссийской конференции ЧГИК по литературно-творческой педагогике. В Челябинске уже несколько лет работает челябинская городская национально-культурная автономия осетин «Уацамонга» под руководством Михаила Мамиева. Организация ведёт активную просветительскую деятельность, знакомит челябинцев с лучшими образцами осетинской культуры. Благодаря содействию Мамиева участники «Мостов над облаками» познакомились с особенностями культуры осетин и их поэтической традицией, установили творческие контакты с поэтами Северной Осетии, что позволило осуществить творческий диалог в рамках телемоста.

В качестве материала для лабораторной работы – художественного перевода – был выбран сонет «Валун»

поэта Валерия Цариева. Стихотворение интересно тем, что осетинская философско-поэтическая традиция в нём сопряжена со строгой европейской формой, ведь сонет – не только форма стиха, но и форма мышления. То есть здесь содержание помимо традиционного требования формального соответствия оказывается дополнительно связано ещё и с определённой логикой мышления.

Поначалу группа переводчиков испытывала трудности в работе над текстом, ведь сложность задачи существенно увеличилась. Но после подробного разбора дословного подстрочного перевода и пристального изучения самой формы в программу телемоста были включены 9 переводов сонета.

На телемост были приглашены председатель НКАО «Уацамонга» Михаил Мамиев, профессиональные переводчики координатор АсПУр, сопредседатель правления Союза писателей России Александр Кердан, члены Союза писателей Андрей Расторгуев, Вадим Осипов (Екатеринбург), редактор журнала «День и Ночь» Марина Саввиных (Красноярск). Они также сделали свои переводы сонета.

Из числа участников лаборатории в телемосте приняли участие Алексей Панин, редактор сайта Ассоциации писателей Урала (Челябинск), члены Союза писателей России Татьяна Ческидова, (Троицк), Каринэ Гаспарян (Миасс), поэт Фаиля Азметова (Троицк). Со стороны Северной Осетии выступили Валерий Цариев, народный артист Республики Северная Осетия – Алания, режиссёр Северо-Осетинского Академического театра им. В. Тхапсаева, Оксана Хетагурова, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Мах дуг», Валерий Гасанов, поэт и журналист, сотрудник редакции газеты «Растдзинад», Тамерлан Техов, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, Залина Басиева, член Союза писателей России.

В рамках телемоста состоялся разбор сонета как единства формы и содержания, прозвучали варианты переводов сонета Валерия Цариева на русский язык, стихи на осетинском языке, а также перевод на осетинский язык стихотворения одной из участниц лаборатории – молодой поэтессы Юлии Линниковой. Для участников лаборатории «Мосты над облаками» это общение было ещё и первым погружением в стихию осетинского языка, знакомством с его фонетическими особенностями. Проект будет продолжаться в сотрудничестве с журналом «Мах Дуг» (Северная Осетия – Алания) и альманахом «Литературный курс» (Челябинск).

По итогам двух лет работы лаборатории можно сделать следующие выводы. Начнём с позитивных: во-первых, переводческая деятельность расширяет культурные горизонты авторов и совершенствует их манеру работы с текстом. Поскольку речь идёт о непрофессиональных переводчиках, участниках литературно-творческих объединений, этот момент является немаловажным. Во-вторых, авторы, испытывающие проблемы в освоении поэтических форм, именно через перевод, с опорой на логику и сюжет первоисточника, легче решают свою собственную творческую проблему. То есть, переводческая работа является мощным творческим тренингом и стимулом культурного развития. Публичные поэтические чтения на двух языках привлекают большое количество слушателей, повышают интерес к поэзии, в том числе и среди молодёжи.

Теперь о выводах негативных, точнее, о проблемах, проявившихся в процессе работы. Первая проблема – сложность привлечения молодых. Тезис о том, что литература – это самовыражение, породил своеобразный «творческий эгоизм», нежелание и неспособность слышать другого – и этот барьер в работе с молодёжью нужно преодолевать. К слову сказать, основной состав «Мостов над облаками» – авторы старше 45 лет. Вторая пробле-

ма носит более частный характер, но для переводческой работы она очень значима. Это неумение начинающих переводчиков вчитываться в текст, видеть глубину его смыслов. Поэтому в рамках лаборатории в постоянную практику вошёл коллективный разбор подстрочников.

В целом опыт создания лаборатории можно оценить как продуктивный. Подход к обучению через поэтический перевод к переводу классическому, выстраивание понимания текста оригинала через сопереживание, практика поэтических чтений в ключе билингвы, формирование различного рода обратных связей (в нашем случае это интервью с арабскими писателями и взаимные переводы на осетинский язык) – подобная методика вполне оправдала себя в творческой практике.

Бадакова Татьяна Ивановна,

поэт, писатель

член Союза писателей России,

член Международной гильдии писателей

(г. Элиста, Россия)

«ПОЧТОВЫЕ ЛОШАДИ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Уважаемые друзья, коллеги! Прежде всего, хочу поприветствовать вас на столь значимом мероприятии благопожеланием, написанным к весеннему празднику пробуждения нашей родной степи Белому месяцу:

ЦАЪАН САРИН ЙӨРӘЛ ЦА

Сер-сер салькн уләнә,
Зурмн байрлад ишкрнә.
Зуд-увләс гарад,
Сәәхн теегм сержәнә.

Цеңкисн булгин усар
Цээһэн нерж тэвхмн.
Цельвг нарн боорцган
Цаһан Сардан бельдхмн.
Сээхн цегдг бүшмүдэн
Сарсалһад йоста өмсхм.
Седклэсн гарсн дууһан
Сергэж байрта дуулхм.
Цуг Хальмг Тангчин улс
Цугтан гем-зовлг уга бээтхэ.
Чежэр кесн көдлмш
Цааранднь сэн делгртхэ.
Йорэлэн деегшян ильгэхм,
Йиртмж көк теңгртэн.
Йисн цаһан белгэн
Ик бурхндан өршэхм.
Цаһан сарла келсн йөрэл,
Цаһан седклэс гарсн үг
Цаа-царандан делгрэд
Цаһан хаалһар йовтха!

На сегодняшнем форуме я представляю человека, творчество которого переводят. Поэтому мне очень интересна тема сегодняшней конференции. Пишу стихи и малую прозу.

Первые переводы моих произведений появились в альманахе «Из России с любовью», в котором была издана моя проза на русском и немецком языках. В настоящее время уже готов к печати в издательстве «Стелла» (Германия) 3-томник «Книга мира». В нём мои стихи на русском, немецком и итальянском языках.

Поэтому я ценю труд переводчиков и понимаю, что благодаря им читатели из других стран узнают о нашем удивительном крае, его замечательных людях, неповторимой природе – степных тюльпанах, божественных лотосах, ровеснике мамонта – сайгаке. Для автора это, несомненно, радость и гордость.

Поскольку я состою и в Международной гильдии писателей, то принимаю участие в мероприятиях, организуемых Гильдией.

В апреле нынешнего года в Литературной гостиной МГП состоялась онлайн-встреча под названием «Художественный перевод: перевоз? пересказ? интерпретация?». Её подготовил и провёл кандидат культорологии, писатель, музыкант, переводчик Моисей Борода. В качестве наглядного примера различных вариантов переводов он взял «Сонет №66» В. Шекспира и постарался ответить на поставленные вопросы.

Поделюсь некоторыми мыслями из этой встречи:

1. Одной из версий значения слова «перевод» является слово «перевоз» (с немецкого языка). В нашем случае подразумевается перевоз с берега одного языка на берег другого языка. Если насытить текст фразеологизмами своего языка, то это будет звучать как-то вычурно. Если нарочито упростить, то такой текст не будет иметь художественного значения. Таким образом, перевод – это не перевоз.
2. Имея ввиду яркость, красоту и своеобразие каждого языка, то невозможно передать текст «слово в слово», следовательно, перевод – это и не пересказ.
3. Моисей Борода находит для «перевода» слово «интерпретация» как адекватное восприятие и глубокое понимание, а также выработка своего отношения к переводимому тексту.

Далее для себя он определяет следующие моменты:

1. Конечно, текст должен быть ему симпатичен;
2. Читать предстоящий для перевода текст много и много раз. До тех пор, пока не появится чувство – «не уж-то я это написал?»;
3. Подстрочник всё-таки нужно делать.

Из лекции М. Бороды я сделала для себя важный вывод – очень бережно нужно обходиться с каждым словом в тексте, берясь за его перевод.

Если говорить о моём творчестве, то мне хочется продолжить работу в плане переводов своих стихов и издать книгу, состоящую из одного стихотворения, переведённого на многие-многие языки мира. Начало уже, как видите, положено.

В заключение приведу слова замечательного поэта Осипа Мандельштама: «Перевод – это создание самостоятельного речевого строя на основе чужого материала». Мировая литература возникла, развивается и существует благодаря именно художественному переводу, который, сближая языковые границы, соединяет народы.

Только работа переводчиков способствует тому, что имена великих писателей известны во всем мире, а их произведения доступны носителям разных языков и культур. Ибо, как говорил гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, «переводчики – почтовые лошади просвещения».

Спасибо!

*Бекрешева Лариса Алексеевна,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля
(г. Луганск)*

РЕЦЕПТ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ – ВЕЧНЫЙ СПОР СПЕЦИАЛИСТОВ

В условиях мирового процесса глобализации и всеобщей информатизации перевод художественных произведений вносит огромный вклад не только в развитие литератур контактирующих культур, но и выступает средством сближения народов и наций. Переводчику от-

водится роль посредника культур, своеобразного мостика, способного внести больше взаимопонимания, доверия и миролюбия в международные отношения, что одновременно поднимает значимость его труда и накладывает большую ответственность.

Современную палитру переводной литературы невозможно представить без поэтических произведений. Поэтические тексты, рассчитанные на эмоциональное воздействие на читателя, легче, чем проза, встраиваются в литературное и социальное пространство нации, вызывая сонастроенность, сопереживание по отношению к описываемым явлениям.

Ю. Лотман определяет поэтический текст как «сложно построенный смысл, генерируемый на основе ритмического принципа» [3, с. 131]. *Ритм, строфа* – наиболее яркие характеристики поэтического текста. Мы намеренно не затрагиваем очень важные характеристики – *метр, рифму* и *стопу*, т.к. не каждая литературная традиция придерживается силлабо-тонической организации поэзии, как это имеет место в славянской традиции. Но *ритмика* и *строфа* характерны даже для верлибра и белого стиха.

Стихотворение – короткий текст, характеризующийся «сгущенностью образов» (И. Р. Гальперин): закодированная между строк информация сжата и на её декодирование читателю (равно и переводчику – *прим. автора*) требуется много усилий. Ни одно слово в поэтическом тексте не случайно – каждая конкретная лексическая единица, имеющая денотативное значение, в поэтическом тексте приобретает коннотативные оттенки и создаёт художественный образ, вербализованную картинку, запечатлённую глазами автора [1, с. 45]. Лексическое значение каждого слова порождает в соседствующих словах сверхзначения, нереальные вне данного стихового контекста:

Первый жёлтый мазок на мольберте берёз

Набросает небрежно сентябрь златоликий. (Л. Бекрешева)

Совершенно невозможно описать приемлемыми терминами, как выглядит «мольберт берёз», каким образом сентябрь нанесёт на него мазок, но человек, ценящий поэтическое слово, вполне адекватно декодирует это поэтическое описание начала осени на основе своего читательского тезауруса. В основе этой адекватности лежит «способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях..., что предопределяет сущность эстетического восприятия художественного произведения» [1, с. 40].

Поэтический текст – сложная иерархическая система контекстов – непосредственно языкового, идейно-эмоционального и контекста образов, которые вступают во взаимодействие как в линейном, наглядном виде, так и имплицитно, в связи с чем поэтический текст создаёт возможность его различных интерпретаций [2].

Последнее обстоятельство объясняет трудность поэтического перевода в целом и порождает вечный спор специалистов о возможно более точном «рецепте» такого перевода.

У каждого народа складывается своё мировосприятие и вербализированное миропредставление. Так, в русском поэтическом языке море персонифицируется средним родом (*море вздыхало, ОНО устало*), что совпадает с родом грамматическим; в английской поэтике персонификация моря осуществляется женским родом (*Матушка Кэри* (персонификация бурного моря) *катила валы*), в то время как в обычной речи море – существительное среднего рода.

Национально-культурные маркеры, которые осознанно или неосознанно добавляются в текст автором, создают дополнительные сложности в декодировании текста, поскольку они не документально воссоздают действительность, а являясь действительностью, созданной автором:

*Над сворой крыш отвесно-сирых,
стыдясь, как дева наготы,
закат, расхристанный над миром,
краснел в объятьях темноты* (А. Агабекян)

Русскоязычный читатель абсолютно адекватно принимает эпитет «отвесно-сырые» по отношению к крышам, что объясняется типовой планировкой советских городов прошлого столетия. Читателю, живущему в другой исторически-географической реальности (например, в Китае или Британии), визуализировать такую картинку будет непросто. Закат, безусловно, знаком читателю любой национальности, но «расхристанный над миром» он представляет собой действительность, созданную только поэтическим воображением автора. К тому же, слово «расхристанный» отсутствует и в китайском, и в английском языке как таковое. Близкое по синонимическому ряду слово *рваный*, *драный* не компенсирует авторского видения заката.

Таким образом, подходим к пониманию того, что уже на лексическом уровне перевода поэтического текста мы столкнёмся с неизбежными потерями, будучи ограниченными лексическим составом языка перевода.

Но, как известно, лексика стихотворения вся подчинена созданию художественного образа. «Примеряя» переведенное произведение на себя, читатель, даже не будучи филологом, оценивает образность текста по критерию «приемлемое – неприемлемое». Этот критерий закладывается языковой картиной мира данного народа. Так, для русской культуры ребёнок ассоциируется с образом солнца или детёныша животного (*солнышко моё*, *зайчик мой*); в Британии – со сладостью (*моя конфетка*, *мой сладкий пирожок*); в Китае – с сокровищем (*драгоценный мой*, *алмаз моей души*).

Эти национальные маркеры поэтической образности представляют очередную и очень значительную трудность для переводчика поэзии, особенно, если языковая культура оригинала далека от языка перевода. Читатель текста перевода не в состоянии проверить, насколько элементы культурного фонда, которые представлены в переводе, соответствуют реальному положению вещей, так

как оба они – и автор оригинала, и читатель – находятся по разные стороны культурного барьера. В таком случае вся ответственность возлагается на переводчика, выступающего в качестве эксперта относительно обеих культур. Переводчик как бы фильтрует эти маркеры, решая, оставить ли их в тексте перевода без изменений, либо подобрать иные, соответствующие элементам исходной культуры [4]. Именно в этой сфере переводчику пригодится опыт чтения произведений на тех языках, которые он задействует в своей практике.

Потери в сфере передачи образности оригинала очень нежелательны, т.к. именно образная канва произведения в наибольшей степени будит эмоциональную сферу читателя. В подборе образных аналогов как раз и раскрывается мастерство переводчика. И хорошо, если переводчик вступает в сотворчество с автором, не превращаясь в его соперника в борьбе за внимание читателя к своему переведенному тексту, хотя ряд переводчиков считает для себя почётным превзойти автора в создании художественного богатства текста.

Оставляя право на переводческое творчество за переводчиком, хочется всё же подчеркнуть, что читатель хочет воспринимать переведенное произведение, как адекватный аналог оригинала, поэтому переводчику стоило бы умерить свой полёт переводческой фантазии до разумных пределов, ведь он призван именно перенести иноязычный текст в принимающую культуру, а не создать новое произведение на заданную оригиналом тему.

При переводе произведений с силлабо-тонической организацией на арену переводческих трудностей выступает *ритмика* и *рифма*. Именно здесь, по мнению европейской литературной традиции, начинается сама поэзия. Вместе с тем, лексические соответствия словам оригинала в переводящем языке очень часто не рифмуются даже в близкородственных языках и могут иметь иную слоگو-

вую структуру[2]. Для примера произведение белорусской поэтессы Ольги Беловой:

Прага. Гатэль. Ранак. = *Прага. Отель. Утро.*

Легкі сумесны сняданак. = *Лёгкий совместный завтрак.*

Трёхсложное слово «сняданак» с ударением на втором слоге входит в диссонанс с двусложным русским эквивалентом «завтрак» с ударением на первом слоге. Даже там, где есть техническая возможность сохранить размер, различия в длине слов заставляют стихотворение звучать по-разному.

Вот фрагмент опыта перевода с белорусского языка на украинский стихотворения о рыжем коте поэтессы Людмилы Кебич:

Белорусский вариант

*Злазь, кажу, пачвара залатая.
Бачыш ты, разлёгся між галін!
Як пачуеш з кухні пах вэндлін,
прыйдзеш сам і губу раскатаеш.*

Русский подстрочник

*Слезай, говорю, чудовище золотое.
Вишь ты, разлегся меж ветвей!
Как услышишь из кухни запах ветчины,
придешь сам и губу раскатаешь.*

Украинский вариант

*Злазь, кажу, чудовисько кохане.
Бач, повис на гілці, мов кожух!
Як зачуеш з кухні шинки дух,
Прийдеш сам та ще й просити станеш.*

Русский подстрочник

*Слезай, говорю, чудовище любимое.
Ишь, повис на дереве, как тулуп!
Как услышишь из кухни запах ветчины,
Придешь сам, ещё и просить начнёшь.*

В угоду рифме пришлось изменить некоторые слова (Пачвара залатая = чудовисько кохане), уйти от использования поговорки «раскатать губу», введя просторечный образ сравнения кота на дереве с тулупом. Чтобы быть уверенным с переводом белорусской реалии «вэндлін», пришлось обратиться к толковому словарю.

В целом к переводу поэзии предъявляют множество требований по поводу адекватности, которые выполнить в точности не реально, однако, как пишет Е. В. Бреус, «переводчик может позволить себе отход от подлинника лишь в том случае, если это диктуется нормами переводящего языка. Неоправданный отход от подлинника ведет к тому, что переводчик выходит за круг своих обязанностей и выступает в несвойственной ему роли автора текста» [4].

Удел хорошего переводчика – всё время искать пути максимального приближения переведенного текста к оригиналу, не упуская при этом шанса создать полноценное художественное произведение, которое пополнит литературную копилку принимающей культуры. А что касается «рецепта» хорошего перевода... Возможно, таковой появится когда-нибудь в будущем.

Литература:

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стер. – М.: URSS, 1981. – 144 с.
2. К вопросу о переводе поэзии [электронный ресурс]. – URL: <https://articlekz.com/article/32413>
3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: пособие для студентов / Ю.М. Лотман. – Ленинград: Просвещение, 1972. – 272 с.
4. Особенности перевода как акта межкультурной коммуникации на уровне художественного текста [электронный ресурс]. – URL: https://studwood.ru/1145405/literatura/osobennosti_perevoda_akta_mezhkulturnoy_kommunikatsii_urovne_hudozhestvennogo_teksta

*Манджиева Байрта Барбаевна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела фольклора и литературы
КалмНЦ РАН
(г. Элиста, Россия)*

КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС «ДЖАНГАР» ЗВУЧИТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Калмыки, пережившие много сложных и трагических событий, столетиями жившие кочевой жизнью, бережно, с любовью хранили и донесли до наших дней богатейшую сокровищницу своей духовной культуры – произведения устного поэтического творчества [Бадмаев 1984: 6]. Первые сведения о калмыцком фольклоре стали известны в конце XVIII в. благодаря трудам известных исследователей-путешественников И. Шницера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа [Исторические путешествия 1936]. В Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН хранятся рукописные материалы на калмыцком и немецком языках, собранные в калмыцких кочевьях в 1775-1778 гг. Ф. Муромским и студентами А. Борзинкевич и Г. Вебер [Бадмаева 2004: 18].

Впервые о существовании у калмыков героического эпоса «Джангар» стало известно в самом начале XIX столетия. Б. Бергманн [Бергманн 1804] впервые представил всему миру эпос «Джангар», входящий ныне в золотую сокровищницу мирового эпического наследия. Им была зафиксирована и опубликована на немецком языке песнь «Шара Гюргю», которой он дал краткую, но удивительно выразительную и глубокую оценку: «блестящая естественная красота и натуральность в изображении нравов, обычаев и образа жизни калмыков» [Bergmann 1804: 205].

К середине XIX в. активизировалась работа по сбору и публикации записей текстов песен «Джангара». Так, в

1854 г. А.А. Бобровников опубликовал в русском переводе песнь «Джангара», записанную сотрудником Русского географического общества Н.И. Михайловым в Багацхуровском улусе. Оригинал этой песни был обнаружен только в 1979 г. В.З. Цереновым в архиве Русского географического общества в г. Санкт-Петербурге. Речь идет о песне «Победа Алого Хонгора и Тяжелорукого Савара над семью богатырями свирепого Замбал-хана» [НА РГО Оп. 1. Разряд 53. Д. 15.]. Комментируя свой перевод, Бобровников пишет, что «Джангар» – весьма интересное явление, ибо это, «во-первых, оригинальное калмыцкое произведение и, следовательно, уже большая редкость, а во-вторых, это произведение народное и потому представляет собою живое изображение понятий и склонностей калмыка» [Джангар... 1854: 99]. Заслуга А.А. Бобровникова заключается в том, что он впервые перевел на русский язык песнь «Джангара». Этот перевод А.А. Бобровникова весьма заинтересовал ученых-востоковедов. Так, например, арабист Ф.И. Эрдманн осуществил перевод этой песни «Джангара» с русского на немецкий язык [Erdmann 1857].

В 1940 г. в Калмыкии впервые было проведено празднование 500-летия эпоса «Джангар». Во время празднования 500-летия калмыцкого эпоса «Джангар» состоялся конкурс джангарчи, в котором приняли участие как известные, так и начинающие исполнители: Мукебен Басангов, Менкенасун Бадмаев, Гиля Васькиев, Бадма Мукебенов, Чучя Аршанов, Цаган Дорджиев, Дамба Уртиеv, Телтя Лиджиев, Джугулджан Джанахаев, Анджука Козаев, Коку Кекеев, Эренджен Самтонов, Инджир Бадмаев, Сангаджи-Гаря Манджиев, Дава Шавалиев, Кёкя Эрдниев, Араша Каджиев [Манджиева 2018: 15].

Юбилей эпоса «Джангар» стал праздником не только Калмыкии, но и всего Советского Союза. В столице Калмыкии г. Элисте состоялся VIII Пленум Союза писателей СССР, на котором А.А. Фадеев выступил с торжествен-

ной речью и дал высокую оценку работе писателей, осуществивших переводы эпических песен «Джангара» на различные языки народов Советского Союза: азербайджанский [Джангар. Песнь 3-я, 1940: 38-40], грузинский [Джангар: Калмыцкий эпос 1940], башкирский [Джангар: Калмыцкий эпос 1940: 36-37], казахский [Джангар: Калмыцкий народный эпос 1940], украинский [Джангар: Избранные песни «Джангара» 1940].

Важным событием для калмыцкого народа явилось издание двенадцати песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» в переводе на русский язык С. И. Липкина с иллюстрациями В.А. Фаворского [Джангар 1940]. Перевод С.И. Липкина высоко оценили известные советские писатели и поэты: «Блестящий перевод. Это просто блестящее явление нашей поэзии. Я не говорю об огромности этого труда. Липкин стал именем» (А.А. Фадеев). «Джангар» – одна из самых музыкальных поэм. Она чрезвычайно богата созвучиями, перекличками внутренних рифм. Звуковой ее узор великолепен и сложен. Переводчику предъявляется здесь почти невыполнимые требования: вместо двух созвучий он во многих двустипиях должен дать четыре, а порой и шесть – это такая задача, которая не всегда по плечу и большому мастеру. Если же не выполнить этой задачи, национальная форма самобытной поэзии одного из братских народов не дойдет до русского читателя. Переводчик поэт Липкин, работавший над «Джангаром», со своей задачей справился: особенно хорош перевод последних песен великой поэмы. Замечательно инструментовано Липкиным то место поэмы, где говорится о Бумбе <...> жители которой «... ничего не деля на мое и твое / Славили в песнях славное бытие» (К.И. Чуковский) [Эпос «Джангар»].

В годы Великой Отечественной войны и в период депортации калмыцкого народа собирательская и экспедиционная работа калмыковедов была прервана. Возобновилась она только после восстановления автономии

Калмыкии и возвращения калмыков на родину. С возрождением республики вновь стали издаваться журналы, печататься книги. Так, в 1958 г. в свет выходит издание «Джангар: калмыцкий народный эпос», представляющий собой переиздание, вышедших в 1940 г. двенадцати песен эпоса в переводе С.И. Липкина [Джангар 1958]. Затем неоднократно переиздавалось: в 1975 г. в серии «Героический эпос народов СССР» [Джангар 1975], в 1977 г. [Джангар 1977].

Перевод эпоса «Джангар» на другие языки чрезвычайно сложная задача, требующая от переводчика глубокое понимание не только эпического мира, но и самобытной культуры народа, его истории, чтобы донести до читателя внутренний дух эпоса. Калмыцкий героический эпос «Джангар», опубликованный на разных языках народов России, ближнего и дальнего зарубежья, привлекает внимание представителей многих стран к эпическому творчеству калмыков, способствует сотрудничеству в гуманитарных областях, изучению эпического памятника в разных аспектах с целью раскрытия вклада джангарчи в мировую культуру.

Источники:

1. НА РГО. Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. – Научный архив Русского географического общества. Песни и сказки Калмыцкого народа Астраханской Губернии Багацохуровского улуса // Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. (Рукопись на ойратском языке).

Литература:

1. Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература / А.В. Бадмаев. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1984. – 168 с.
2. Бадмаева С.С. Язык и стиль сказок монгольских народов (на материале лексики): дисс... канд. филол. наук / С.С. Бадмаева. – Элиста, 2004. – 200 с.
3. Джангар: народная калмыцкая сказка / пер. А. Бобровникова // Вестник Русского Географического общества. – СПб., 1854 г. С. 99-104, 1855. 4. XII, кн. 5 С. 104-128.

4. Джангар. Песнь 3-я: о подвиге богатыря строгого Санала (отрывок) / пер. с калм. // Литературный Азербайджан. – Баку, 1940. – № 9. – С. 38-40.
5. Джангар: калмыцкий эпос / вступительная статья Г. Натришвили. – Тбилиси, 1940. – XVI. – 146 с. (на груз. яз.).
6. Джангар: калмыцкий эпос / пер. на башк. Г. Гумера, С. Кулибай // Октябрь. – 1940. – № 5. – С. 36-37.
7. Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. А. Токмагамбетова; ред. М. О. Ауэзов. – Алма-Ата, 1940. – 196 с. (на каз. яз.).
8. Джангар: избранные песни «Джангара» / пер., ред. П. Тычины, О. Сороки, В. Сосюры. – Киев, 1940. – 196 с. (на укр. яз.).
9. Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. с калм. С. Липкина; худ. В. А. Фаворский; ред. перевода: С.Я. Маршак, Б.Б. Басангов. – М.: Художественная литература, 1940. – 338 с.
10. Джангар: калмыцкий народный эпос / пер. с калм. С. Липкина; худ. В. А. Фаворский; ред. перевода: С.Я. Маршак, Б.Б. Басангов. – М.: Художественная литература, 1958.
11. Джангар. Калмыцкий народный эпос. Песнь 11-я. О поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю // Героический эпос народов СССР: в 2 т. – Москва: Художественная литература, 1975. Т. I. – С. 263-323.
12. Джангар. Калмыцкий народный эпос. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1977. –
13. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. – Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. – 350 с.
14. Манджиева Б.Б. Хальмг баатрлг дуулвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дуһргин шинжллт болн текстмүд = Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. – 264 с.
15. Эпос «Джангар»: к 80-летию празднования 500-летия в 1940 году // [электронный ресурс]. – URL: <https://www.kalmnlib.ru/articles/829-epos-dzhangar-k-80-letiyu-prazdnovanija-500-letija-v-1940-godu.html> (дата обращения 25.05.2021)
16. Bergmann B. Heldengesang aus der Dschangariade // Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmucken in den Jahren

1802 und 1803. Riga, 1804. Bd. II. S. 205-221; Riga, 1805. Bd. IV. Pp. 181-214.

17. Erdmann F. Kalmuckischer Dschangar: Erzählung der Heldentaten des erhabenen Bogdo-Chan Dschangar // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1857. Bd. XI. Pp. 708-730.

*Пахомов Евгений Федорович,
поэт, переводчик,
член Союза писателей России,
член Академии российской литературы
(г. Элиста, Россия)*

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ

Шарль Перро. Золушка. Перед переводчиком всегда стоит задача донести не только текст, но идею самого произведения. Основа перевода состоит в том, что он, переводчик, показывает и защищает то, что сам увидел и понял в произведении. Образы, приходящие из другого языка, должны совпадать с образами, которые выстраивает сам переводчик. Языковые оттенки другой лексики, возможно через опыт многих лет, приходят и становятся в ряд повествования, не нарушая строй мысли, и, может, чувства, которые заложены в оригинале, приходят в перевод как чувства, обращенные к читателю в новом аспекте, – аспекте сопереживания. Весь художественный перевод – это сопереживания автору, который поручил донести свои чувства и мысли в другой мир, в мир, где оценка произведения равна оценке в авторском тексте. Мы все помним хрустальную туфельку и знаем, что переводчик допустил вольность, и башмачок, обшитый мехом, в переводе превратился в хрустальный башмачок. Но вдумайтесь: мех серебрится, мех имеет цену, мех дорогой, и башмачок на балу должен сверкать и искриться, и, следовательно, он должен быть привлекательным и нежным, и сиять так, чтобы на него обратили внимание, и чтобы сама Золушка чувствовала себя уверенней на этом празднике, куда она попала по воле случая. Уверенность ей придает именно её наряд, в том числе и эти башмачки. В них она чувствует себя уверенной, и сама судьба дарит ей надежду на будущее. Так думал автор

и так думает переводчик пока не доходит до того места, когда бал окончен и карета превратилась в тыкву, кони в крыс, но осталась надежда и воспоминания о прекрасном, и тут что может быть лучше, чем память о бале – это хрустальный башмачок. Его надо беречь, а вдруг счастье повторится, и он должен быть таким прозрачным и звонким как сама музыка на балу. И здесь переводчик делает сознательную ошибку, и эта ошибка подчеркивает его отношение к балу и вместе с тем к происходящему. Это тот момент, когда один язык-концепция одного произведения способствует на другом языке осмыслить и помочь усвоить основное – радость, данная однажды, может сохраниться в душе надолго, если есть надежда на повторение, на новую встречу. Это то, что уже переходит в подсознание и становится нормой восприятия и, одновременно, той защитой, которая нужна Золушке и которая в нужный момент, в непростой ситуации поддержит её и вернет радость жизни.

Всеволод Гаршин. Лягушка-путешественница.

Изначальный сюжет мы находим в древнеиндийской сказке с различными оттенками в конце повествования. Эту сказку обычно рассказывали при дворе раджи. Первый вариант. Черепаха долгие годы жила на берегу озера и подружилась с двумя гусями, которые тоже тут обитали. Озеро обмелело, и гуси решили улететь. Черепаха очень сожалела, что придется расстаться с друзьями. Гуси пожалели черепаху и предложили полететь вместе с ними. Для этого черепахе нужно было схватиться ртом посередине длинной ветки, а гусям – взять эту ветку с двух концов и взлететь. Но она не должна была открывать рот, чтобы не упасть. Когда гуси пролетали над городом, люди увидели и стали кричать: «Посмотрите, черепаха летит на гусях». Черепаха была глуховатая, но с чувством некоторого высокомерия и хотела спросить, что кричат там эти люди. Она открыла рот, полетела вниз и разбилась. Люди прибежали с ножами, быстро разделили черепаху

и съели. Этот сюжет в сказке Гаршина приобрел другой оттенок. Вместо черепахи уже летела лягушка. И когда дети стали кричать: «Посмотрите на это чудо», – лягушка от избытка переполнявшей её гордости закричала: «Это я, я придумала». В данном случае трансформация образа приобрела другой оттенок. Простое любопытство превратилось в хвастовство, которое также ведет к падению в место прежнего обитания, то есть в болото. В первом случае намек на то, чем выше ты поднимаешься, тем больше должен молчать, если не знаешь правил придворного этикета. Во втором случае – у каждой новой идеи новые правила и новые условия исполнения задуманного.

*Эльдышев Эрдни Антонович,
народный поэт Калмыкии,
Председатель правления
Союза писателей Республики Калмыкия
(г. Элиста, Россия)*

КАК Я РАБОТАЛ НАД ПЕРЕВОДОМ КНИГИ К. ОТАРОВА «ЖУРАВЛИ ВЕРНУТСЯ»

В 2012 году по предложению Фонда «Керим» я перевел книгу стихотворений народного поэта Кабардино-Балкарской Республики (КБР), лауреата Государственной премии КБР Керима Сарамурзаевича Отарова на калмыцкий язык. Надо заметить, что к тому времени я уже был знаком с творчеством выдающегося балкарского поэта, так как перевел несколько его стихов для антологии балкарской поэзии «Чистые вершины», вышедшей на калмыцком языке двумя годами ранее. Воин и поэт Керим Отаров, истинный мастер многонациональной российской литературы, создавший яркий, неповторимый образ любимой родины – страны величавых гор и

мужественных, гордых, трудолюбивых людей. Работать над переводом его произведений было счастьем, ибо я следовал за мыслью великого поэта, который сумел ярко и образно выразить чувства возмущения и обиды, отчаяния и страданий, охватившие каждого депортированного балкарца. Но вместе с тем, его поэзия пронизана добрым светом надежды: как бы ни было трудно, как бы ни душили слезы обиды за преступное решение властей – ни одна злобная капля не сорвалась с его пера. С большой ответственностью и душевным трепетом работал я над переводами его стихов еще и потому, что его стихи, особенно те, в которых отражена горькая судьба балкарского народа и которые вызывают к восстановлению попорченной справедливости, особенно близки мне, ибо в них звучит гордый призыв оставаться человеком в бесчеловечные времена. Это чувство родственно мне, сыну депортированных калмыков. Поэт помог мне снова почувствовать трудную судьбу моих родителей, как бы заново осознать глубину трагедии моего народа. Пронзительно его стихотворение «Плакало небо»:

Не понимали мы, как жизнь могла
Уйти из рук... Украли, как овцу!
Обрушилась зловещая скала,
И счастье наше подошло к концу.
Не верили, что явь, считали – сон,
Ведь въяве, невозможен этот ад:
С родной земли народ сгоняют вон,
А вслед ему покойники кричат.
Все сыновья народа – на войне,
Бесстрашно бьются, проливают кровь...
Неужто ж неуютны мы стране?!
Мы в этом сомневались вновь и вновь.
Но вскоре убедились: чуда ждать
На этот раз немыслимо никак.
Балкарцев, словно пленников, считать

Солдаты принялись, и – в товарняк...
Перед отправкой скорбных поездов,
Как вечер, потемнело утро вдруг.
Родимых гор печальный слыша зов,
Прощально озирались мы вокруг.
Вдали, как испарения от ран,
Над селами взвивался горький дым,
А в небе плыли морось и туман –
Оно над сыном плакало родным...

Перевод Г. Яропольского

Точно так же было и с калмыками. Как близка нам его неизбывная тоска по родной земле в те «злые годы ледяющей стужи». Ведь мы братья по многострадальной исторической судьбе. Об этих годах Кайсын Кулиев в своем стихотворении «Давиду Кугультинову» писал:

Какого цвета темень без просвета,
Как воеет вихрь, ломая дерева,
На вкус беда людская какова –
Кто-кто, а мы с тобою знаем это.
Мы знаем, что такое ветер бедствий,
Когда он воеет, бьет нещадно в грудь,
И нет огня, нет крова, чтоб согреться,
И лишь надежда указывает путь.
Перевод Н. Гребнева

Керим Отаров вместе со своим народом познал и «темень без просвета, и ветер бедствий». У поэта есть стихотворение «Журавли вернутся», по которому назван цикл его стихов. Книгу на калмыцком языке я тоже назвал «Журавли вернутся». Это бессмертный символ поэзии Керима Отарова, посвященный депортации народа. Он верил: «сгинет мрак проклятый», и народ вернется к родным горам, он будет говорить, писать и петь на родном балкарском языке. Настоящие поэты всегда пророки, так и произошло. Через 13 лет балкарцы, как и мы,

калмыки, вернулись на родину. Выдающийся балкарский поэт Керим Сарамурзаевич Отаров оставил яркий след во всей многонациональной литературе России и по праву считается гордостью своего народа. Завершив работу над переводом, я убедился в том, что его отношение к поэтическому труду всегда было сопряжено с ответственностью за свое творчество, за свое слово, поэтому он так глубоко и прочно связан с жизнью родного народа.

*Канкаев Эрдни Потаевич,
поэт, переводчик, публицист,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры
Республики Калмыкия,
лауреат Национальной премии “Улан зала”,
лауреат премии Главы Республики Калмыкия,
директор МКОУ “Большецарынская СОШ №2
им. М.В. Хонинова”
(п. Большой Царын, Россия)*

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ КНИГИ: ПЕРЕВОД НА КАЛМЫЦКИЙ

Улан чирәһәрн Үзлцж,
Уста нҮдәрн хэлэлцж,
Учрта Үгән келжәх
Урн Үгд дурта улстҮ

ХАЛУН МЕНД!

Уважаемые участники конференции!

С глубоким почтением приветствую вас, людей ответственного труда, переводчиков, сохраняющих привлекательность оригинала без ущерба его смыслу. Го-

ворю потому, что знаю, как в процессе переводческой деятельности важно не утратить дух оригинала, передать замыслы, идеи автора. Для этого мне, переводчику, недостаточно совершенного владения родным языком, я постоянно учусь, стараюсь глубже проникнуть в другую культуру, работаю над каждым словом. В качестве удачных примеров могу привести переводы песни «Журавли» на стихи Р.Г. Гамзатова, песни «День Победы» на слова В.Г. Харитонова, тепло встреченных калмыцким слушателем. При этом убеждаюсь, что перевод является одним из наиболее эффективных и популярных видов межнациональных контактов. Укрепить в этой мысли помогает работа над переводами басен И.А. Крылова, стихотворениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С.А. Есенина, В.Я. Брюсова, В.С. Высоцкого, Б.Ш. Окуджавы.... Не забываю, что как явление эстетическое, литературное, языковое перевод требует бережного и внимательного отношения к литературным достоинствам.

Специалисты отмечают, что проблемы перевода не только «билингвистичны», но и «бикультурны». Рассматривая перевод как акт двуязычной коммуникации, обязательно учитываю различия культур. Потому как, говоря о переводе в аспекте межкультурной коммуникации, исследователи указывают, что это не только соприкосновение двух семантических систем со своими национально-культурными свойствами, но и контакт представителей двух лингво-культурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально-этическими нормами. Я бы еще добавил, что и религиозными убеждениями.

Приведу слова Далай-ламы XIV, сказавшего, что: «Общечеловеческие ценности – основа счастья каждого человека в отдельности и сообщества в целом. Вне зависимости от того, являемся мы верующими или нет, базовые ценности – это то, что всем нам необходимо».

И далее: «... несмотря на различия в философии, все традиции несут послание любви, сострадания, всепрощения, терпимости и самодисциплины».

В Калмыкии буддизм изначально, благодаря своему конформизму и открытости, вошел в мирное сосуществование с православием. Этому способствовало и то обстоятельство, что идеи буддизма и православия в целом близки. Нельзя не согласиться с утверждением, что из всех христианских религий только православие наиболее близко теологически и исторически сходитя с нашей древнейшей религией.

Сегодня трудно себе представить, чтобы в Казанском кафедральном соборе Элисты проводили Божественную литургию на калмыцком языке. С другой стороны, звуки калмыцкого языка, на котором отправлялось бы все богослужение, казались бы для прихожан волшебными, потому что они впервые услышали бы Божественное слово на своем родном языке. Между тем, прецедент имеется. С момента основания Донской Духовной школы по настоянию его основателя, архиепископа Платона (Городецкого) в курс изучаемых наук был включен калмыцкий язык. Сегодня же, когда на современный калмыцкий язык переведены книги Ветхого Завета, Новый Завет на службах в храмах есть возможность читать Евангелие, можно произносить отдельные молитвы и возгласы по-калмыцки.

Общественность нашей республики бьет тревогу по поводу проблемы угасания калмыцкого языка. В связи с этим никто не сомневается, что роль библейских переводов в сохранении и развитии калмыцкого языка велика и неоспорима. Работа по переводу Библии и святоотеческих книг способствует диалогу буддийской и христианской общественности, росту «почитания» творений святых отцов в Калмыкии. Работа по переводу на калмыцкий язык Священного писания ведется уже более двух десятилетий. За это время специалисты Института перевода

Библии совместно с калмыцкими учеными издали книги Нового завета, «Бытие», «Руфь», «Псалтирь», книгу притч Соломона. Вашим покорным слугой переведены «Православный катихизис», «Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского, иеромонаха, пустынножителя и затворника», «Жизнь и труды преподобных отцов наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских», «Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра».

По единодушному мнению многих людей, перевод Библии и святоотеческих книг на калмыцкий язык – это важный этап в развитии родного языка и не менее важный вклад в духовно-нравственное возрождение народов Калмыкии. Конечно, спасение языков малых народов не является главной целью переводчиков святоотеческих книг. Но, практика показывает, что эти переводы могут стать действенным способом защиты исчезающих языков. Библейские книги воспринимаются не только как религиозный текст, но как нормативная модель, источник пополнения и обогащения лексико-фразеологической системы, импульс для развития языка. Перевод святоотеческих книг стимулирует развитие языка, интерес его носителей к своему языку, «повышению престижа», что в свою очередь, способствует возрождению народа и его культуры.

Представители творческой интеллигенции, присутствовавшие на презентациях упомянутых книг, отметили, что любой перевод – это, прежде всего, развитие языка, а именно лексики, ведь многие слова давно уже вышли из обиходного общения. В своем переводе я использовал именно те слова и обороты, которые, к сожалению, уже давно забыты и практически не используются, тем самым, заставляя вспомнить свой родной язык, возродить к нему интерес. Издания святоотеческих книг становятся значимыми событиями в истории христианства на калмыцкой земле, способствуют сохранению и развитию

калмыцкого языка, а также укреплению межнационального и межрелигиозного мира.

По мнению священнослужителей Элистинской и Калмыцкой епархии, выход в свет каждой богословской книги на калмыцком языке – это не только вклад в развитие калмыцкой науки, но и в миротворческую деятельность, в укрепление гармонизации межнациональных отношений, в развитие христианства в целом.

В заключение скажу, что я, как переводчик отдельных произведений классиков русской (советской) литературы, стараюсь передать их творения калмыцкому читателю с той красотой, которой они наделены авторами. Признаюсь, переводить непросто, особенно труден процесс осмысления оригинала. Вместе с тем, переводы произведений русских поэтов и писателей, творений святых отцов помогают мне самому творчески расти.

Завершая свою речь, процитирую К. И. Чуковского: «Писателям-переводчикам, как и писателям оригинальным, необходим жизненный опыт, необходим неустанно пополняемый запас впечатлений. Писатель оригинальный и писатель-переводчик, не обладающие многосторонним жизненным опытом, в равной мере страдают худосочием. Век живи – век учись. Учись у жизни. Вглядывайся цепким и любовным взором в окружающий мир... Если ты не видишь красок родной земли, не ощущаешь ее запахов, не слышишь и не различаешь ее звуков, ты не воссоздашь пейзажа иноземного. Если ты не наблюдаешь за переживаниями живых людей, тебе трудно дастся психологический анализ. Ты напустишь туману там, где его нет в подлиннике. Ты поставишь между автором и читателем мутное стекло» (Чуковский К.И. Высокое искусство. – М., 1988. – С. 448).

Дабы не допускать этого, пусть развивается литературная дружба, будем общаться, встречаться, поддерживать друг друга, переводить с языка на язык.

Спасибо за внимание!

*Наранова Зоя Ивановна,
заведующая Центром чтения
Национальной библиотеки
им. А. М. Амур-Санана
заслуженный работник культуры
Республики Калмыкия
(г. Элиста, Россия)*

**ДАНИИЛ ДОЛИНСКИЙ:
«В МИРЕ СОБСТВЕННЫХ ДУМ, СТАВШИХ
ДУМОЙ ОДНОЙ!»: О ПЕРЕВОДАХ И ДРУЖБЕ
ПОЭТОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Живой интерес и отклики у литераторов Калмыкии вызвало выступление ростовчан – председателя координационного совета Международного фестиваля-конкурса «Берега дружбы» Леонида Севера и координатора проекта «Берега дружбы» Ольги Сафроновой, которое прозвучало на межрегиональной научно-практической конференции «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений». Во-первых, порадовал сам факт перевода в рамках фестиваля-конкурса стихотворений молодых поэтов Эрдни Бадмаева и Баира Бакурова, пишущих на калмыцком, на белорусский и русский языки. Во-вторых, старшее поколение поэтов вспомнило прекрасных поэтов, переводчиков, друзей калмыцкой литературы, заслуженных работников Калмыцкой АССР Даниила Марковича Долинского (1925-2009) и Виктора Александровича Стрелкова (1925-1996) из Ростова. Именно им, фронтовикам, почти одноклассникам, прошедшим Великую Отечественную войну, народный писатель Калмыкии Андрей Манганыкович Джимбиев доверил перевод очень значимой для него поэмы «На Маныче» и других произведений, посвященных памяти погибших в Великой Отечественной войне.

Переводы и стихи вышеназванных авторов-переводчиков издавались в Элисте в 80-е годы и входят в ядро

фонда национально-краеведческого отдела Национальной библиотеки им. А.М. Амур-Санана. Строки из их стихов цитируются в названиях выставок («И слышу вновь я пень джангарчи...» (Виктор Стрелков)), эпитафиях вечеров («О, Калмыкия, ты мне - / как поэтический стих! / Нет нежней и интимней / слов тюльпанов твоих» (Даниил Долинский)). Стихи-посвящения Долинского и Стрелкова джангарчи, народным поэтам Калмыкии Константину Эренджену, Давиду Кугультинову и другим звучат на юбилейных литературных, поэтических вечерах в библиотеках республики – одних из востребованных живых диалоговых форм работы, где эмоциональный посыл автора или чтеца, декламирующего стихи, всегда находит отклик в душах читателей. Роль живого поэтического слова в укреплении связей регионов и в диалоге культур народов страны значима по-прежнему. В советское время литература, особенно переводная с языков народов СССР на русский язык, была мощным идеологическим оружием в укреплении дружбы народов, которая сегодня обозначается термином «гармонизация межнациональных отношений». К сожалению, в настоящее время государство самоустранилось от этого процесса, и переводы стали личным делом автора и его переводчика. А.М. Каторова в статье «Художественные переводы и их роль в диалоге литератур на современном этапе» (Вестник КИГИ РАН, 2019, № 3 (43)) приводит такую статистику: «литературные издания на языках народов составляют 2% от всего объема художественной литературы, а переводы с этих языков – десятки или тысячные доли процента. Нет должного интереса государственных структур к подготовке профессиональных переводчиков с языков народов РФ, в потере региональных связей писателей с центром». Но понимание проблемы и профессионализм неравнодушных людей помогает решать эту проблему. Благодаря Международному молодежному фестивалю-конкурсу поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» молодые поэты Калмыкии получили

поддержку своих сверстников, профессиональных переводчиков-наставников и «расширили языковое многообразие фестиваля-конкурса «Берега дружбы». Отмечу, что творческие связи Национальной библиотеки РК имени А.М. Амур-Санана и фестиваля-конкурса были заложены после проведения в 2018 году в Элисте межрегиональной конференции «Диалог культур и диалог литератур». В ней активное участие принял отдел культуры Неклюдовского района Ростовской области в лице поэтессы, заслуженного работника культуры РФ Натальи Бурцевой. В 2019 году, в свою очередь, уже ростовчане пригласили представителей нашей библиотеки на их фестиваль-конкурс. Благодаря активности пишущей стихи библиотекаря Е.Н. Решетниковой, молодые поэты Калмыкии стали онлайн-участниками фестиваля. К межрегиональной конференции «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений» стихи Эрдни Бадмаева и БаираБакурова были переведены участниками фестиваля с калмыцкого (по подстрочнику) на русский и белорусский языки. Переводы мы можем почитать в материале Л. Севера и О. Сафроновой, как и стихи Евгении Решетниковой, которые приводятся как «интересный опыт первоначального знакомства читателя и переводчика с языком – включение в стихотворения на русском языке слов и понятий своего национального языка».

В пример молодым поэтам хочется привести поэзию и переводческую деятельность Даниила Долинского.

Его переводы могут быть интересным опытом, практической творческой лабораторией для современных молодых переводчиков с калмыцкого языка на русский язык. Это своеобразная школа перевода художественного текста для поэтов Калмыкии, которые уже сами (вынудила ситуация) занимаются переводами с калмыцкого на русский язык. Погружение в творческую работу переводчика дает опыт молодому поэту через сопоставление

оригинального текста стихотворения, например Санджи Каляева (зная калмыцкий язык), с переводом Долинского. О плодотворной работе с переводчиком-соавтором и другом написал народный поэт Калмыкии Санджи Каляевич Каляев (1905-1985). Прочитирую предисловие «Радость встречи» С. Каляева к сборнику стихов Д. Долинского «Солнце в пиале» (Элиста, 1970): «Чтобы познать душу другого поэта, вслушаться в его поэтическое сердцебиение, вникнуть в красочность его языка, мало только изучить подстрочник. Тут важны и духовное родство, и сходство почерков и виденья, и, главное, личное общение. Часами может Даниил Долинский слушать главы «Джангара» – этого бессмертного кладезя народной мудрости, неиссякаемого богатства красочности, песенности, сердечности, вслушиваться в звучании калмыцкого языка. Тут я всегда вижу перед собой пытливого и интересного собеседника. Помню дни, когда Даниил Долинский работал над переводом моей поэмы «Когда есть любовь», мы разбирали почти каждую строчку подстрочника. И когда дошли до места, где герой поэмы – чабан Кювеля – предложил приехавшему к нему журналисту подняться на курган, посвистывая, Даниил вдруг прервал меня: «А почему именно «посвистывая?...». Я сказал ему, что в сноске надо будет объяснить, что курганы в степи всегда – создания рук человеческих. Это, зачастую, братские могилы воинов. И Ковеля посвистывает для того, чтобы, как говорят в народе, если в кургане похоронены наши предки, павшие в бою, то пусть они в этом свисте услышат, что их потомки живут и стойко берегут родную землю. А если в кургане похоронены враги – пусть услышат, что потомки их победителей живы – они так же зорко охраняют родные просторы. Мой переводчик тут же предложил отказаться от сноски и развернуть эту мысль в одну-две строфы, ибо в этой строке явно скрыт мотив жемчужины «Джангра» и поэтически это только дополнит и обогатит поэму. Так появились в переводе поэмы

строчки, которые я в оригинале обозначил одним словом: «посвистывая»... В этом я вижу глубокую заинтересованность переводчика, его желание донести до русского читателя не только текст, но и подтекст, и любую интонацию оригинала». Привожу текст перевода:

О, предками придуманные мудро
Обычай! Взбираясь на курган,

Посвистывал Деленов: коль в кургане
Лежат враги – пускай их дрожь берет!
Пускай по свисту узнают заране –
Потомок победителей идет!

А коль в кургане, в глубине потемок,
Лежат герои-предки – пусть тогда
Услышат в свисте, что живет потомок,
Несущий их величье сквозь года.

Свою переводческую лабораторию Д.М. Долинский раскрывает в этом стихотворении:

Переводы – как проводы собственных дум
к той одной из развилок,
где уже и не вскинешь строку наобум,
неожидан и пылок.
Наобум. Ни с того. Ни с сего. Невзначай.
Так, шутя и играя ...
А в подстрочнике – кто-то кому-то
«Прощай!...»
шепчет вдруг, замирая...

Ал тюльпан. Конь летит, необуздан и дик,
аж травы не коснется.
И на нем, слитый с гривой, лучится

калмык

Ликом круглым, как солнце.
Погоди...Балансируя, как на ноже,
это ж я в упоеньи
на калмыцком коне!...И развилка уже
позади, в отдалении!...
Погоди, погоди... Как не тесно нам двум?
Мчимся далью степною
На одном скакуне! В мире собственных
дум,
Ставших думой одною!

О том, как опыт переводов обогащает поэзию самого переводчика, а знание истории и культуры народа, с языка которого переводит автор, становится источником вдохновения, на примере двух произведений Долинского, показывает народный поэт Калмыкии Давид Никитич Кугультинов (1922-2006).

В предисловии «Удача поэта» к книге Д.Долинского «Белый месяц» (Элиста, 1975) о стихотворении «Цаган Сар» он пишет так: «...Хотелось бы обратить внимание читателя на то, как открывается наша степь, наш национальный характер, духовный мир, постижению русского поэта, человека, глядящего на все это словно бы со стороны. Смотрите, как образно, тонко, поэтически чувствует Даниил Долинский наши курганы и травы, лошадь и ягненок, песни и тюльпаны. Послушайте, только:

«О, белый месяц...
Цвета молока,
плывут,
над степью, свесясь,
облака
и в травке,
хоть взошла невысоко,
уже
парное
плещет молоко...».

Не правда ли, здесь поэзия истинная, та, которая своим волшебством непостижимым скальпелю анализа, создает неожиданное чудо! Казалось бы, тут обыкновенный пейзаж, отраженный в восьми коротких стихотворных строках, состоящих из трех, двух, а то и одного слова, но что стоит за ним!» Далее Кугультинов обращает внимание читателей на поэму Долинского «Золотой повод», поэму о Пугачеве. Он отмечает: «...автор где-то боялся и старался уходить из под естественного, подавляющего влияния Есенина... Поэт ставил перед собой цель сказать о Пугачеве не то, что было сказано до него, но свое слово, о своем видении в Пугачеве того, что не было увидено до него и о чем не было сказано до него. Призванные ...кличем в стан Пугачева калмыки в поэме «Золотой повод» показаны исторически достоверно, убедительно, с их обычаями, характером. Здесь сыграла свою благодатную роль переводческая работа поэта, его знание калмыков не только сегодняшних, но и в глубине их истории. Для подтверждения этого, как пример, обращение Цедена, героя поэмы, к Пугачеву:

Все так, государь... Ты кресало, мы – трут, –
ответил Цеден, – и не даром мы тут!
Калмыки сызмала знают,
что барса руками за хвост не берут,
А взявши – не отпускают!»

Как видите, тут, естественно и ненавязчиво, вставлена в уста говорящего калмыцкая пословица: «Не хватай барса за хвост, а коль схватил – не выпускай!». Кстати, уместна калмыцкая пословица: «Свеча, перед тем, как погаснуть – вспыхнет, – в устах Емельяна Пугачева. Вспомним, как Пушкин в «Капитанской дочке», высвечивал речь Пугачева калмыцкими притчами и сказками». Есть в предисловии Кугультинова слова: «...наш нынешний день не зачат только сегодняшним рассветом». Это.

в контексте темы конференции «Сохрани мою речь навсегда: роль художественных переводов в гармонизации межнациональных отношений», звучит как обращение к современным поэтам и переводчикам, чтобы они обратились к наследию поэтов ушедшей эпохи. И, возможно, данный обзорный материал будет полезен сегодняшнему поколению поэтов и переводчиков.

Литература:

1. Джимбиев, А. Меня подняли залпы орудий / А. М. Джимбиев. – Элиста: Калмиздат, 2005. – с. 71-79.
2. Долинский, Д. Белый месяц: стихи и поэма / Даниил Долинский. – Элиста: Калмиздат, 1975. – 112 с.
3. Долинский, Д. Солнце в пиале: стихи / Даниил Долинский. – Элиста: Калмиздат, 1970. – 80с.
4. Каляев, С.К. Когда есть любовь: поэмы / С. К. Каляев; перевод Д. Долинского. – Элиста: Калмиздат, 1966. – С. 48.
5. Каторова, А.М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур России на современном этапе развития / А. М. Каторова // Вестник КИГИ РАН. 2019. – №3 (43). – С. 552-560.

***Цеденова Татьяна Леонидовна,**
заведующая научно-методическим отделом
Национальной библиотеки Калмыкии
им. А. М. Амур-Санана
(г. Элиста, Россия)*

БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В УСЛОВИЯХ МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР РОССИИ: ОПЫТ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Здравствуйте, уважаемые участники конференции!
Замечательная тема выбрана для сегодняшнего обсуж-

дения: «Сохрани мою речь навсегда!», и я, как носитель языка, которому угрожает опасность исчезновения, конечно же, хочу, чтобы уникальный, неповторимый калмыцкий язык остался навсегда в памяти человечества, и через десятилетия наши потомки произносили бы йоряли - благопожелания, один из которых я посвящаю вам:

Күндтэ мана үүрмүд!
Сансн санантн күцж
Сәксн үүлтн бүтж,
кесн көдлмштн уралан йовж,
келсн үгтн үннтэ болж,
гем-шалтг уга,
амрж-жиргж бээтн!

Что в переводе означает:

Дорогие друзья!
Пусть задуманное вами осуществится
Все цели будут достигнуты,
Работа порадует результатами,
Слова, сказанные вами, будут правдивыми,
а сами вы – здоровыми и счастливыми!
И да будет так!

Уважаемые коллеги! Республику Калмыкия по праву можно назвать полиэтническим регионом. На ее территории проживают представители более 90 национальностей, действуют около 17 землячеств и национально-культурных центров, в Элисте обучаются студенты из 26 стран мира.

Стоит ли говорить, насколько важны добрые и миролюбивые отношения между народами, населяющими нашу маленькую республику! В формирование и развитие этих отношений вносят свою лепту и муниципальные библиотеки, так как чтение и книги способствуют укре-

плению исторической памяти, распространению традиций и ценностей разных народов.

В своей деятельности они руководствуются Степным уложением (Конституцией) Республики Калмыкия, кото-

рое провозглашает содействие сохранению самобытности и этнической неповторимости традиций всех народов республики на основе равноправного межнационального культурного взаимодействия. А также

государственной программой «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия», в которой выделена Подпрограмма 4 «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов республики».

Главная библиотека республики – Национальная библиотека Республики Калмыкия содействует поддержанию межнационального и межконфессионального мира и согласия в республике.

С этой целью были организованы научно-практическая конференция «Диалог культур как основа сохранения этнической самобытности национальных меньшинств Юга России» и «круглый стол» на тему «Социально-культурное партнерство по вопросам сохранения и развития национальных меньшинств России», библиотека участвовала в исследовании РГБ и РБА «Библиотечное обслуживание мультикультурного населения».

Одним из главных направлений в деятельности Национальной библиотеки является методическое руководство работой библиотек по сохранению, развитию и популяризации исторического и культурного наследия народов, проживающих на территории Калмыкии.

Муниципальные библиотеки традиционно проводят мероприятия, направленные на воспитание, в том числе и через национальную книгу, уважения не только к своему народу, но и ко всем нациям, проживающим на территории муниципальных образований. В своей деятельности они стремятся использовать разнообразные формы работы, организуя социальный диалог в пределах различных культурных традиций.

Так, с целью сохранения языка и культуры калмыцкого народа проводятся национальные празднования калмыцкого нового года – Зул и праздника весны – Цаган-сар. Пропагандируя русскую культуру и русский язык – Рождество Христово, Масленицу и Пасху. Поддерживая мусульманские традиции – празднества Ураза-байрам и Курбан-байрам.

К примеру, Международный день родного языка проходит с обязательным чтением произведений на языках разных народов, звучат посвящения поэтов, проводятся тематические и юбилейные презентации.

Библиотекари Яшкульского района, где представлены дагестанская и казахская диаспоры и работает филиал Общественной организации Казахского культурного центра «Жерлестер» (Земляки), провели громкие чтения книги «Даргинские народные сказки» на русском языке. А уча-

щийся школы Алиев Курбан-Гаджи участвовал во Всероссийской акции «Через сказки – к миру и согласию: читаем народные сказки на родном языке» в рамках Всемирного дня чтения вслух. Он рассказал сказку «Репка» на даргинском языке.

В Лаганском районе районная библиотека провела поэтический вечер-портрет «Пожелайте друг другу добра!» к 85-летию Расула Мусаевича Магомедова, члена союза писателей РК, РФ, Почетного жителя Лаганского района, выходца из Дагестана. Он – автор нескольких поэтических сборников, куда вошли стихи, посвященные его второй родине – Калмыкии.

В районной библиотеке п. Большой Царын Октябрьского района проведен краеведческий час «Родной язык – душа народа», посвященный Международному дню родного языка. На мероприятие были приглашены представители разных национальностей, проживающие в поселке. Была показана презентация «Будущее калмыцкого языка», инфоурок «Международный день родного языка». Мероприятие дополнила книжная выставка «Любим свой родной язык».

Городская библиотека Городовиковского района организовала этнокультурную игровую программу «Разно-

цветие культур», которая включала в себя турнир «Знайки пословиц и поговорок», конкурс «Радуга дружбы», викторину «В мире сказок», презентации книжной выставки «Толерантность литературных героев». На тематической выставке «Россия – венок народов и богатство культур» были представлены произведения Р. Гамзатова, Д. Кугультинова, М.Шагинян и др.

Ульяновская библиотека Яшалтинского района провела с обучающимися 8 класса краеведческий урок «Горжусь своей национальностью». Библиотекарь рассказывала о представителях разных народностей, проживающих в селе: русских, чеченцах, турках-месхетинцах, немцах. Ребята узнали об обычаях и традициях своих соседей,

увидели своеобразие национальных костюмов.

В Ики-Бурульской районной библиотеке была оформлена книжная выставка «75 книг о войне», на которой были представлены книги белорусского писателя Василя Быкова, татарского поэта Мусы Джалиля, азербайджанского писателя Мирзы Ибрагимова и др.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне в муниципальных библиотеках проводились мероприятия, незаменимым фоном для которых служили гениальные строчки из «Журавлей» Расула Гамзатова. Творчеству Расула Гамзатовича здесь посвятили книжную выставку «Расул из аула Цада». Композиция «В горах мое

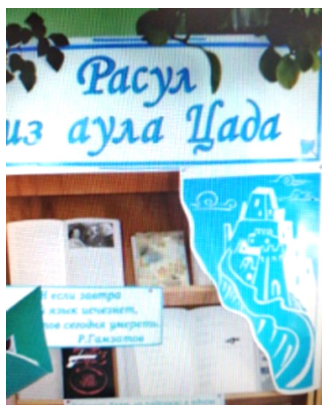
сердце» представила литературу о творчестве знаменитого аварского поэта. Учащиеся 10 классов декламировали его стихи на русском и аварском языках.

В библиотеках района проведена акция «Поэзия объединяет мир» к Международному дню поэзии, которая знакомила детей и юношество с культурой и традициями народов, проживающих на территории района.

В Хомутниковской библиотеке оформлена книжная выставка «Мир Чингиза Айтматова» и проведен обзор по творчеству писателя.

Большое значение придается проблеме сохранения калмыцкого языка, с этой целью в библиотеках Сарпинского района проводились: обзор литературы «Творческий путь С. Каляева», беседа «Терскн теегин дууч» (к 115-летию С. Каляева), «Ясность образа» (к 80-летию В. Шуграевой, «Принадлежность к судьбе поколения» (к 100-летию А. Тачиева), беседа «Жизнь героя из народа» (к 115-летию А. Сусеева).

Широко пропагандируется в муниципальных библиотеках творчество Народного поэта Республики Калмыкия Д. Н. Кугультинова, как яркого представителя культуры многонациональной России, которое способствует духовно-нравственному установлению личности и формированию ценностного отношения к литературе и культуре

других народов. Библиотекари также используют в своей работе произведения Константина Эрендженова, Аксена Сусеева, Владимира Нурова, Григория Кукареки, Василия Чонгонова, Алексея Скакунова, Евгения Пахомова, Ивана Басангова и многих других поэтов и писателей Калмыкии.

Фазиль Искандер очень верно заметил: «Каждый народ, даже самый маленький,- неповторимый узор на ковре человечества. И чем лучше каждый из нас сумеет разобраться в этом узоре, тем ближе мы будем знать

друг друга, крепче и надежнее будут дружба и мир на нашей земле».

Библиотека и книга могут помочь читателю проникнуть и понять мир другой культуры, здесь есть для него

возможность воспитать в себе те качества, которые помогут жить и развиваться в поликультурном обществе, адекватно реагировать на вызовы современного мира, успешно преодолевать барьеры непонимания и культурные стереотипы. Поэтому

информационный и культурно-образовательный потенциал библиотек должен использоваться для продвижения идей единства российской нации, этнокультурного многообразия и межэтнической толерантности.

**СЕКЦИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
«РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
ПОСТИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ»**

*Дякиева Балджя Батнасуновна,
Доктор педагогических наук,
профессор КалмГУ
им. Б. Б. Городовикова
(г. Элиста, Россия)*

**ЭТНИЧЕСКОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО
КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)**

Аннотация. Автор в статье анализирует деятельность региональных печатных СМИ по формированию межнационального согласия на примере медиапространства региона. В статье показана роль СМИ в развитии диалога культур и проведении эффективной работы с населением республики с использованием ресурса местных медиа.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, СМИ, народы региона, межнациональное согласие, диалог культур.

Научный интерес к деятельности СМИ, способствующей регулированию межэтнических отношений в России, всегда был актуален. Межнациональные и межконфессиональные вопросы и их освещение стали темой специальных научных исследований. Первые труды, посвященные медиаотражению полиэтничности в прессе отдельных регионов, появились в 2000-е годы: это труды М.А. Аствацатуровой [1], О.И. Лепилкиной [2], В.К. Мальковой [3] и др.

Как отмечают специалисты, в последнее десятилетие качественный уровень отечественной журналистики в

целом существенно снизился. Снизился в связи с этим и уровень ответственности при освещении тем, касающихся вопросов межнационального и межконфессионального согласия. Они единодушны во мнении, что особенно ответственно к освещению обсуждаемых проблем должны относиться СМИ многонациональных государств и отдельных полиэтнических территорий.

Республика Калмыкия является одним из регионов России с непрерывно растущим этноконфессиональным составом населения. Как свидетельство роста этнического разнообразия в последние годы в степном регионе существенно выросло количество национально-культурных общественных объединений.

По состоянию на 21.01.2021 г. в регионе ведут деятельность 3 зарегистрированных в Управлении Минюста России по Республике Калмыкия **национально-культурных общественных организаций**. Это:

- общественная организация «Азербайджанский конгресс Республики Калмыкия», рук. Гулиев Сабир Шавандаевич;

- общественная организация «Армянский культурный центр «Масис» Республики Калмыкия», рук. Даноян Ашот Акопович.

- Калмыцкая республиканская общественная организация «Союз украинского народа Калмыкии «Кобзар», рук. Омельчак Владимир Петрович, фактически не осуществляет деятельность.

А также 5 национально-культурных центров:

1. Калмыцкая общественная организация «Дагестанская диаспора», рук. Умалатов Магомед-Расул Ибрагимович;

2. Общественно-культурное объединение «Согласие» (Барт) Республики Калмыкия, рук. Эльжуркаев Умар Мокаевич;

3. Культурный центр турок-месхетинцев, рук. Файзиев Раим Мусаевич;

4. Региональное отделение общероссийской общественной организации «Общероссийское объединение корейцев» в Республике Калмыкия, рук. Ким Мерген Александрович;

5. Общественная организация «Казахский культурный центр «Жерлестер» Республики Калмыкия», рук. Цурюмова Светлана Владимировна.

Составной частью российской журналистики являются СМИ субъектов России, в том числе этнорегиональные СМИ, к которым относятся и СМИ Калмыкии.

Современное информационное пространство Калмыкии представляют филиал ВГУП ВГТРК – ГТРК-Калмыкия, Автономное учреждение «Республиканское информационное агентство «Калмыкия», в которую входят национальное телевидение Калмыкии (НТК), Интернет-сайт РИА «Калмыкия», республиканская газета «Хальмг унн», семейная газета «Байрта», два журнала – детский «Байр» и литературно-художественный «Теегин герл» (Свет в степи) и 13 муниципальных газет.

Кроме того, издаются интернет-газета «Степные вести», одна столичная газета «Элистинская панорама» и частная газета «Элистинский курьер». Надо также указать Информационный портал Калмыкии «Новости в Калмыкии», информационные интернет-ресурсы РК.

Именно они отражают особую роль СМИ в налаживании добрососедских взаимоотношений, посвящая теме диалога культур специальные полосы, рубрики и тематические выпуски. Основные рубрики: «Мы разные и очень похожие», «В единении – сила Калмыкии», «Калмыкия – наш общий дом» и др.

Рассмотрим тему диалога культур на примере жизни казахской диаспоры, которая насчитывает 5,5 тысяч человек. Сегодня в республике казахи компактно проживают в восточных районах, где сосредоточено 90 процентов общего количества казахского населения. В республике с 1994 года действует общественная организация «Казах-

ский культурный центр «Жерлестер», которая проводит большую работу по сохранению традиций и обычаев казахского народа, поддерживает связи с Казахстаном. Вот что отмечает в интервью газете «Хальмг унн» председатель центра Хатимулла Идрисов: «Сохранение этнического самосознания, активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры нашего народа, культивирование национальных традиций и обычаев, культурная связь с исторической родиной и сохранение родного языка – это лишь часть целей и задач «Жерлестер» [4]. В 2019 году общественной организации казахов Калмыкии исполнилось 25 лет.

Газета «Хальмг унн» отмечает, что «...на исторической родине казахов осведомлены, что их соплеменники на калмыцкой земле живут в согласии со всеми народами, населяющими степную республику, сохраняют этническую идентичность, развивают свою уникальную культуру» [5]. В феврале 2018 года в рубрике «Калмыкия многонациональная» газета опубликовала материал журналиста Василия Шакуева о казахе Сагындыке Кубинове, проживающем в республике с 1969 года. По мнению С. Кубинова, «...проведение совместных культурно-массовых, религиозных мероприятий, как никакая другая форма общения народов, служит их единению» [5]. Рассуждая на эту тему, герой публикации признается: «... до такой степени прикипел к калмыцкой земле, что наполовину считаю себя калмыком» [5].

На самом деле слова о дружбе народов не просто слова. Ранней весной в Калмыкию приезжала большая делегация из Чимкента (Казахстан). В ее составе были родственники Героя Советского Союза Карсыбая Спатаева, погибшего в 1942 году в боях на подступах к Сталинграду. В 20 лет он совершил подвиг: с миной в руках бросился под немецкий танк и решил исход боя ценой собственной жизни. За этот подвиг 17 апреля 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему по-

смертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он похоронен в братской могиле в поселке Шарнунт Сарпинского района Калмыкии, за братской могилой уже не одно десятилетие ухаживают местные жители. А 13 апреля 2018 года на Аллее Героев в Элисте установлен барельеф, который был приурочен к 100-летию юбилею отважного воина.

Взвешенная и сбалансированная позиция СМИ при освещении вопросов межнационального и межкультурного взаимодействия являются важным фактором в установлении межнационального и межконфессионального согласия в регионе. В аналитической статье под названием «Достояние вековых отношений и символ нового времени» в газете «Хальмг унн» отмечалось: «Республика Калмыкия – является без преувеличения своего рода мини-моделью страны, и в нашем случае видим опыт прирастания региона с древнейших времен многими культурами и народами» [6].

«Калмыкия – лучший регион в ЮФО в сфере межнациональных отношений» – такой заголовок был дан отчету с семинара-совещания, который проходил в Элисте в мае 2018 года. Он собрал заместителей высших должностных лиц всех регионов Южного федерального округа, где проживают представители 160 разных национальностей. В его работе принимал участие заместитель Полномочного представителя Президента в ЮФО Анатолий Сафронов. На семинаре были отмечены усилия, прилагаемые и руководством, и гражданским сообществом в республике, которые позволили добиться лучших результатов в ЮФО по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2015 года [7].

В декабре 2018 года в Элисте был проведен Форум муфтиев Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Форум, на который прибыли муфтии всех республик Северного Кавказа и ЮФО, где традиционно исповедуют ислам, а также представители некоммерче-

ского благотворительного Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, обсудил важные вопросы сосуществования народов в мире и дружбе, взаимодействия культур и религий в условиях глобализации. На Форуме звучал главный тезис его повестки «Наше богатство – многообразие в единстве» [8].

Литература:

1. Аствацатурова М.А. Пресса Ставропольского края: межэтнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса / М.А. Аствацурова. – Ростов-на-Дону – Пятигорск, 2003. – 120 с.
2. Лепилкина О.И. Межэтническое взаимодействие как объект изображения в современной ставропольской газетной периодике / О. И. Лепилкина // Медиаскоп:электронный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. – 2010. – № 4 //URL: mediascope.ru/node/626
3. Малькова В.К. Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса / В.К. Малькова; отв. ред. В.А.Тишков. – М.: ИЭА РАН; РУДН, 2007. – 247 с.
4. Французова Э. «Жерлестер»: в параде дружбы народов / Э. Французова // Хальмг унн. – 2016. – 25 мая.
5. Шакуев В.Б. Жизненная философия аксакала Кубинова / В.Б. Шакуев // Хальмг унн = Калмыцкая правда. – 2018. – 8 февраля.
6. Дякиева Р.Б. Достояние вековых отношений и символ нового времени// Б.Б. Дякиева // Хальмг унн = Калмыцкая правда. – 2017. – 7 июня.
7. Болдуринова Е. Калмыкия – лучший в России регион по реализации государственной национальной политики / Е. Болдуринова // Степные вести:интернет – газета». – 2021. – 24 мая // URL:<http://tegrk.ru/archives/36395> (дата обращения: 01.05. 2021)
8. Серенко А. Столица Калмыкии стала площадкой для общения исламских духовных лидеров / А. Серенко [электронный ресурс]. – URL: https://nvo.ng.ru/faith/2018-12-25/100_elista2512.html (дата обращения: 01. 05. 2021)

*Ханинова Римма Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник КалмНЦ РАН
(г. Элиста, Россия)*

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД БАСНИ
КАЛМЫЦКИХ ПОЭТОВ
(М. ЭРДНИЕВ, М. ХОНИНОВ)**

Басня в калмыцкой поэзии XX века находилась на периферии литературного процесса. К ней обращались многие поэты, начиная с конца 1920-х – 1930-х гг.: Санджи Каляев, Хасыр Сян-Белгин, Муутл Эрдниев, Горя Шалбуров, Басанг Дорджиев. Возрождение калмыцкой басни с конца 1950-х гг. и расцвет в 1960–1970-е гг. (Хасыр Сян-Белгин, Басанг Дорджиев, Давид Кугультинов, Михаил Хонинов, Тимофей Бембеев, Санжара Байдыев) сменились ее угасанием в 1980-е гг. Басня калмыцких поэтов с ее элементами иносказания, аллегии, дидактики оказалась невостребованной в эпоху гласности и демократизации общества. В новом столетии басня – редкий пример в калмыцкой поэзии. Так, басня Н. Санджиева «Һанцхн кедмнэ модн» («Одинокое грушевое дерево») с указанием жанра (тежг) имеет нравоучительную тенденцию на тему социализации в обществе. За грушевым деревом, росшим в стороне от фруктового сада, никто не ухаживал, оттого оно погибло под тяжестью своих плодов. Мораль басни проста: «Күмни заагт бас / Иим “кедмн” харһна: / Түшг уган уршгт / Түрүлж нурһсан таслна» [Санжин Н. 2009: 150]. В смысловом переводе: «Среди людей тоже встречается такое “грушевое дерево”: в случае отсутствия опоры ствол его тоже ломается». Оппозиция «одинокое дерево» – «сад» проецирует параллели: «человек» – «общество», «одиночество» – «поддержка».

Эта басня современного поэта, как и многие басни его предшественников в калмыцкой поэзии прошлого века, не была переведена на русский язык. Отсутствие художественного перевода большинства басен калмыцких авторов объясняется разными причинами: во-первых, калмыцкие поэты уделяли основное внимание переводам своих произведений в крупных жанровых формах (роман в стихах, поэма, стихотворный цикл), а если они писали еще и прозу, то отдавали предпочтение переводу своих романов, повестей, рассказов; во-вторых, в калмыцких изданиях басни встречались не в каждой авторской книге, среди других стихотворений или в отдельном разделе, поэты не включали басни в свои книги, выходившие на русском языке; в-третьих, проблема с переводчиками, переводившими, как правило, с подстрочника, а не с оригинала, обострялась их малочисленностью и, видимо, нежеланием работать с таким трудным жанром, как басня.

Первый опыт художественного перевода басни калмыцкого поэта на русский язык осуществил Г. Михайлович в 1942 г. Из двух авторских басен Муутла Эрдниева (1914-1942) он перевел «Ус үзлго – һос тээлдго» («Не видя воды – не снимают сапоги», 1938) [Эрднин М. 1938: 4], назвав свой труд «Пока не увидал реки, не торопись снять сапоги» [Эрдниев 1942: 13-14]. Опираясь на сюжет калмыцкой сказки «Как произошла пословица “Не увидев воды, не снимают сапог”» [Мифы, предания... 2017: 141-142], М. Эрдниев трансформировал поучительную историю, ввел своих персонажей – молодого пастуха, змею и ласточку. Его произведение можно классифицировать как басню-пословицу, распространенную в мировой поэзии, в том числе и русской.

Народную мудрость в басне проецирует подзаголовок: «Үлгүрин тускар нанд өвгнэ келсн расказ» [Эрднин М. 1938: 4], т.е. «Это рассказ старика о пословице, povedанной мне». Нетрудно заметить, что в названии произведения автор использовал русское слово «рассказ»

(с опечаткой – расказ), хотя знал калмыцкий эквивалент «келвр». Переводчик подзаголовок распространил на первое четверостишие басни: «Пословицу такую вслух / Произнеся в какой-то час, / Мне рассказал старик-пастух, / Как эта мудрость родилась» [Эрдниев 1942: 13]. Если текст оригинала не разделен на строфы, то в переводе в основном структурирован четверостишиями. Первоисточник опирается на традицию национального стихосложения с использованием, прежде всего, анафоры, аллитерации, в переводе этой тенденции нет. В оригинале 45 строк без названия и подзаголовка, в переводе 13 строф, 80 строк без названия басни.

Если у поэта указан «үкрч көвүн» («юноша-пастух»), то у переводчика – это уже «мальчик-пастушок», «мальчуган», тем самым, вероятно, Г. Михайлович подчеркнул опрометчивость поступка персонажа. В басне автор прямо сказал о том, что разгневанный пастух длинным кнутом убил ласточку, переводчик не актуализировал этот важный момент, ограничившись тем, что мальчик своим бичом «наземь сбил ее», что, понятно, не одно и то же. У Михайловича есть характеристика птицы – «шалунья-ласточка», отсутствующая в оригинале. Это дополнение «шалунья» контрастирует как с ситуацией в басне (ласточка встревожена из-за грозящей пастуху опасности – он может напиться яда вместо воды из родника: это змея, не видная человеку, источает свой яд наверху), так и с общей характеристикой ласточки в калмыцком фольклоре – ласточка спасла людей от смерти, вырвав язык у комара, летевшего рассказать змеиному хану, чья кровь слаще [Мифы, легенды... 2017: 62–69]. Метафора «природный кубок» в отношении листа безымянного растения (кустарника или дерева) не вписывается также в стиль калмыцкой басни. Определения змеи в басне – «уурта, догшн моһа» («злая, свирепая змея»), в переводе – это только «ядовитая змея». Такие эпитеты в тексте калмыцкого поэта усиливают контекст произведе-

ния. Пастух понял свою ошибку: приняв друга за врага, убил ласточку. В переводе: «И мальчик горько пожалел: / – Отверг заботу друга я, / Понять его я не сумел» [Эрдниев 1942: 14]. Здесь нет осознания ошибки, нет мотива подмены. Мораль басни в оригинале и переводе несколько различается: «Үкрч көвүнэ үг / Үнн бээснь лавта. / Үлгүрин үн-чинрнь / Ода чигн бээһэ зөвтэ. / Урдаснь ухалчкад кесн үүлдврт, / Эндү-алдг ховр һардг. / Иньгиг өшэтнэс йилһж чадлһн / Эркн чинртэ төр болдг» [Эрднийн М. 1938: 4]. У Михайловича: «Бывают и для нас верны / Те пастушонковы слова. / И та, что выражена в них, – / Доныне мудрость их жива: // В делах обдуманых – никак / Ошибкам, промахам не быть. / И кто – твой друг, / И кто – твой враг / Полезно тоже отличать» [Эрдниев 1942: 14]. В то же время следует отметить, что калмыцкий поэт актуализирует смысл пословицы, показывая, что ошибка ошибке рознь, ведь убита птица, стремившаяся спасти человека. Так он использует словосочетание «эндү-алдг» («смертельная ошибка»). Иначе говоря, если заранее осмыслить, что делать, то редко случается смертельная ошибка (ср. «ошибки, промахи» в переводе). Поэтому не просто полезно отличать, кто друг, а кто враг, автор постулирует, что неумение отличить друга от врага чревато большой проблемой. У Эрдниева – мораль-предостережение, у Михайловича – мораль-констатация. Если сфокусировать мораль этой басни 1938 г. на предвоенную международную ситуацию, то можно говорить о том, что здесь есть и политический элемент. Сам Муутл Шалхакович Эрдниев воевал в 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. В этой связи трудно сказать, кем сделан подстрочник оригинала для переводчика, не владевшего калмыцким языком.

Больше всего переведено на русский язык басен Михаила Хонинова (1919-1981), часть из них вошла в две сатирические книги поэта, изданные в серии «Библиотека "Крокодила"». Первая книжка «Хавал-бахвал» (1973)

переведена поэтом Андреем Внуковым, вторая книжка «Как я был конокрадом» (1979) – А. Внуковым, Л. Шерешевским, Ю. Кушаком, А. Кронгаузом, И. Романовым, М. Семеновым, Б. Юдиным. Н. Поливиным, О. Шестинским. Все переводы выполнены с авторского подстрочника.

Среди них басня «Хавал...» в переводе А. Внукова под названием «Хавал-бахвал». Слово «хавал» в калмыцком языке имеет несколько значений: 1) дробовик (ружье), 2) бубен, а в переносном значении «пустослов» [КРС 1977: 561]. А. Внуков использовал два значения этого слова, обыграв его в названии и тексте: «Скажу, что хавал – / по-калмыцки ружье. / Теперь о ружье / не скажу я ни слова, / Оно, безусловно, / достойно похвал... / Хавал-человек – / вот рассказа основа, / Калмыцкий хавал – / это русский бахвал» [Хонинов 1973: 19]. Так переводчик прибегнул к разговорному, пренебрежительному понятию: бахвал – хвастливый болтун.

По мнению Д. Т. Чирова, «не назвав своего бюрократа даже по имени («калмыцкий хавал – это русский бахвал»), поэт тем самым намекнул на достойную сожаления распространённость этого типа среди определенной части наших администраторов-хозяйственников» [Чиров 2007: 68]. Между тем это имя персонажа в басне, а не в стихотворном фельетоне, как считал исследователь [Чиров 2007: 68]. Стихотворный фельетон при всех его разновидностях привязан к текущему дню, представляя оперативный отклик по свежим поводам [Страшнов 2016: 112].

Сатира басни направлена против всех типов карьеристов, способных на словах руководить и выполнять ту или иную работу, а на деле наносящих урон государству. Такие начальники, например, летом «палят» с трибун, обещая, что скот благополучно перезимует с кормом. Однажды рассказчик посетил в столице республиканское собрание по поводу будущей сеноуборки. Знакомый ему председатель хозяйства по имени Хавал со сцены зата-

рахтел, как машина, поставив в докладе неисчислимое количество скирд до небес задолго до сезона: «То уга искирд / Теңгрт күргэд зогсав» [Хоньна М. 1974: 126]. Эти слова, пущенные, как трассирующие пули, закрепились затем на бумаге: «Цэкулэд хасн үгмүднь / Цааснд хөөннь батрв» [Хоньна М. 1974: 126]. Когда наступила зима и задул буран, коровы и овцы стали мычать и блеять от голода, плакать, подобно маленьким детям. На вопрос чабанов, что делать со скотом без корма, Хавал приказал снять с крыш кошар камыш и накормить овец. Зимняя бескормица сгубила много скота. Но Хавалу все нипочем: «Үвлин му эрлэд / Урһмл шинэс көкрхм. / Хавал трибун эзлэд / Хоосар... өвс овалхм» [Хоньна М. 1974: 127]. В смысловом переводе: «Когда зимняя беда уйдет, заново зазеленеет трава. Хавал, завладев трибуной, впустую... будет косить траву». Оригинал басни состоит из 7 различных строф: первая строфа – 12 строк, три строфы по 8 строк, две заключительные строфы по 6 строк, итого 48 строк без названия. Перевод структурирован «лесенкой», включает 99 строк без названия. И автор, и переводчик приемом повторения характеристики главного персонажа подчеркивают суть его пустозвонства и бахвальства. У Хонинова: «Эрэн цоохр ахар, / Эмлэ эдл цээһэр, / Асрад керг уга – / Амнь үүнэ дала» [Хоньна М. 1974: 126]. Смысловой перевод: «Мраморным мясом, чаем, подобным лекарству, не надо кормить его – у него много ртов». Этой метафорой поэт намекает на дуло ружья, обыгрывая имя человека. У Внукова: «Не надо кормить его / мраморным мясом, / И чаем калмыцким / не надо поить, / Лишь дайте Хавалу / похвастаться “классом”: / Из всех положений / по цели палить!» [Хонинов 1973: 19, 19-20]. Здесь мы наблюдаем пример «компенсаторной трансформации» [Кузьмичев 2021: 234] образа Хавала у переводчика, перенесшего эту характеристику в начало басни, там же и повторившего, у автора же она дана в третьей и пятой строфе.

Переводчик ввел в текст калмыцкое слово «шурган» (калм. шуурһн – буран, метель), сделав стихию еще одним персонажем басни – природным контролером с помощью олицетворения. «Кочует по ветру / шурган ураганный, / Как дикий табун / белогривых коней. / И рвется к Хавалу / шурган белогривый – / Спросить у Хавала, / где сена скирды. / Но только весною / Хавал говорливый, / Зимой он / в рот набирает воды... / Шурган / не стеснясь / владенья Хавала / За несколько дней и ночей / обошел, / Но сена в скирдах / у Хавала-бахвала / Шурган, / как ни бился, / нигде не нашел. / На пятые сутки / шурган утомился...» [Хонинов 1973: 21–22]. Перевод басни характеризуется в этом случае избыточной трансформацией – «привнесение дополнительной образности, не поддерживаемой текстом оригинала» [Кузьмичев 2021: 233].

Если в оригинальном тексте чабаны пришли на дом к председателю, потревожив его сон, то в переводном тексте они явились в правление: «Весной, председатель, / ты сеном хвалился, / Но чем нам отары / кормить до весны?..» [Хонинов 1973: 21–22]. Внуков акцентирует своими деталями хронотоп басни, тип карьериста, сравнивая в конце стихотворения природную стихию и стихию безответственности начальства (и самого Хавала, и высшего над ним руководства, не принимающего ответные меры в отношении таких бездельников). «Зима беспощаднее / волчьей потравы / Овец у Хавала / разит наповал... / Но вновь по весне / расстилаются травы, / И снова их косит... / с трибуны Хавал!» [Хонинов 1973: 22]. Традиционная мораль в конце басни являет кольцевую композицию произведения: Хавал по-прежнему «косит» с трибуны очередную траву.

Калмыцкий поэт в строфе перемежает различные виды анафоры: парные, сплошные, конечная рифма свободная, есть метафоры, сравнения, гиперболы, эпитеты, стихотворный размер – хорей с ямбом. Русский переводчик «лесенку» рифмует перекрестной рифмовкой, пере-

межая женские и мужские рифмы, стихотворный размер – четырехстопный амфибрахий; в тексте встречаем фразеологизм («набрать в рот воды»), экспрессивную оценку персонажа (лексема «шельмец»). Если Внуков ввел в текст калмыцкое слово «шурган» (буран, метель) как этнокультурный маркер языковой картины мира, то Хонинов использовал безэквивалентные слова: «трибуна» («трибун»), «сцена» («сцен»). В целом, на наш взгляд, этот внуковский перевод, дав название книге, являет удачный пример тандема «автор – переводчик». А мораль басни сохраняет актуальность и ныне, разве что масштаб карьеристов меняется в геометрической прогрессии, как и ущерб от их псевдодеятельности.

Спорным представляется перевод Юрием Кушаком хониновской басни, известной под разными названиями как у автора: «Хойр үр» («Два друга», 1967), «Хар махч үүрмүд» («Жадные друзья», 1974), так и у переводчика: «Два друга» (1972), «Вымогатели» (1979). Оригинальный текст в двух публикациях в основном идентичный, состоит из 10 четверостиший (40 строк без названия), в издании 1974 г. используется в 10 строфах в незначительном количестве «лесенка» (45 строк без названия). Текст перевода отличается только строфичностью в первом издании (8 четверостиший, 32 строки без названия), во втором издании те же 32 строки даны без деления на строфы. Названия произведений у автора и переводчика меняются от нейтрального (иронического в подтексте) в сторону усиления сатирической направленности (неточного по содержанию у Ю. Кушака). Авторский текст структурирован анафорой (в основном парной), свободной рифмовкой и рифмой, сравнениями, эпитетами, гиперболой, стихотворный размер смешанный – амфибрахий с ямбом. В кушаковском переводе в основном парная рифмовка, женская рифма, риторические фигуры, стихотворный размер – четырехстопный амфибрахий.

Рассмотрим, в чем заключается общее и различное на

примерах двух поздних текстов. У М. Хонинова не уточняется, где происходит действие, но подчеркивается, что встретились друзья после длительной разлуки: «Хойр үр кесг болжаһад / Хамав, нег һазрт харһна» [Хоньна М. 1974: 142]. Ю. Кушак, не уточняя время действия («Однажды в субботу, а может быть, в среду»), конкретизирует место встречи: «Два друга вели возле рынка беседу» [Хонинов 1979: 7]. Возможно, указанием на рынок (место купли–продажи) переводчик усиливает абсурдность ситуации, когда один из друзей допытывается у другого, что тот сделает, когда он умрет: поставит памятник, справит поминки, т. е. насколько готов материально потратиться. Автор же подчеркивает, что один из друзей был почему-то в плохом настроении, взвинчен, в ответ на приветствие вопрошает, уважает ли его подошедший друг: «Чи намаг тевчдвч?!» [Хоньна М. 1974: 142]. Услышав уверение в уважении, он сразу решает проверить, действительно ли это правда. «Намаг нөкэдүр үкж гихлэ, // Чи яахич? Мини үр! / Чирэдм келлчн: түлшим кеж, / Эмт цуһцулж мөнг һарһхийч, / Аль, маһндурин бийднь / мартхийч?» [Хоньна М. 1974: 142]. Смысловой перевод: «Если скажут, что завтра я умер, что ты будешь делать, мой друг? Скажи мне прямо: поставишь памятник, соберешь людей, потратив деньги, или завтра меня забудешь?». Переводчик для различения обозначил друзей так: первый, что подошел поздороваться, это тот, что стоял слева, второй, который ответил на приветствие, это тот, что стоял справа. И диалог между ними иной, чем в оригинальном тексте: «И тот, что был справа, тому, что был слева, / Сказал: “Вот корова вчера околела... / И сам я дышу после гриппа на ладан... / А так, слава богу, все миром да ладом...”» [Хонинов 1979: 7]. Переводчик привносит психологический нюанс, объясняющий, почему в беседе появился мотив смерти: околела корова, сам человек нездоров. Русский фразеологизм «дышать на ладан» должен усилить похоронные интонации, сакральная сло-

весная формула (обращение к богу) как бы подчеркнула смирение человека перед судьбой. Этот мотив у Кушака подхватывает первый собеседник: «Помирать не имеешь ты права! / Подумай о детях! Что будет с женою? / Я стал бы и сам без тебя сиротою» [Хонинов 1979: 7]. Смертельный мотив развивается со слезами второго и рыданием первого из собеседников. «Давай же простимся, мы были друзьями. Скажи на прощанье, придешь ли, мой милый, / Чтоб друга оплакать над свежей могилой?» [Хонинов 1979: 7]. Второй собеседник напоминает, что они друзья, называет первого собеседника милым.

У автора первый собеседник клянется не забыть своего друга, будет оплакивать его, устроит хорошие поминки. Как только друг умрет, он всем сообщит о своих намерениях, как настоящий мужчина. «Я, яһла халг, үр мини. / Яһсндан чамаг би марттм. / Яһн деерчн яартлан уульнав, / Йосн кевәр түлшичн кенәв, // Зуг үкж өгич, би / Залу седклән цугтад медүлхв» [Хоньна М. 1974: 143]. На вопрос, что еще может сделать для него друг, первый собеседник добавляет, что потратит сто рублей на его портрет на памятнике, чтобы стоял сто лет: «Дәкәд, зун арслң һарһнав, // Зургичн зурулад үкәр деерчн / Зун жилд зогсдгар залнав» [Хоньна М. 1974: 143]. У переводчика прием градации сразу задан первым собеседником: «Я выбью на камне твое изваянье! / Украшу могилу твою, как усадьбу, / И справлю поминки щедрее, чем свадьбу!» [Хонинов 1979: 7]. Это сравнение, например, украшенной могилы с усадьбой привносит в текст инонациональный (русский) компонент, кроме того, в оригинале речь идет о заказе портрета на памятник, а в переводе – уже о том, что скорбящий друг сам сделает изваянье для кладбища.

Неожиданный поворот возникает в сюжете, когда удивленный услышанным второй собеседник просит сейчас дать ему десять рублей из тех, которые друг собирался потратить на похороны, поскольку, если умрет, не получит от того даже и рубля. «Тер, үкхләм һарһх мөң-

гнэсн / Нег арвинь ода ас, / Нөкэдүр үкхлэрн, дэжж чамас / Нам арслң чигн авхшив» [Хоньна М. 1974: 143]. Видимо, друзья знают цену своим словам. В ответ собеседник, переспросив, не пожал протянутую ему руку, замолчал и поспешно удалился. Ушел, ни разу не оглянувшись, точно его черт уколол: «Ардан негчн эргж хэлэлго / Алмсас хатхулсн мет одв» [Хоньна М. 1974: 143].

Ю. Кушак, развивая собственной мотив околевшей коровы, продолжил диалог друзей: «Без меня вы гульнете на славу. / Я знаю, мой милый, что сдержишь ты слово. / Но лучше б помог – дал займы на корову» [Хонинов 1979: 7]. Реакция первого собеседника эмоционально усилена жестикуляцией и проклятием: «И тот, что был слева, затопал от гнева, / Он бил по бокам себя – тот, что был слева, / Он взвизгнул: “Да где я возьму тебе денег? / Да чтоб ты подох, негодяй и бездельник!”» [Хонинов 1979: 7]. Так обещание персонажа достойно проводить в последний путь друга перерастает у переводчика в самохарактеристику первого собеседника. При этом Ю. Кушак формулирует проклятье по-своему, не зная формульные проклятья калмыцкого фольклора.

Концовка басни в оригинале: «...Хөөнь, эдн харһдган уурв, / Холас геклдэд хээкрлддг болв» [Хоньна М. 1974: 143]. Смысловой перевод: «Позже они перестали встречаться, а если случайно виделись, то издали переругивались». Мораль введена в контекст басни. Концовка басни в переводе из личностного ракурса переходит в обобщенный: «Смеялись торговцы на маленьком рынке, / Орали верблюды, и звякали крынки. / Вот это друзья! – хохотали торговцы. / И звякали крынки: / – Вот это поминки!» [Хонинов 1979: 7]. В этом фрагменте есть лексическое столкновение национального (верблюды) и инонационального (крынка – глиняная посуда).

Авторская басня с безымянными персонажами, неопределенным временем и местом действия не имеет ментального аспекта, денежный эквивалент (рубли) отсы-

ляет к современности. Перевод этой хониновской басни отличается также избыточной трансформацией сюжета, но уже со стилевой и лексической доминантой инонационального ракурса.

Точность слова и точность смысла первоисточника и перевода могут различаться в той или иной степени, сохраняя художественный модус. В отношении калмыцкой басни это особенно актуально при переводе на русский язык, что подтверждается проведенным анализом избранных текстов.

Литература:

1. Кузьмичев А.И. Трансформация образа в поэтическом переводе / А.И. Кузьмичев // Проблемы поэтики и стиховедения: мат. IX Международной научн.-теоретич. конф., посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева (20-21 мая 2021 г.). – Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2021. – С. 233-236.
2. Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Калмыцкий научный центр РАН. – М.: Наука, Вост. лит., 2017. – 367 с.
3. Санджин Н. Ыанцхн кедмнэ модн / Н. Санджин // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. – Элиста: Издательский дом «Герел», 2009. – С. 149-150.
4. Страшнов С.Л. О тенденциях развития стихотворного фелъетона / С.Л. Страшнов // Вестник КГУ. – 2016. – № 6. – С. 109-113.
5. Хонинов М. В. Все начинается с дороги: стихи и поэма / М.В. Хонинов; пер. с калм. – М.: Современник, 1972. – 122 с.
6. Хонинов М. В. Как я был конокрадом: стихи, рассказ / М.В. Хонинов. – М.: Правда, 1979. – 46 с.
7. Хонинов М. В. Хавал-бахвал: стихи / М.В. Хонинов; пер. с калм. – М.: Правда, 1973. – 47 с.
8. Хоньна М. Эцкин һазр: сунцһн шүлгүд болн поэм / М. Хоньна. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. – 177 х.

9. Эрдниева М. Пока не увидал реки, не торопись снять сапоги / М. Эрдниева // Улан Туг. –1942. –№ 4. –Х. 13-14.
10. Эрдниева М. «Ус үзлэг — нэс тээлдэг» / М. Эрдниева // Лениний ачир. –1938. –Ноябрь 21. –Х. 4.

*Джамбинова Надежда Садыковна,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания,
русской и зарубежной литературы
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова,
Каримова Севара,
студент 4 курса
КалмГУ им. Б. Б. Городовикова
(г. Элиста, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Данная статья посвящена анализу лексики романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной. Причины обращения к творчеству данного автора несколько. Во-первых, тема романа Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» – политика государства бывшего Советского Союза по уничтожению кулачества как социального класса – волнует несколько десятков народов, пострадавших от нее. Во-вторых, молодой писатель Гузель Яхина, вошедшая в шорт-лист Года литературы – 2010, по мнению Л. Е. Улицкой, продолжает традицию национальной литературной школы, заложенной мастерами художественного слова Ф. Искандером, Ю. Рытхэу, Ч. Айтматовым и др. [5, URL: <http://bookz.ru>]. В-третьих, нас привлекает язык писателя, прекрасно владеющего как русским языком, так и родным татарским.

Изучение языковых явлений художественного текста в этнокультурном аспекте составляет одно из актуальных направлений современного языкознания. Самым проблемным моментом в отражении лексики безэквивалентного характера является перевод художественного текста. Это объясняется отсутствием отображаемых предметов и явлений в тексте – реципиенте, своеобразием характеристик лексических единиц в разных языках.

Роман Г. Яхиной вызвал неоднозначный интерес со стороны критиков, некоторые из них ставили его в один ряд с творчеством Ч. Айтматова, Ф. Искандера, Ю. Рытхэу, другие винят Яхину в неверном изображении татарско-национальной культуры и традиций. Однако, несмотря ни на что, роман «Зулейха открывает глаза» отличается своим авторским идиостилем и языковой оформленностью. Автор романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Шамилевна Яхина – современный писатель относится к двуязычным писателям.

Роман «Зулейха открывает глаза», экранизированный режиссером Е.М. Анашкиным, получил известность на всем российском пространстве, благодаря тому, что написан в русле исторического романа, посвященного важному переломному периоду в истории России – раскулачиванию и ссылке. Зулейха прошла весь путь тех, кто пострадал из-за бесчеловечной политики советской власти с тридцатого по сорок шестой годы в ангарском спецпоселке на добыче золотой руды. Автор рассказывает о тяжелейшем переселении и бытовых условиях жителей степных казанских просторов в таежных глухих местах Ангары. В таких условиях развивался и закалялся характер молодой женщины – тридцатилетней Зулейхи. Отправной точкой и идейным стержнем романа послужила сцена – маленькая Зулейха и огромная карта СССР, мысль о «песчинке», «колесике и винтике» единого механизма партии советов.

Гузель Шамилевна Яхина в своем творчестве представляет татарский народ, который существует в составе современной России. Татары входят в тюркскую группу этносов, которая распространена в региональных областях РФ. Автор – прозаик, владеющий как русским, так татарским языками. Ее роман специфичен, прежде всего, этнокультурной маркированностью, репрезентирующей отличную от русской, концептосферу.

Единица языка, маркирующая концептосферу, обозначается разной терминологией «концепт» (В.И. Карасик, Е.И. Диброва), «доминанта» (И.В. Шапошникова, У.Л. Сагнаева), «признак» (А.П. Седых) «лингвокультурема» (В.В. Воробьев) и др. Так, У.Л. Сагнаева остановилась на понятии «этнокультурная доминанта», под которой имеется в виду концептосфера, включающая национальные ориентиры ценностного характера – моральные, политические, военные, идеологические, религиозные. Развиваясь, этнос преобразует «исходные этнокультурные составляющие так, что на их основе создается этническое сознание» [4, с. 31-39].

Мы придерживаемся, термина «лингвокультурема», введенного научный оборот В.В. Воробьевым. Им он называл смысловое связующее звено между культурно-когнитивными концептами и концептуальной картиной мира. Фрагменты (кванты) культуры, обогащенные этноспецифическим содержанием, называются «этнокультуремами» [3, с. 44-45]. В художественном тексте писателя-билингва лингвокультурема формируют идиолектное поле, которое входит в концептосферу авторской языковой личности. Произведение Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» содержит разные этнокультуремы. Итак, разберемся, какие конкретно лексические единицы маркируют языковую личность писателя – билингва. Рассмотрим языковые особенности романа Г. Яхиной и проследим специфику репрезентации национальной татарской культуры языковыми единицами лексического уровня более подробно.

1.Безэквивалентная лексика, обозначающая реалии

В динамической авторской картине мира значимость приобретают такие средства ее репрезентации, как безэквивалентные этнографизмы. Предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках называются реалиями. Реалии характерны для подязыка художественной литературы, неразрывно связаны с культурой определенного народа, являются общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков.

Общеизвестно, что наибольшей степени реалии национальной лингвокультуры отражает безэквивалентная лексика. Термин безэквивалентная лексика впервые ввели в научный оборот Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Автор лингвистического словаря О.С. Ахманова, под безэквивалентной лексикой понимается «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [2, с. 41].

Текст автора художественного произведения, который пишет на двух языках, маркированные этнокультурной отмеченностью. Это говорит о том, что писатель принадлежит к иной концептосфере, в которой значимыми становятся репрезентативные средства этнокультуры: безэквивалентные языковые единицы, экзотизмы, прецеденты, вкрапления из иных культур и пр.

Особенностью лексического уровня романа Гузель Яхиной можно считать национальную лексику татарской культуры. Можно указать следующие группы слов и выражений, содержащих национально-культурный компонент. Важнейшим элементом материальной культуры

любого народа является его быт, конкретно отражающийся в его национальном языке посредством специальной лексики, которая определяет различные стороны и объекты данного быта. Для текста романа «Зулейха открывает глаза» в большей степени характерно обращение к единицам – реалиям материальной культуры. Слова, называющие предметы быта, лингвоспецифичны, поэтому при сопоставительных исследованиях часто демонстрируют безэквивалентность. Бытовая лексика является самым распространенным компонентом в структуре романа.

Назовем следующие ее подгруппы безэквивалентной лексики – бытовых реалий.

1. Лексика хозяйственной деятельности и материальной культуры

Важной частью состава национально-маркированных единиц (по другому, этнографизмов) являются реалии бытовой сферы (наименования хозяйственных предметов: каплау, камча, тастымал, кульмек, сяке и т.д.; одежды и обуви: малахай, чыба, ката и т.д.; наименования продуктов питания: кызылык, котеле), не имеющие эквивалентов и непереводаемые в заимствующем языке.

2. Лексика, касающаяся верований и мифов

Творчество Г.Ш. Яхиной опирается на фольклорно-мифологические основы. В романе «Зулейха ...» встречается ряд наименований мифологических духов и существ, по древним поверьям сопровождающие жизнь представителей татарского этноса, что отражает прототипическое национальное сознание. Это мифологические женские существа: пэри, албасты, юха, убырлы карчык и т.д.; а также мужские существа: дэв, аждаха, басу капка иясе, шурале – «леший», бичура и т.д.

3. Лексика, отражающая традиционные обычаи

Г. Яхина как истинная представительница своего народа знакомит читателей с татарскими традициями и обычаями. Например, татарская изба разделялась на две территории – для женщин и мужчин ситцевой занавеской

(чаршау); описание национальных видов игр и развлечений: кереш, кыз-куу. Кроме этого, существуют различные этнические обычаи празднования значимых событий, связанных с созданием семьи: туй, калым.

4. Названия религиозных реалий и духовных лиц

К наименованиям, репрезентирующим реалии религиозного культа, номинирующим лиц духовной сферы, подчеркивающим их положение в религиозной иерархии, по мнению О.В. Арязмовой, относятся: абыстай, мулла, хазрэт – уважительное обращение к духовному лицу. Кроме этого упоминаются названия отдельных предметов с религиозным значением: ляухэ, михраб, таш [1, с. 55-56].

Среди множества религиозных татарских праздников Г. Яхина рассказала о самых распространенных и связанных некоторым образом с религией. Так, это праздник приношения даров и помощи бедным и нуждающимся – Курбан-байрам; мусульманский праздник семидесяти дней разговения или прекращения поста, который называется Ураза-байрам.

2. Этноспецифическая топонимическая лексика

Топонимическая единица в романе «Зулейха...» позволяет рассказать о жизни до ссылки и во время ссылки, переезде в места спецпереселения: ойконимы Казань, Семрук, Юлбаш, ороним Ангара. В романе «Зулейха открывает глаза» встречаются топонимические единицы, называющие реальные и нереальные ойконимы, в частности, это Юлбаш – место, где главная героиня жила в замужестве. Писатель, тяготея к детализации изложения, обычно точно обозначает место происходящих событий. Деревня Юлбаш происходит от татарских слов «юлбаши», то есть «начало дороги». *В темно-серой предутренней мгле едва проглядывают занесенные снегом дома родного Юлбаша. Муртаза как-то считал – больше ста дворов получилось. Большая деревня, что говорить.* Именно здесь, в вымышленной татарской деревне можно

ощутить всю гамму переживаний одного дня из жизни Зулейхи. Название сельского поселения в период ссылки – **Семрук** в реальности не существует, в произведении его место находится в сибирской таежной глухомани. Ойконим, название поселка, расположенного на высоком берегу реки Ангара. Имя Симург переводится как «тридцать птиц». Симург в татарском варианте звучит как Семруг. Сибирский поселок стал частью жизни переселенцев, где люди заново стали жить, занялись хозяйством, создали нормальные условия проживания. Название топонима было дано первыми поселенцами: так как у одного героя произведения Авдея не хватает руки, поэтому на четверых семь рук, так объясняет один из персонажей – Константин Арнольдович. В экранизации «Зулейха открывает глаза» название ойконима объясняется происхождением поселка: его называли в честь четырех героев – переселенцев, которые зимой спасли жизнь коменданту Ивану Игнатову. По сюжету фильма комендант попадает в глубокую яму, которую он вырыл собственными руками для охоты. В яму угодил лось, а вместе с ним и волк, который вот-вот готов был вцепиться в добычу. Игнатов по неосторожности соскользнул вниз, победил в схватке волка, но от сильного холода и истощения уже не смог выбраться наверх. Ему грозила смерть от обморожения, но вовремя подоспевшие раскулаченные мужики вытащили коменданта. Позже именно в честь их золотых рук было названо селение. Однако и в книжном варианте, и в экранизации это место должно было носить имя Семьрук, но в типографии по ошибке пропустили мягкий знак. Так и родилась на карте точка под названием Семрук. Наименование географического объекта – Семрук – выполняет две функции. Первая функциональная роль – жанрообразующая, позволяет создать почти реалистичный поселок, с его составляющими; вторая – передает фоновые пространственные признаки для создания сюжета и линии действий.

Ойконим Казань – столица Республики Татарстан. Этимология названия от слова «казан» – «яма, углубление, котловина». Подавленная бытом сельской жизни и тяжелой женской судьбой, Зулейха все сетовала, что не сможет никогда увидеть этот город: *Если умру – так и не увижу Казань?*

Другой вид топонима – реальный ороним Ангара, ледяной водный поток которой унес много жизней переселенцев. Интересны средство образности топонима река Ангара. Оно содержит в себе женские качества: признаки женской фигуры в береговых очертаниях – «грудь вспучивалась, словно подоспевшее в кадушке тесто», правый берег напоминал покладистый женский характер.

3. Лексика, называющая исторические реалии.

Значительную роль в формировании специфики лексического состава романа играют именованя исторических реалий. Историческиереалии– слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для исторического развития одного народа и чуждые другому, передающие национальный и исторический колорит, не имеют чаще всего эквивалентов в других языках. Так, в романе используются такие исторические реалии, как хлебная монополия, продразверстка, продналог, продотряд, большевики, комсомольцы, коммунисты, сельсовет, НЭП, ГПУ, губЧК. Некоторые из них образованы способом сложения и аббревиацией. Например, продразверстка – сложносокращенное сочетание продовольственная развёрстка. Она связана с политикой государственного обеспечения населения продовольствием за счет обложения всех крестьян налогом. Налогом служил хлеб. Позже была введена «хлебная монополия», предполагавшая передачу хлеба государству за вычетом его для личных и хозяйственных нужд. Все проводилось принудительно, что вызывало недовольство людей, приводило к голоду. Так, Зулейха также воспринимала данные явления как что-то связанное со страшными для нее мифологически-

ми созданиями: ...но с каждым годом становившаяся все страшнее, какалбасты, прожорливее, какдэв, ненасытнее, как жалмавыз, – **продразверстка**. Акроним «колхоз», образованный от словосочетания «коллективное хозяйство», то есть предприятие, созданное для коллективного ведения сельского хозяйства и «красноармеец» – воинское звание рядового состава Красной армии, синоним слова «солдат». В некоторых случаях интересен прием передачи данных политических реалий в романе. Так, героиня романа Зулейха называет партийную ячейку (ящайка), коллективное хозяйство колхоз (**калхус**): *Мансурка сагитировалнесколько человек в свою ящайку и встречался с ними по вечерам, что-то обсуждал. Устраивал собрания и горячо зазывал деревенских в товарищество со странным пугающим названием калхус. Красноармейцев Зулейха именует красноордынцами, по ассоциации с Золотой Ордой: Зулейхе сложно давались длинные русские слова, значения которых она не понимала, поэтому называла всех этих людей про себя – **красноордынцами**. Отец много рассказывал ей про Золотую Орду, чьи жестокие узкоглазые эмиссары несколько столетий собирали дань в этих краях и отвозили своему беспощадному предводителю – Чингисхану, его детям, внукам и правнукам. Красноордынцы тоже собирали дань. А кому отвозили – Зулейха не знала.*

Обнаруженные в структуре романа национально-культурные и исторические реалии, а также топонимическая лексика в целом представляют собой один из самых распространенных компонентов идиостиля современного татарского писателя Гузель Яхиной. Рассмотренные языковые особенности романа Г. Яхиной свидетельствуют о специфике репрезентации национальной татарской культуры языковыми единицами лексического уровня: реалиями и топонимами. Слова (экзотизмы) образуют особые ЛСГ, называющие реалии национально-татарской жизни. Тематически этнокультурная лексика может быть орга-

низована разными способами: 1) лексика хозяйственной деятельности и материальной культуры; 2) лексика, касающаяся верований и мифов; 3) лексика, отражающая традиционные обычаи; 4) названия религиозных реалий и духовных лиц. Обнаруженная лексика выполняет функцию номинации бытовых и исторических реалий, функцию характеристики героев литературного повествования. Анализ романа «Зулейха открывает глаза» свидетельствует, что важнейшей проблемой, требующей знаний национальной культуры определенного народа, является перевод безэквивалентной лексики.

При исследовании художественного текста автора билингва, владеющего разными языками и представляющего разные культуры, выявляется специфичность его идиостиля. Чем самобытнее автор, тем заметнее в его языке влияние родного языка.

Литература:

1. Арзямова О.В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») / О.В. Арзямова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №1. – С. 55-56.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: Сов. энциклопедия, 1966. – 524 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – Москва: Изд-во РУДН, 2006. – 332 с.
4. Сагнаева У.Л. Категория этнокультурной доминанты и методы ее изучения / У.Л. Сагнаева // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 31- 39.
5. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза / Г.Ш. Яхина [электронный ресурс]. – URL:// <http://bookz.ru>(дата обращения: 26.06.2021).

*Фаизова Феруза Шакировна,
старший преподаватель НУУз
(г. Ташкент, Узбекистан)*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРИЧАСТИЙ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ

В статье рассматриваются статейные списки российских посланников в Среднюю Азию XVII в., которые написаны русской скорописью того периода и для понимания значимости этих документов необходим особый перевод.

Изучение статейных списков с точки зрения грамматики показало, что в текстах существенную роль выполняют краткие страдательные причастия прошедшего времени, которые будут рассмотрены в данной работе.

Причастия в текстах формировали предикативный центр высказывания и выполняли важную роль в структурировании конструкции по определенной устойчивой текстовой формулировке, соблюдение которой было обязательно при составлении отчетов или так называемых статейных списков. Они включали пункты наказов, которые выполняли российские послы и посланники. В нашей статье рассматриваются статейные списки, освещающие дипломатические миссии в Хиву и Бухару в XVII в., которые возглавлялись Иваном Хохловым (1620–1622), Савином Гороховым и Анисимом Грибовым (1641–1643), Борисом и Семеном Пазухиными (1669–1670).

Статьные списки являются одним из жанров деловой письменности, для которой характерно использование определенных построений, устойчивых форм. По мнению А. П. Майорова, использование клишированных форм является неотъемлемой частью установления статуса делового документа, где недопустимо использование языковых элементов другой жанровой специфики

[Майоров 2006]. Исследованные нами страдательные причастия в краткой форме и являются требованием делового клише.

В результате проведённых наблюдений и анализа употребления страдательных причастий, имеющих краткую форму, нами было выявлено следующее:

– Краткие страдательные причастия передавали волеизъявительный характер делового документа, о чем свидетельствует употребление слова велено:

«...А Борису ж велено про мощи проведать свщенно мученика Семиона ...» [РГАДА 1669 л.106 об].

– Форма прошедшего времени имела в кратких страдательных причастиях специальный показатель, а именно – связку «быть», что явствует из приведённого во фрагменте составного именного сказуемого было послано: «...А послано было ко гсдрю от бихарского цр» въ поминкахъ с посломъ его съ Адамъбаемъ •В• (т.е.2) аргамака, шатерь изба ...•F•(т.е.9) камокъ...» [РГАДА 1669, л.142].

– В перечне посольских товаров и подарков, преподнесённых среднеазиатским правителям, связка «быть» могла быть не только материально выраженной, но и нулевой. Этот факт можно продемонстрировать отрывком из текста, где краткая форма причастия в роли сказуемого приводится и в полном двухкомпонентном виде было роздано и продано, и в сокращённом виде послано, где связка материально не выражена:

«...что послано с Москвы по указу великого гсд\ря ц\ря и великого кн\з\ Алексея Михайловича всеа велика» и малы» и белы» Росиі самодержца в бухарскую посылку и владельцомъ в поминке и что сего было роздано и продано •З• (т.е.7) сороковъ соболей •А• (т.е.1) пара соболей •В• (т.е.3) сорокъ соболей впулков •S• (т.е.7) портишь обярей золотыхъ •ВІ• (т.е.12) ...» [РГАДА, л.124 об].

– В большинстве случаев в соответствии с жанром статейных списков использованы формы среднего рода

для выделения самого факта передачи подарков, а субъект действия представлен косвенной формой субстантива, о чем можно судить из следующего фрагмента, где нами выделены краткие причастия послано, роздано, продано:

«...ропись что послано с Москвы по указу великого гсдря цря и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца в бухарскую посылку и ко всемъ владельцомъ в поминки и что сего и сказаны роздано и продано...» РГАДА 1669, л.114].

– Менее частотны случаи, когда краткое страдательное причастие употребляется в двусоставном предложении с указанием на субъект мужского или женского рода. Нами приводится пример того, как причастие прошедшего времени согласуется с родом существительного единственного числа именительного падежа – фerezея поношена, охобень поношена, фerezея продана, вольность положена, о чем сигнализирует окончание -а в глагольных формах:

«...фerezе» обяринная соболеи поношена охобень об» ринной поношена...»; «...•В•^{де} (т.е.2) продана фerezе» да охабнь всято •ОВ• (т.е. 72) рубли...»; «...надъ людьми св\ими не владетелны и положена у нихъ в томъ изстари волност...» [РГАДА 1641, л.59].

– Краткие причастия, которые имели мужской род, в статейных списках не так частотны, однако для них прослеживается закономерность согласования с существительным того же рода, что приводило к формированию предикативного центра и смысловой основы конструкции, например, как в следующем предложении, где согласуются слова царь сослан:

«...в Бухарех прежнеи Имамкули царь очми отемнел и сослан на инои город ...» [РГАДА, 1669, л.100].

– При кратком причастии мужского рода могло использоваться также местоимение в форме именительного падежа, причём оно могло быть не только личным, но и относительным, свидетельствующим о том, что употре-

бляется в качестве подлежащего в придаточной части. Это подтверждается примером согласования – которой посланъ был:

«...Да Борис же с товарищи прислали из Бухар в ын-
деиские города толмача Семена Измаила которой по-
сланъ был з Борисомъ из Астарахани в Бухары по при-
казу боярина І воевод князя Ивана Семеновича Прозоров-
ского...» [РГАДА 1669, л.129].

– Кроме форм единственного числа в статейных спи-
сках российских посланников встречаются формы мно-
жественного числа у страдательных причастий прошед-
шего времени, где сохраняется тенденция к согласованию
существительного и глагольной формы, а именно, распи-
саны дрвни, кафтаны оправлены, полоненики окуплены,
как следует из приводимых ниже примеров:

«...А денежные казны въ ихъ гсдрствахъ въ казне у
цареи мало потому и расписаны все дрвни на жаловане
ратнымъ и всякимъ чиновъ людемъ ...» [РГАДА 1641,
л.61];

«...Бориси да Семену кафтаны изарбанные травы
золотом да по ножи оправлены золотом и Борису всего
ценою на •КЕ• (т.е.25) рублевъ Семену на •Ві• (т.е.12)
рублевъ...» [РГАДА 1669, л.61];

«...окУплены плһнные рUсскіе полоненики а скол-
ко на тU казну окуплено полоненниковъ и каких чинъ
АБДЫ кто писанъ в росписи под статеиным списком...»
[РГАДА 1669, л.71 об].

– Форма множественного числа в большинстве слу-
чаев представлена без материально выраженной связки, в
меньшей степени присутствуют страдательные причастия
с материально выраженной связкой, которая, как правило,
расположена в постпозиции по отношению к глагольной
форме, что подтверждается приводимым примером с ис-
пользованием причастий даны были и розданы:

«...Роспис гсдрвым црвым і великого князя Михаила
Федоровича всеа Русиі сободем которые соболи два со-

рока даны были гсдрву посланнику Анисиму Грибову на роздачу от гсдрвых дел и th соболи розданы...» [РГАДА 1641, л.151].

– В статейном списке Анисима Грибова встречается факт вариативности даны-дано (краткая форма множественного числа и краткая форма единственного числа):

«...да царевы же ближних людее Кутлуинаку да мирохору Ишболте де даны по пол •З• (т. е. 7) аршина сукна красного цена по пол •В• (т. е. 2) рубли аршин дано юфть кож красных шелкъ цена по пол •В• рубли с полтиною юфть...» [РГАДА 1641, л.155].

Вариативность даны-дано, возможно, обусловлена тем, что количество выданного товара зависело от того, кому был предназначен товар, какую должность занимал этот человек или каким титулом он обладал.

– В зависимости от класса исходного глагола в страдательном причастии использовались суффиксы -н или -т для образования формы прошедшего времени, что находит своё проявление в приводимом фрагменте, где использованы причастия продана и взято:

«...•ХНФ• (т. е. 659) риблевъ •НІ• (т. е. 18) алтын •В^{де} (т. е. 2) продана фересея да охабнъ всято •ОВ• (т.е.72) рубли а th портиша даны ис казны великого гсдря поношенные и в бусирманехъ руского пла^тя болшою ценою не покупають...» [РГАДА 1669, л. 124 об].

Приведённые нами отрывки из статейных списков свидетельствуют о достаточно частотном и целенаправленном использовании страдательных причастий, которые в форме прошедшего времени констатировали реализацию поставленной перед посланниками задачи и отражении её выполнения в отчётной форме документа. Именно страдательные причастия являлись наиболее уместными для статейных списков как жанра делового письма, где акцент делается на том, что обязанности, возложенные на посольства, выполнены, и при этом оценивается не сам посол, а его успешная деятельность.

Перевод древнерусского делового текста на современный язык — довольно сложное дело, требующее знание основ составления делового документа, учёта определенных клише в использовании грамматических форм и лексем.

Литература:

1. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. / А.П. Майоров; отв. ред. А. М. Молдован. — Москва: Азбуковник, 2006.
2. РГАДА, фонд 109, опись 1, 1622 год, дело 1 // Сборник князя Хилкова (СПб., 1879. С. 388-424).
3. РГАДА, фонд 109, опись 2, 1669 год, дело 2. — Данный статейный список и текст «Наказа Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г.», опубликован в «Русской исторической библиотеке». Т.15. СПб., 1894. С. 1–91.
4. РГАДА, фонд 134, опись 1, 1641 год, дело 2. Данный статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. опубликован лингвистами Д. С. Кулмаматовым, И. Г. Добродомовым, Г. Я. Романовой и историком М. П. Лукичевым. М., 1995.

***Нгуен Чан Тхань Ви,
Чыонг Мань Хай,***

*преподаватели факультета русской филологии
Института социальных и гуманитарных наук
при Национальном университете г. Хошимина,
(г. Хошимин, Вьетнам)*

РЕЧЕВОЙ АКТ ИЗВИНЕНИЯ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация: В повседневном общении каждый человек часто встречается с теми ситуациями, в которых ему

приходится за что-то извиняться перед собеседником. Причем у каждого народа есть свои принципы и способы выражения извинения. В настоящей статье рассматривается речевой акт извинения как выражение вежливости в общении во вьетнамской и русской лингвокультурах, проводится сравнительный анализ двух языков с позиции носителя вьетнамского языка с целью выявления сходств и различий в языковом выражении извинения двух народов. Результаты данной работы способствуют осуществлению успешной межкультурной коммуникации двух народов.

Ключевые слова: речевой этикет, речевой акт, извинение, вежливость, вьетнамский язык, русский язык, лингвокультура.

Поведение извинения выражается определенными словами в речи, и называется речевым актом извинения. Как и другие речевые акты, извинение реализуется почти на всех языках, но языковое выражение извинения в том или ином языке различаются. Лингвисты, изучая речевой акт извинения в разговоре, получили несколько результатов. П. Браун и С. Левинсон утверждают, что извинение связано со стратегией негативной вежливости, которая подчеркивает независимость личности [1, с. 313-316].

Во Вьетнаме лингвист Нгуен Тхуи Чанг в своей работе замечает, что понятие «лицо» ярко проявляется в речевом акте извинения вьетнамцев [2, с. 128].

В данной работе речевой акт извинения рассматривается в двух способах выражения: прямом и косвенном.

Прямое выражение извинения – это самая простая форма извинения, которая явно отражает цель общения говорящего. Другими словами, данный акт представляет собой иллокутивный. Например: один ученик признал себя виноватым, и он сразу извиняется перед своим учителем:

– *Emxinlôithây! (Простите, учитель!)*

К роду прямого извинения во вьетнамском языке относятся несколько типичных форм выражения:

– с помощью глагола-перформатива: «*Xinlỗi*» (*Извините*)

– перформатив «*Xinlỗi*» + объект действия (посредством обращений).

Например: *Xinlỗiô. (Извините, тетя).*

– Субъект действия + перформатив «*Xinlỗi*».

Например: *Conxinlỗi. (Я извиняюсь)*

– полное высказывание: Субъект действия + перформатив «*Xinlỗi*» + объект действия.

Например: *Conxinlỗiô. (Я прошу Вас прощения, тетя).*

– Выражение извинения + просьба о прощении или объяснение об ошибке.

Например: *Conxinlỗiô. Conmongcôthathứ. (Извините, тетя. Надеюсь, что Вы меня простите).*

При извинении для проявления вежливости или смягчения речи в конце предложения часто добавляются модальные частицы: *ạ, nhé, nhé.*

– *Emxinlỗithầyạ! (Простите, учитель!).*

Речевой акт извинения в некоторых случаях выражается косвенно такими словами, как *ân hận, hối hận, rất tiếc* (к сожалению, жалеть, раскаиваться) и сопровождается указанием на причины действия, причиняющего ущерб.

Например: *Emrất hối hận về hành động của mình, về những gì em đã gây ra cho anh chị. (Брат и сестра, я очень раскаиваюсь в своих проступках, в том, что я сделал вам); Anhrất tiếc vì đã không giúp được gì cho em. (Мне жаль, что я не смог тебе помочь).*

Вышесказанное выражение сожаления о своих проступках является синонимом слова «*xin lỗi*». В одном контексте они могут заменять друг друга, не изменяя содержание высказывания.

В русском языке в формуле извинения отмечаются наиболее употребительные глаголы «извинить» и «про-

стить», которые часто используются в форме повелительного наклонения: «извините!», «простите!», которые выражают реальное действие в момент речи.

А чем отличаются «извините» и «простите»? По словам Р. Ратмайра, «извините» выражает просьбу учесть оправдательные причины и не считать адресанта особенно виноватым, а «простите» выражает просьбу не сердиться на адресанта, несмотря на его вину [3, с. 15-22].

Стилистически повышенной формой извинения в русском языке является «*прошу прощения*», с оттенком официальности «*приношу свои (глубокие) извинения*», «*позвольте попросить (у вас) прощения*».

Помимо перформатива «*xin lỗi*» вьетнамцы часто проявляют признание своей вины другими выражениями: *Tôiso ý quí, vô ý quí, vô tâm quí* и т.п., которые касаются беззаботного, беспечного, легкомысленного отношения говорящего к нехорошему действию, причиняющему слушателю. Это тоже считается косвенным способом извинения, который смягчает «лицо» говорящего, а также обеспечивает уважительное отношение к собеседнику, не увеличивает социальной дистанции коммуникантов.

В русском языке для выражения признания своей вины используется краткое прилагательное «виноват», или указывается чувство неловкости, стыда: Мне так неудобно, неловко, стыдно.

В некоторых случаях извинение проявляется обещанием не повторять свои поступки.

Например: *Con hứa từ nay sẽ không làm mẹ buồn nữa.* (Мама, я обещаю, что я больше не буду тебя грустить); *Con biết lỗi rồi, con thề rằng con không làm vậy nữa.* (Я виноват, обещаю, что больше не буду делать такие глупости).

Извинение в русском языке тоже проявляется посредством обещаний типа «больше не буду», «больше не повторится».

Во вьетнамском общении речевой акт извинения может применяться как вводные шаблонные выражения

(*hỏi khi không phải, nói vô phép, xin thứ lỗi, xin phép ...*) для ведения таких актов, как:

+ отказ: *Xin thứ lỗi cho tôi, tôi phải trở về vì các con đang đợi tôi ở nhà.* (Простите меня, пожалуйста, мне надо вернуться домой, потому что мои дети ждут меня дома); *Xin phép anh, tôi đang vội.* (Извините, я тороплюсь)

+ щекотливый вопрос о личной жизни: *Bác hỏi khi không phải, cháu vẫn còn thương cái Hằng à?* (Я знаю, это не тактично, но ты еще любишь Ханг?)

+ критика: *Nói vô phép, cụ nhà ác lắm quá ông ạ!* (Я знаю, это невежливо, но ваша бабушка зло говорит).

Просьба о прощении таким образом помогает сохранению лица говорящего, ослаблению бестактного высказывания и даже во избежание уменьшить самоуважение слушателя.

В данном случае русские тоже извиняются за нарушение постулата такта. К такому роду извинения можно отнести:

+ вопросы о личной жизни: *Извините за нескромный вопрос, сколько вам лет? Кто вы по вере? Вы замужем?*

+ несогласие с чужой идеей: *Извините, но я не могу с вами согласиться.*

+ отказ от выполнения просьбы: *Прошу прощения, но я не могу этого делать.*

+ перебивание разговора: *Простите, что вмешиваюсь.*

Перформатив «*xin lỗi*» во вьетнамском языке и «*извините*» в русском языке могут выступать как обращение к незнакомому человеку, предваряя просьбы, или для привлечения внимания собеседника при вступлении разговора.

В русском языке: *Извините, Вы не подскажете, который час?*

– *Извините, Вы не скажете, как добраться до метро?*

Во вьетнамском языке: *Xin lỗi, cô có ở phòng số mấy?* (Извините, скажите, пожалуйста, в каком номере живет мисс Хоанг?)

–*Xin lỗi, anh trông quen lắm nhưng không nhớ đã gặp ở đâu rồi.* (Извините, вы выглядите так знакомо, но не помню, где мы познакомились).

Кроме того, вьетнамец, а также русский, говорит «*xin lỗi*» при переспросе в случае, когда он не расслышал или не понял сообщение.

Например: Во вьетнамском языке: *Xin lỗi, tôi không hiểu anh nói gì.*

В русском языке: *Извините, я не понял, что вы сказали.*

При анализе использования речевого акта извинения в вышеприведенных ситуациях извинение может восприниматься как ритуальный, формальный речевой акт, который выражает уважительное отношение к собеседнику. Извинение такого типа, в отличие от непосредственного извинения, не требует согласия адресата принять или не принять извинение.

Написав статью, мы пришли к следующему выводу, что речевой акт извинения в русском и вьетнамском языках имеют много общих черт при формулировке извинения в речи. Существуют разнообразные формы извинения в зависимости от ситуаций и степени вины. Также заметили, что речевой акт извинения в обоих языках считается подвижным, т.е. данным актом могут сопровождаться и другие разные акты, как отказ, критика, просьба, вопрос, с целью смягчения сложившихся обстоятельств, а также во избежание угрозы «лица» и адресанта, и адресата. Особенно, во вьетнамской культуре, на которую большое влияние оказывает общество, сохранение «лица» оценивается высоко. Человек в этом обществе, хотя он прав, он часто ведет себя скромно. А если не прав, он не прямо признает себя виноватым, пытаясь указать причину своей вины. Этот характер четко описывается во вьетнамской поговорке «*vòng vo tam quốс*» (рус. «ходить вокруг да около»).

Литература:

1. Penelope Brown, Stephen C Levinson, Reprint of first chapter of (1987) Politeness: Some universals in language usage.– London. – 2009. – С.313-316.
2. Nguyễn Thuỳ Trang. Những chiến lược xin lỗi bằng tiếng Anh của người Mỹ và người Việt // Tạp chí nghiên cứu nước ngoài. Tập 33. – 2017. – № 2.
3. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише / Р. Ратмар // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1.

Болдырева Ольга Николаевна,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры РКИОД,
Калмыцкий государственный университет
им Б.Б.Городовикова
(г. Элиста, Россия)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Фразеологизм – это несвободное, связанное сочетание слов, в котором отдельные слова теряют свои индивидуальные лексические значения и образуют единое смысловое целое. Фразеологизмы являются уникальным отражением национальной культуры, её самобытности и колорита. Фразеологизмы служат подспорьем при изучении истории, династий, великих сражений, поражений и побед. Фразеологизмы заключают в себе народную мудрость, смекалку и искрометный юмор людей.

В Китае интерес к фразеологии всегда был довольно значительным. Прежде всего, это был практический, активный интерес к поразительной возможности языка в строгой, лаконичной, образной форме отражать всевоз-

можные явления и понятия окружающего мира, исторические и культурные события, взаимоотношения людей и их отношение к тому, что окружает их в повседневной жизни, характер и эмоции людей, их положительные и отрицательные стороны и т. д.

Китайские фразеологизмы и их передача на русский язык.

Китайские фразеологизмы, которые не обладают национально-культурной спецификой, имеют соответствия среди фразеологизмов русского языка и должны быть поняты студентами: 实事求是 (shíshì qiúshì), основываясь на реальных фактах; 无中生有 (wúzhōngshēngyǒu) сделать [дело] из ничего, измышлять небылицы; 言而有信 (yánér yǒuxìn) быть верным слову; 坐立不安 (zuò lì bù ān) то садиться, то вставать, не находить себе места, быть беспокойным (непоседливым) и др. Но ещё китайские фразеологизмы, не имеющие соответствий в русском языке из-за национально-специфического характера обозначаемой ситуации: 东施效颦 (dōngshī xiào pín) уродовать себя неумелым подражанием» (досл. «Дунши (согласно легенде уродливая девушка) хмурит брови (согласно легенде, подражая гримасам боли красавицы Сиши); 守株待兔 (shǒu zhū dài tù) ждать у моря погоды, уповать на судьбу; 亡羊补牢 (wáng yáng bǔ láo) чинить хлев, когда овцы пропали; 狡兔三窟 (jiǎotù sān kū) у хитрого зайца три норы и др.

При обращении к стратегии буквального перевода внутренняя форма слова воспринимается как достаточная для понимания. Данная стратегия характерна для китайского народа, обращение к ней показывает знание носителями языка иероглифики, культуры и традиций своего народа, ср.: 手不释卷 (Shǒubùshìjuàn) – «не выпустить из рук свитка»; 惜指失掌 (Xī zhǐ shī zhǎng) – «пожалеть палец и потерять ладонь»; 画蛇添足 (Huàshétiānzú) – «рисовать змею, а добавить ей ноги»; «нарисовать змею, пририсовать ей ноги» и др.

Большую трудность, как мы и предполагали, вызвали национально-специфические китайские фразеологизмы, например: 大手大脚 (dà shǒu dà jiǎo) большие руки и большие ноги; 肝胆相照 (gāndǎn xiāng zhào) быть по-настоящему близким; 以牙还牙 (yǐ yá huán yá) око за око, зуб за зуби др. Проанализированные нами примеры доказывают, что тематическая группа «Части тела», действительно, широко представлена в системе любого языка путем включения её наименований в компонентный состав фразеологизмов. Соматизмы, содержащиеся во фразеологизмах, выполняют разнообразные функции, основной из которых является воплощение определенных культурных смыслов.

Китайские фразеологизмы о животных (значение слова «дракон»)

Мифический дракон – плод фантазий древних китайцев. Он может вызывать ветер и дождь, взлетать на небо и погружаться в воду. Согласно древним поверьям, дракон-зеленый, цвета травы. О гениальном, талантливом человеке говорят, что он подобен дракону. Фразеологизм 放龙入海 (fànglóng rù hǎi) «пустить дракона в море» означает «дать возможность раскрыть свои дарования». Например, 龙眉凤目 (lóngméi fèngmù) «(у человека) брови дракона, глаза феникса» – так говорят о человеке, у которого «вид представительный, дух широкий» (здесь мы дословно нужно переводить определение, традиционно используемое китайскими фразеологическими словарями - оно также представляется нам этнокультурно маркированным и отражает особое восприятие дракона китайским языковым сознанием), 龙驹凤雏 (lóngjū fèngchú) «жеребенок дракона и феникса»– (об умном талантливом юноше), 龙行虎步 (lóngxíng hǔbù) «человек ходит, как дракон, шагом тигра» (о человеке с воинственным, бравым темпераментом). 龙生龙 (lóngshēng lóng) «у дракона рождается дракон». Так говорят, когда «у хорошего отца и сын хороший». Интересно, что в день праздника

лета - пятого числа пятого месяца по лунному календарю проводятся состязания на лодках, с украшениями в виде головы и хвоста дракона. В Китае во время народных гуляний происходит представления с фонарями в виде дракона, танцы с огненным драконом.

Эквивалентный перевод китайских фразеологизмов на русский язык.

В ходе исследования было выявлено только 11 фразеологических единиц, имеющих эквивалентные соответствия (совпадения на концептуальном уровне и уровне выражения концепта посредством принципа и признака номинации) на языке перевода. При этом следует отметить, что план содержания фразеологизма исходного языка полностью равнозначен плану содержания эквивалентного фразеологизма, существующего в языке перевода, что в большей степени способствует объективному существованию межъязыковых переводческих соответствий.

Фразеологические единицы с эквивалентными соответствиями:

1. 白黑分明 (báihēifēnmíng)

Эквивалент: четко разграничивать черное и белое, правильное и неправильное .

2. 白雪皑皑 (báixuě ái ái)

Эквивалент: белоснежный.

3. 大天白日 (dà tiānbáirì)

Эквивалент: середь бела дня.

4. 黄口小儿 (huángkǒuxiǎo ér)

Эквивалент: желторотый юнец, сосунок, молокосос.

5. 黄口孺子 (huángkǒurú zǐ)

Эквивалент: желторотый юнец, сосунок, молокосос.

6. 面红耳赤 (miànhóng ěrchì)

Эквивалент: покраснеть до кончиков ушей; побагроветь; залиться краской, покраснеть до корней волос, раскраснеться.

7. 黑天半夜 (hēi tiānbànyè)

Эквивалент: черная ночь.

8. 黑更半夜 (hēigēngbànyè)

Эквивалент: черная ночь.

9. 白日梦 (báirì mèng)

Эквивалент: сны среди бела дня.

10. 黑名单 (hēimíngdān)

Эквивалент: чёрный список (имён).

11. 开绿灯 (kāilǜ dēng)

Эквивалент: дать зелёный свет, разрешить кому-либо что-либо.

В китайских фразеологизмах говорится о таких китайских реалиях, которые присущи всему китайскому народу, например, дракон, известные китайские герои.

В ходе работы был сделан вывод о том, что при передаче китайских фразеологизмов необходимо обращать внимание на китайскую литературу и хорошо понимать значение или символ каждого слов в китайском языке. Кроме того, при переводе фразеологизмов с китайского языка на русский мы использовали несколько способов перевода: безэквивалентный перевод, полуквивалентный перевод, эквивалентный перевод.

Литература:

1. Баранов А.Н. Принципы семантического описания фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 21-34.
2. Бирих А.К. Словарь фразеологических синонимов русского языка: свыше 8000 русских фразеологизмов, 950 синонимических рядов, толкование значений, алфавитный указатель фразеологизмов / А.К. Бирих, В.Н. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 444 с.
3. Большой китайско-русский словарь: около 120 000 слов и словосочетаний / З.И. Баранова, В.Е. Гладцков, В.А. Жаворонков, Б.Г. Мудров; под ред. Б.Г. Мудрова. - 5-е изд., стер. – Москва: Живой язык, 2002. – 524 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост. И.С. Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. – [4-е изд.]. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 781 с.

5. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика / П.П. Ветров. – Москва: Восточная книга, 2007. – 368 с.
6. Войцехович И.В. К вопросу об основных узуальных и окказиональных изменениях в китайских пословицах / И.В. Войцехович // Актуальные вопросы китайского языкознания: материалы 5 всесоюзной конференции. – Москва: 2002. – С.64-69.
7. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка / И.В. Войцехович. – Москва: Восток - Запад, 2007. – 509 с.
8. Войцехович И.В. Стилистические особенности основных разрядов фразеологических единиц современного китайского языка: автореф. дис. канд. филол. наук / И.В. Войцехович. – Москва: МГУ, 2000. – 26 с.
9. Горелов В.И. Лексикология китайского языка: [учебное пособие для педагогических институтов по специальности 2103 «Иностранный язык»]/В.И. Горелов. – 3-е изд., стер. – Москва: Просвещение, 1999. – 216 с.
10. Горелов В.И. Пособие по переводу с китайского языка на русский / В.И. Горелов. – 2-е изд., стер. – Москва: Наука, 2000. – 83 с.
11. Прядохин М.Г. Краткий словарь трудностей китайского языка / М.Г.Прядохин, Л.И. Прядохина. –3-е изд. – Москва: Муравей, 2002. – 454 с.
12. 中国成语大辞典 / 王剑引. - 上海: 上海辞书出版社, 1994. – 1989页.
13. 俄汉成语词典 /周纪生, 仇潞培, 章其编. - 石家庄: 湖北人民出版社, 1998 年. – 723 页.
14. 八用中文成语辞典.- 香港: 香港汇通书店印行, 2000 年.- 532 页.
15. 实用汉语常用成语 1000 例/郭玉玲, 钱肃文编. - 北京: 新世界出版社, 2002 年.- 458 页.
16. 崔希亮成语的比喻/学汉语, 1999 年. – №11.–页 16-18.

*Нгуен Ле Ань Фыонг,
аспирант Института социальных и
гуманитарных наук
при Вьетнамском Национальном университете
г. Хошимина,
(г. Хошимин, Вьетнам)*

ВНЕДРЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТЫ В ПРАКТИКУ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению метода внедрения интеллект-карты в практику преподавания метафоры в русском языке во вьетнамской аудитории. Целью данной статьи является наглядное представление нового материала «Метафора» с помощью интеллект-карты как интересная и эффективная образовательная технология. Полученный результат может быть использован как идея активного метода обучения на занятиях по лексикологии во вьетнамской аудитории.

Ключевые слова: Интеллект-карта, метафора, метод преподавания, преподавание метафоры в русском языке, вьетнамские учащиеся.

Преподавание метафоры является одним из самых сложных процессов в обучении русскому языку как иностранному во вьетнамской аудитории. Во вьетнамском языке можно сказать, что метафора – это трудный материал для учащихся, так как же преподаватели могут помочь учащимся легче понять метафору в русском языке? Именно по данной причине традиционные методы преподавания данного материала действительно неэффективны. Вьетнамские учащиеся встречаются с некоторыми трудностями в понимании метафорического переноса слов. Это может привести к тому, что они постепенно перестают интересоваться занятиями по лексикологии.

Сегодня учащиеся должны уметь самостоятельно работать с трудными знаниями, анализировать и обобщать их, а преподаватели – вовлечь учащихся в активную творческую деятельность в учебном процессе, где они могут повышать взаимодействие с преподавателем или другими учащимися, а также самостоятельно получать данные знания для улучшения качества занятий. В связи с этим появился новый метод преподавания с использованием одной образовательной технологией, называемой «интеллект-карта».

Тони Бьюзен – это разработчик интеллект-карты. Он создал эту технологию в целях упорядочения нового материала, улучшения способности к обработке и хранению всей информации и лучшего сосредоточения внимания на нужной информации с помощью большого разнообразия изображений и цветов в данной карте. Поэтому интеллект-карта считается одним из интересных методов преподавания для повышения эффективности умственной деятельности при обучении русскому языку иностранных учащихся в целом, и вьетнамских в частности.

В настоящее время применение методики преподавания русского языка как иностранного постепенно становится распространенным с помощью данного средства. Однако большинство преподавателей могут не знать, как правильно ее применять.

Итак, наше внимание в данной статье будет сконцентрировано на внедрении интеллект-карты в практику преподавания метафоры в русском языке во вьетнамской аудитории с целью того, чтобы процесс обучения данного материала становился более доступным и привлекательным на занятиях по лексикологии.

В качестве примера приведем метод преподавания темы «Метафора в русском языке» с помощью интеллект-карты в следующей последовательности: преподавателю нужно объяснить новое понятие «Метафора» на основе индуктивного подхода перед внедрением интеллект-карты на занятиях.

В соответствии с «Новым словарем методических терминов и понятий», индуктивный подход определяется следующим образом: «это подход к обучению языку, который опирается на индукцию – вид умозаключения от частного к общему. Предусматривается путь от знакомства с употреблением лексико-грамматических единиц в речи с последующим обобщением материала в виде правила, вывода» [1, с. 78].

Основываясь на данном подходе, занятия необходимо построить следующим образом:

1) Показ учащимся некоторых примеров метафоры:

– **золотая осень**: в этом выражении прилагательное «золотая», имеющее метафорическое значение «цвет золота», отражает сходство цвета с золотом;

– **океан слёз**: в этом выражении существительное «океан», имеющее метафорическое значение «огромное количество», отражает сходство количества с океаном.

В данных примерах учащиеся могут заметить сходство между предметами или явлениями, на основании которого становится возможным «именем» одного предмета называть другой.

2) Обобщение понятия «Метафора».

Исходя из приведенных выше примеров, преподаватель, во-первых, может познакомить учащихся с понятием «Метафора» и с тем, как определить метафору на основе следующих разновидностей сходства предметов или явлений: сходство формы (**рукав реки**), расположения (**цепь озёр**), цвета (**золотая осень**), размера / количества (**гора вещей**), степени плотности (**стена дождя**), степени подвижности (**быстрый ум**), характера звучания (**дождь барабанит**), степени ценности (**золотые руки**), функции (**ручки двери**), эмоциональных впечатлений/ ассоциаций/ оценок (**ледяной взор**) [4, с. 39–40].

Во-вторых, учащимся нужно выполнить упражнения, связанные с новым материалом «Метафора» для того, чтобы более глубоко понять его.

В-третьих, преподавателю нужно показать учащимся, как создать интеллект-карты.

Для улучшения эффективности занятий и запоминания учащимися на более длительный срок можно перейти к работе над темой «Метафора в русском языке» с использованием интеллект-карты. Ниже приводятся указанные этапы создания данной карты:

1) Рекомендуется использовать бумагу формата А3 / А4, цветные карандаши, ручки, маркеры и др.

2) Основное понятие темы «Метафора» необходимо расположить в центре листа бумаги. Учащиеся могут выделить его такими светлыми цветами, как синий, красный, жёлтый и т.д., или нарисовать какое-нибудь легко запоминающееся изображение с данным понятием.

3) От центрального понятия расходятся десять главных ветвей, относящихся к видам сходства предметов или явлений, например, «сходство формы», «сходство расположения», «сходство цвета» и др. Их нужно выделить разными цветами и можно приложить к ним картинки для повышения памяти и мозговой деятельности учащихся.

4) От каждого вида сходства отходят ветви второго уровня с примерами, например, «сходство формы» вызывает ассоциацию с такими примерами, как **рукав** реки, **лента** дороги и т.д. Если можно, добавить какие-нибудь картинки.

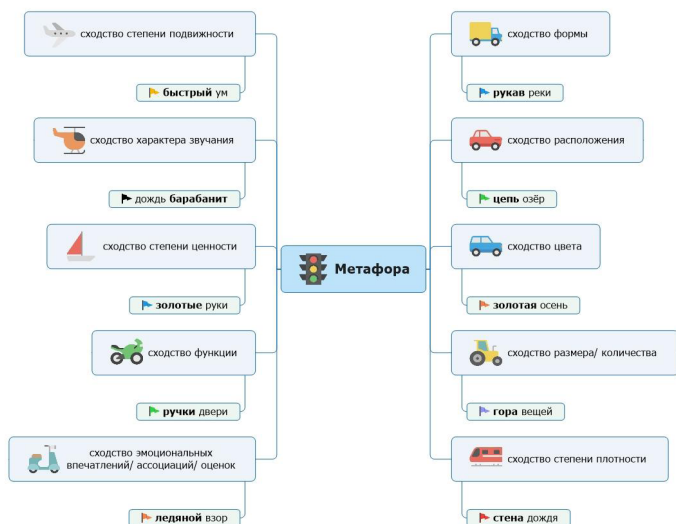

Рис. 1. Модельная Интеллект-карта «Метафора в русском языке»

При изучении и закреплении новой темы по метафоре можно применять интеллект-карту по таким способам, как создание карт преподавателем с учащимися на занятиях, самостоятельное (в паре или в группе) создание учащимися карт и на занятиях, и дома.

Очевидно, что новый учебный материал, представленный в виде интеллект-карты, предоставляет большие возможности для активизации восприятия и усвоения данного материала учащимися, а также для их творчества. Поэтому можно утверждать, что интеллект-карта является средством улучшения мыслительной деятельности учащихся и повышения эффективности преподавания сложного материала «Лексикологии», такого как метафора в русском языке.

Литература:

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г.Азимов, А.Н. Щукин. – М., 2009.
2. Бьюзен Т.Б. Супермышление / Т.Б. Бьюзен; пер. с англ. Е. А. Самсонов; худ. обл. М.В. Драко. – 2-е изд. – Минск: ООО «Попурри», 2003.
3. Интеллект-карты [электронный ресурс] // URL.: <http://www.mind-map.ru/>
4. Bùi Mỹ Hạnh. Từ vựng học tiếng Anh hiện đại. Nhà xuất bản Đại học Quốc gia TP. Hồ Chí Minh, 2015.

*Есенова Галина Борисовна,
аспирант КалмГУ им. Б.Б. Городовикова
(г. Элиста, Россия)*

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА-ХРОНИКИ А.М. АМУР-САНАНА «МУДРЕШКИН СЫН»*

Роман-хроника А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» был написан на русском языке, впервые опубликован в 1925 г. О мотивах написания романа автор пишет следующее: «Хотелось в последние недели или месяцы моей жизни сделать что-то, что могло бы бросить немного света на темную и безотрадную жизнь народа, сыном которого я являюсь» [2, с.8]. Работа над будущим романом была долгой и трудной.

Впервые к идее создания произведения А.М. Амур-Санан обратился в 1922 г., во время лечения в Крыму. «Еще прикованный к постели Амур-Санан все чаще обращался к мысли о необходимости написать книгу, ту самую, которая позже появилась в печати под названием «Мудрешкин сын». Он просил меня записывать его рассказ. Я слушала, а, когда он засыпал, писала. Потом вместе считывали текст, он делал поправки. Но однажды с огорчением Антон Мудренович признался: «Я благодарен тебе, но ты настоящая русская, у тебя все выходит слишком по-русски, а я рассказываю тебе о калмыках. У тебя не получается. Вот если бы ты могла записывать под мою диктовку...» [5, с. 14]. В дальнейшем А.М. Амур-Санан сотрудничает с писателем А. Хирьяковым, который «о калмыках ничего не знал... Диктовка сопровождалась богатой мимикой, оживленной жестикуляцией – Хирьяков неред-

* Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ 20-312-90030 «Мир и образы калмыков в русском художественном тексте (на материале романа-хроники А.М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»)»

ко похохатывал по ходу рассказа... Когда Амур-Санана увезли в Калмыкию на кумыс, Хирьяков был приглашен вместе с ним, и они продолжили работу до осени 1923 г., когда книга была закончена» [5, с.20]. В 1924 г. А. Хирьяков опубликовал книгу «Человек, которого зовут Антон». В 1925 г. А.М. Амур-Санан вернулся к работе над рукописью, после доработки текста, он публикует роман-хронику «Мудрешкин сын» [2]. Произведение было хорошо встречено читателем, критикой, общественностью, выдержало несколько прижизненных изданий.

Роман высоко оценил М. Горький, который в своем письме к А.М. Амур-Санану писал: «Это очень хорошая книга, и я рад, что она выходит пятым изданием, значит, ее ценят тысячи людей. Переведена ли она на калмыцкий язык?» [3, с. 11].

Перевод романа на калмыцкий язык был осуществлен известным калмыцким писателем Л. О. Инджиевым в 1986 г. Предисловие к роману «Цагин болн эврэ бийиннь тускар...» написала известный литературовед, критик Д. Б. Дорджиева.

Л. О. Инджиев – профессиональный литератор. В 1935–1938 гг. «обучался в Коммунистическом институте журналистики им. «Правды», в 1938 г. закончил курсы переводчиков художественной литературы и редакторов общественно-политической литературы при ЦК ВКП(б)» [6, с. 5], после возвращения на родину работал в газете. На фронте Л. О. Инджиев «исполнял должность комсорга отдельного конно-артиллерийского дивизиона и политинформатора. Как военный журналист был сотрудником дивизионной газеты «Красный кавалерист» 110-й ОККД и «На защиту Отечества» 339-й Таманской стрелковой дивизии Отдельной Приморской армии» [7, с. 85]. Л. О. Инджиев оставил значительное литературное наследие: стихотворения, поэмы, повести, рассказы, роман. Он много занимался переводами. С русского на калмыцкий язык Л. О. Инджиев перевел стихотворения А. С. Пуш-

кина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, Т. Г. Шевченко, Э. Межелайтиса, В. В. Маяковского. Кроме того, ему принадлежат переводы с русского на калмыцкий язык пьес К. А. Тренёва «Любовь Яровая», А. Е. Корнейчука «Платон Кречет», А. Н. Арбузова «Иркутская история».

Становится понятным, что перевод такого сложного произведения, в котором изображается старая и новая жизнь калмыков в переломный период смены общественно-политической формации, каким является роман-хроника «Мудрешкин сын», мог сделать только блестящий знаток калмыцкого языка, владеющий искусством перевода и имеющий обширные знания по истории, культуре, этнографии калмыков. К сожалению, нам не удалось в открытом доступе найти литературу, освещающую работу Л. О. Инджиева над переводом романа-хроники «Мудрешкин сын», посвященную языку перевода.

В связи с этим нами были изучены параллельные тексты романа-хроники «Мудрешкин сын»: оригинальный текст по изданию 1966 г. [4] и переводной текст по изданию 1986 г. [1]. В целом, следует отметить бережное отношение переводчика к русскому тексту романа. Ниже остановимся на некоторых особенностях перевода.

В некоторых случаях в калмыцком тексте не отражается «разговорность» первоисточника. В следующем примере оттенок разговорности передает частица *вот*, вынесенная в начало предложения: Моя мать очень рано осталась сиротой. *Вот* чувство сиротства и связало ее с Ботохэ. В калмыцком тексте, как нам кажется, не удалось передать разговорную манеру изложения – Мини экм кенз насадан өнчрсмн. *Өнчнэ седклэрн мини экм Ботохатал өр өвдгч тачалта билэ.*

В следующем примере калмыцкий перевод более детален своего русского оригинала: По выходе замуж в новой семье калмычке живется крайне тяжело. На нее взваливают всю работу. Она делает все: *стряпает, стирает, обшивает семью, доит и поит коров* – Хэрд харснас авн

хальмг күүкд улс зовлң үзж хатушг бээдлд бээдмн. Шин өрк-бүлин күнд көдлмш нурһлж берин ээмд ачгддг мөн. Цуг көдлмшиг тер кедмн: *хуйр булж болһна, чигэ бүлнэ, әрк нернэ, цэ, мах чанна, кир уһана, хувц уйна, хуучинь хатхна, мал асржуслна, үкр саана, арһс белднэ, өрм цо-кад тос кенэ, ноос үрнэ, утц ээрнэ, ишкэ кенэ, өөмс кенэ, ширдг ширнэ.*

В некоторых случаях переводчик мысль, заключенную в русском тексте в пределах одного предложения, передает несколькими калмыцкими предложениями. Так, следующее сложное предложение, в котором представлены разные типы связи (бессоюзная, союзная с параллельным подчинением придаточных), переводчик переводит двумя предложениями, при этом вводит прямую речь для передачи косвенной речи оригинала: *Мать не будет больше плакать, я никому не дам ее обижать и, если увижу, что кто-нибудь обижает, вступлюсь за нее и скажу обидчику, что так поступать нельзя, нехорошо. – Экм уульдган уурх, би терүг харсад, хамг дажрлһнас терүг гетлгх билэв. Кемржэн эким һундасинь үзхлэрн, би түүнд келх билэв: Иим йовдл һарһж болиго, энчнь сэн биш.*

Отмечен случай неточного перевода. Так, предложение *Худые от недоедания коровы, которых мать поднимала за хвосты* переводится следующим образом: *Хотнь татг болад, даңгин өлн, эсн бээцхэдг хойр-һурвн үкр.* В переводе передается смысл ‘худые от недоедания, всегда голодные две-три коровы’; не передается смысл ‘которых мать поднимала за хвосты’.

В предложении *Всегда голодная, с опаленной шерстью на боках, старая, но верная собака, тоскливо полужавшая около очага и вместе со всеми нами смотревшая в рот отцу, который один ел досыта – Хальмг герин һулмтын хажуд кевтэд, хойр хэврһиннь ноос хуухлсн, әрүн итклтэ көгшин ноха, хотын сәәнинь болн икнкинь һанцарн иддг мана эцкин аминь маднла хамдан гердјс хәләдг эңкр ноха* определительный оборот *с опаленной*

шерстью на боках переводится на калмыцкий язык деепричастным и причастным оборотами, которые буквально означают ‘с опаленными боками из-за лежания у очага калмыцкой кибитки’; не переведено определение *всегда голодная*, однако дается *экр ‘милая, дорогая’*.

Предложение *Мы добрались до моей родины, мать сказала мне, как она рада, что я наконец вернулся домой и что теперь заживем вместе.* – *Мини төрскн һазрт ирэд, бидн Ленинэ «Дуулвриг» амтнд зарлж цээлһвидн, советин йос тогтаввидн. Мини экм эврэ гидгэр байрлж бээхэн нанд келв: «Удан күләвр болжасн көвүм, хэржс ирвч, ода хамдан бээжс жирһхмн»* переводится двумя предложениями на калмыцком языке, косвенная речь в калмыцком переводе оформляется прямой речью. Кроме того, наблюдаем расширение смысла первой части предложения *бидн Ленинэ «Дуулвриг» амтнд зарлж цээлһвидн, советин йос тогтаввидн* (букв. ‘мы разъяснили людям «Воззвание» Ленина, установили советскую власть’).

При переводе предложения *Она поняла меня и сказала: «Иди, мой сын!»* – *Мини келсиг экм медв, тегэд намаг үмсэд, иигжс келв: «Нэ, тиим болхла, йович, көвүм!»* переводчик также отошел от оригинала, употребив деепричастный оборот *тегэд намаг үмсэд* ‘затем поцеловав меня’. Интерес представляет перевод прямой речи, где использованы условное придаточное *тииим болхла* ‘если так’, междометии *енэ* ‘ладно’, которое придает фразе оттенок разговорности, непосредственности, а лично-предикативная частица *-ч* усиливает эмоциональность высказывания.

Таким образом, при переводе на калмыцкий язык сложного художественного текста романа-хроники «Мудрешкин сын», в котором употребляются разнообразные лексико-семантические, морфолого-синтаксические средства русского языка, Л.О. Инджиев прибегает к приему расширения смыслового содержания ори-

гинала, использует лексико-грамматические средства калмыцкого языка (например, междометие, лично-предикативная частица и т.д.) для создания национального колорита текста перевода. В отдельных случаях не передается разговорный характер исходного материала или «сокращается» смысл исходного предложения. Все это позволяет заключить, что перевод текста произведения сделан творчески, не буквально. Благодаря литературному дару и лингвистическим способностям писателя-переводчика, создан оригинальный калмыцкий национальный текст. Перспективы работы мы видим в изучении выразительных средств калмыцкого текста «Муудран көвүн».

Библиографический список

1. Амур-Санан А. Муудран көвүн. Элст, 1986.
2. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. Л., 1925.
3. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. Элиста, 1987.
4. Амур-Санан А.М. Мудрешкин сын. М., 1966.
5. Гаврилова К.В. Хотелось жить и работать. Элиста, 1988.
6. Дорджиева Д.Б. Инджиев Лиджи Очирович // Теегин герл. 2013. № 5. С. 3-8.
7. Топалова Д.Ю. Личный архив калмыцкого писателя Л.О. Инджиева // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №. 4. С. 79-103.

***Нгуен Ву Хыонг Ти,**
Кандидат филологических наук,
декан факультета русской филологии
Института социальных и гуманитарных наук
при Вьетнамском национальном
университете города Хошимина;
Нгуен Тхи Тьонг Ви,
магистрант, факультет русской филологии,
Институт социальных и гуманитарных наук
при Вьетнамском государственном
университете города Хошимина
(г. Хошимин, Вьетнам)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому аспекту русских и вьетнамских фразеологизмов в процессе обучения русским фразеологизмам во вьетнамской аудитории. Перспектива употребления данного подхода позволяет учащимся глубоко понять происхождение и значение русских фразеологических единиц. К тому же, они могут иметь многосторонние взгляды о культуре изучаемого языка.

Ключевые слова: русская фразеология, русские фразеологические единицы, лингвокультурологический подход, лингвокультурологический аспект, обучение русской фразеологии во вьетнамской аудитории.

Обучение русским фразеологическим единицам (ФЕ) во вьетнамской аудитории вызывает некоторые трудности у учащихся из-за их семантического значения, лексических компонентов и национально-культурных специфик. Вот именно в лингвокультурологическом аспекте русских и вьетнамских ФЕ заключается **актуальность** данного исследования.

Целью исследования стало рассмотрение возможности лингвокультурологического подхода, позволяющего изучить как языковые, так и культурно-специфические особенности в процессе обучения русским ФЕ во вьетнамской аудитории.

По определению В.Н. Телии, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3, с. 9]. Имея такое же мнение по этому поводу, Ф.И. Буслаев предположил, что «фразеологизмы – своеобразные микромиры, которые содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки как руководство потомкам» [1, с. 37]. Возникшие в реальной жизни, действия, мнения, идеи и образы жизни людей из поколения в поколение, а также обычаи, культурные и исторические традиции страны сильно отражаются в каждом фразеологизме.

Еще, по мнению В.Н. Телии, способом указания на культурно-национальную специфику является «интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества» [3, с. 215]. Итак, лингвокультурологический подход позволяет рассмотреть в фразеологизмах смыслы основных культурных универсалий национальной русской культуры. Рассмотрим примеры русских ФЕ с целью анализа их значения в культурном пространстве русского народа.

Пример № 1: беден как церковная мышь; красться как мышь; мокрый как мышь.

«**Церковные мыши**» всегда голодны. Им нечего есть, и почти нечего терять. Поэтому русские люди используют фразеологию «беден как церковная мышь» и подразумевают бедных людей, которым нечего есть.

«**Красться как мышь**» – так говорят о людях, которые часто действуют скрытно. Они напуганы, их не-

правильные действия могут быть обнаружены и предотвращены. Эти люди не верят и не уважают других как в русской культуре, так и в культуре многих разных стран.

«**Мокрый как мышь**» имеет общий смысл о том, что если мышь попадет в жидкость, ей – конец. Поэтому мокрая мышь – дохлая мышь, вспотел – потерял силы от непосильной работы или переживаний, вот и сравнение с мокрой мышью.

Здесь обнаружено сходство между мышлением русского и вьетнамского народа. В обеих культурах с древних времен мышь – маленькое серое животное, предпочитает укромные темные норы. Мышь считалась нечистым, поганым животным, она также символизирует трусость, беспокойство, ловкость и хитрость. Во вьетнамском языке также существует немало ФЕ о мыши:

«**Ướt như chuột lột**» имеет полный эквивалент в русском языке «**мокрый как мышь**».

«**Cháu nhà mới lòe mặt chuột**» означает, что когда что-то случится, обнаруживается истинное лицо плохого человека. В данном случае «**mặt chuột**» (буквальный перевод – мышкино лицо) имеет метафорическое значение «**лицо плохого человека**».

Пример № 2: хлеб-соль, хлебное место

«**Хлеб-соль**» – это распространенное приветствие к гостям, приглашение к столу. Хлеб и соль у многих народов являются символом богатства и достатка. Предложение *отведать хлеба с солью* является признаком радушного отношения к гостям. Гостеприимных хозяев принято называть хлебосольными.

«**Хлебное место**» – это выгодная должность, приносящая определенные доходы человеку.

Хлеб играет важную роль в жизни и культуре русских людей. В русском языке фразеология с «хлебом» используется для обозначения богатства и бедности людей. В эти дни, когда жизнь русских людей все больше усложняется, они все еще считают хлеб основным симво-

лом и блюдом в своей жизни. С другой стороны, во вьетнамской культуре хлеб – символическая еда западных стран. Главной пищей в каждой вьетнамской семье является рис, играющий важную роль как в материальной, так и в духовной жизни вьетнамцев. Рис не только источник главного продукта, но и символ вьетнамских спокойных деревень, несет в себе древние культурные черты вьетнамского народа.

«*Liệu cơm gắp mắm*» говорит о тонком человеке, выбирающем нужное, необходимое, подходящее своей цели. Два образа «*cơm*» (рис) и «*mắm*» (сухая рыба) – основные продукты вьетнамской семьи.

«*Cơm bưng nước rớt*» отражает человека, живущего в благополучии и окруженного заботой других.

Пример № 3: верный как собака, устал как собака / надоел как собака

«*Верный как собака*» означает, что собака всегда славится верностью и преданностью своему другу и хозяину. Так говорят о верных и преданных людях, которые доброжелательно относятся к другим людям и никогда не предадут и не вредят им.

«*Устал как собака / надоел как собака*» используются, чтобы описать чрезвычайно усталого и измученного человека, который работал или действовал слишком много и не отдыхал в течение длительного времени.

С древнейших времен собаки были близкими друзьями русских людей, однако собаки имеют и отрицательные и положительные характеристики. Образ невоспитанных бродячих собак, бродящих по улицам, злящихся и ведущих себя очень неприлично, используется для описания и сравнения грубых, безнравственных людей с собаками. С другой стороны, хорошие качества, такие как верность, преданность, выносливость, неприхотливость, отличный слух и острое обоняние, всегда используются для отражения хороших людей. Все приведенное полностью совпадает с образом *собаки* во вьетнамской культуре.

«*(Ghét nhau) như chó với mèo*» имеет эквивалент в русском языке «*живут как кошка с собакой*».

«*Ăn cơm chủ nào sửa cho chủ ấy*» описывает верность собаки, которая сравнивается с человеком: верный друг защищает своего хозяина. Эта характеристика высоко оценивается в азиатской в общем, во вьетнамской культуре в частности.

Итак, лингвокультурологический аспект позволяет изучить во фразеологизме взаимоотношение и взаимодействие языка и культуры. Через образы в русском фразеологизме можно легко понять национальную культуру русского народа. В конкретных ситуациях мнения, идеи, страхи, счастье, тоска, гнев, доброта, надежда, вера или любовь русских людей выражаются с помощью языковой единицы фразеологизмов. С другой стороны, фразеологизмы образуются различными национально-культурными особенностями русского народа.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М., 1954.
2. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37-48.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
4. Nguyễn Lân. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam. – Hà Nội, 2000.

Буй Ми Хань,
*преподаватель факультета русской филологии
Института социальных и гуманитарных наук
при Национальном университете г. Хошимина,
(г. Хошимин, Вьетнам)*

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ СООТНЕСЕННОСТИ В ПОДЧИНИТЕЛЬНО- СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается явление изменения предметной соотнесенности в словообразовании подчинительно-сложных существительных современного русского языка. Данное явление связано со словообразовательной семантикой (словообразовательным значением) сложных слов и вызывает трудности, а также интерес в интерпретации их значений.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательная семантика (словообразовательное значение), предметная соотнесенность, сложение, подчинительно-сложные существительные.

В образовании сложных существительных русского языка наблюдаются разные явления, связанные с их словообразовательной семантикой и/или формально-семантической структурой, такие как словообразовательная синонимия, словообразовательная антонимия, словообразовательная омонимия, множественность мотивации, изменение предметной соотнесенности. В отличие от всех других явлений такого рода, последнее связано лишь с словообразовательной семантикой сложений.

Под предметной соотнесенностью слова понимается его соотношение с определенной субстанцией (предметом, признаком, действием). От данного явления следует различать разные виды переноса значения (метафоры, метонимии или синекдохи).

Изменение предметной соотнесенности наблюдается, как правило, у всех (а) суффиксально-сложных существительных за счет присоединения словообразующего суффикса к опорной основе сложения, который выполняет роль оформителя сложного слова; и (б) сочинительно-сложных существительных, в создании значения которых происходит сплавка значений составляющих компонентов. Однако оно имеет место далеко не у всех подчинительно-сложных существительных, а лишь у нескольких групп сложений, содержащих главный (опорный) компонент – существительное. Именно в подчинительных сложениях явление изменения предметной соотнесенности вызывает сложность и трудности в интерпретации их значений.

Ниже изложено описание изменения предметной соотнесенности у конкретных групп подчинительно-сложных существительных.

Как правило, подчинительно-сложные существительные обладают теми значениями, которые имеются у мотивирующих слов, выступающих в качестве их главного компонента. Это значит, при их образовании не наблюдается изменение предметной соотнесенности сложных слов. Так, слова *монтёр, преступник, устроитель* обозначают лиц, и сложения с этими опорными существительными также называют лиц: *электромонтёр, законопреступник, клятвопреступник, благоустроитель, землеустроитель...*; слова *глушитель, сборник, подшибник* имеют значение предмета, которое имеется также у мотивированных ими (производных от них) сложений *звукоглушитель, шумоглушитель, воздухосборник, мусоросборник, паросборник, роликподшибник, шарикоподшибник*. Во многих сложениях сохраняется явление совмещения разных частных значений, наблюдающееся в существительных, служащих главными компонентами сложений. Например, и в мотивирующих именах (или связанных основах), и в их соответственных сложениях

имеет место совмещение значений лица и учреждения: *сдатчик – хлебосдатчик; поставщик – углепоставщик, энергопоставщик; заготовитель – лесозаготовитель, хлебозаготовитель, производитель – товаропроизводитель (экон.), снабженец – водоснабженец; значений лица и животного: носитель – бациллоноситель, -цефал – риноцефал;*

Положение бывает сложнее в подчинительно-сложных существительных с главным компонентом, в качестве которого выступают многозначные существительные. Наблюдается три случая.

(1) Сложения могут обладать всеми значениями, которые имеются у многозначных мотивирующих, выступающих в качестве их главного компонента.

(2) Сложения чаще всего обладают лишь частью значений, имеющихся у многозначных мотивирующих, служащих их главным компонентом. Так, слова *нагрузчик, резчик, преобразователь, конструктор, оператор, транспортёр, трансформатор, полотёр* называют и лица, и предмет. Но сложения, имеющие в качестве главного компонента эти существительные, либо обозначают только предмет: *сенонагрузчик, фазопреобразователь, бронетранспортёр, рельсотранспортёр, снеготранспортёр, автотрансформатор, гидротрансформатор, электрополотёр*; либо только лица: *газорезчик, корморезчик, стопорезчик, авиаконструктор, звукооператор, кинооператор, радиооператор*.

(3) Слово *укладчик* обозначает лишь лицо, но соответствующие с ним сложения *путьукладчик, трубоукладчик* могут называть и лицо, и машину.

Обозначение лишь лица, лишь предмета или и лица, и предмета у многих сложений, содержащих в качестве главного компонента существительные, которые имеют оба этих значения, зависит от их начального компонента. Сложения, имеющие один и тот же главный компонент, соединяющийся с одними начальными компонентами,

могут называть только лица, а с другими— обозначают только предмет. Так, среди сложений с главными компонентами *держатель*, *копатель*, *прокладчик*, обозначающими лица и предмет, слова *авансодержатель*, *книгодержатель*, *гробокопатель*, *поломойка*, *портомойка*, *путепрокладчик* обладают лишь значением лица; сложения же *бумагодержатель*, *катушкодержатель*, *резцедержатель*, *свеклокопатель*, *кормомойка*, *посудомойка*, *рукомойка*, *курсопрокладчик* имеют только предметное значение.

Описанное выше явление наблюдается преимущественно в чисто-сложных существительных с главными компонентами — отглагольными агентивными существительными.

Трудно определить, с какими именно типами начальных компонентов сложения, имеющими один и тот же главный компонент, обозначают лицо, а с какими — предмет. Более закономерным оказывается явление изменения предметной соотнесенности в сложениях, содержащих начальные компоненты *авто-*, *само-* (со знач. 'самостоятельный'), *электро-* и опорные компоненты — существительные с обозначением лица *диспетчер*, или *стартёр*, *полотёр*, *счётчик* со значениями лица и предмета. Все эти сложения называют предмет: *автодиспетчер*, *электростартёр*, *электросчётчик*, *электрополотёр*.

Совершенно обратное направление изменения предметной соотнесенности наблюдается в некоторых сложениях, называющих машины (а не лица), при обозначении лица у мотивирующего существительного, которое выступает в качестве их главного компонента. Так, слово *укладчик* называет лица, но мотивированные им сложения *лесоукладчик*, *штабелеукладчик*, *бревнуукладчик*, *автоукладчик* обозначают не лица, а машины.

Обособлен случай со словом *проходчик*, которое обозначает лицо не по профессии, но сложения *недропроходчик* (нов.), *шахтпроходчик*, содержащие это существи-

тельное в качестве главного компонента, называют лица по профессии.

Итак, изменение предметной соотнесенности, наблюдающееся в образовании сложных существительных в русском языке, связано с их словообразовательной семантикой. Среди подчинительно-сложных существительных данное явление имеет место лишь у тех, которые содержат существительное в качестве главного компонента. Явление изменения предметной соотнесенности вызывает трудности, а также интерес в интерпретации значений данных сложений.

Литература:

1. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник для филологических специальностей вузов / Ю.С. Маслов. – М., 1987.
2. Русская грамматика. Том 1. – М., 1982.
3. Словарь русского языка: в 4-х томах / под редакцией А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
4. Словарь современного литературного русского языка: в 17-ти томах. – М. – Л., 1948-1965.
5. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах/под редакцией Д.Н.Ушакова (1934-1940) [электронный ресурс]. – URL: <http://www.dict.t-mm.ru/usakov/>

*Манджиева Баирта Владиславовна,
кандидат филологических наук,
доцент Калмыцкого государственного
университета им. Б.Б. Городовикова;
Кандуева Ольга Алексеевна,
студентка 5 курса направления «Филология»
(г. Элиста, Россия)*

**ОБРАЗ УСАДЕБНОГО ДОМА И ЕГО
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПЬЕСЕ
А.П. ЧЕХОВА «ДЯДЯ ВАНЯ»**

Дом – понятие многозначное и многоаспектное. В контексте данного утверждения нам представляется интересным и значимым мнение исследователя В.С. Непомнящего, который определяет семантическое и символическое значение слова «дом», бытовавшее в русской культуре, следующим образом: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, «родное пепелище» – основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и не одиночества существования[1, с. 126]. Из этого следует, что связь дома с самыми существенными сторонами бытия человека достаточно очевидна. Мы рассмотрели образ дома и его символическое значение в новаторской пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» как изображение русской провинции, жизни русской уездной интеллигенции. В своем исследовании исходили из того, что образ дома, в первую очередь, – показатель и мерило жизни его обитателей, «семейная территория», семейное пространство. Так, в тексте дом представлен образом усадебного дома, хозяйкой которого после кончины матери стала Соня Серебрякова.

В пьесе четыре действия, но лишь в первом мы видим героев в саду рядом со столом, сервированном для чаепития. В трех остальных все события происходят непосредственно в доме. При этом прямое указание на пейзаж (сад в имении) дается в авторской ремарке единожды. Однако сама природа представляется единым целым с героями, отражая состояние и настроение всех персонажей. Сад в первом действии не случаен, этот образ можно рассматривать как «обрамление» самого дома, как неотъемлемое звено в его образе.

В пьесе «Дядя Ваня» образ дома меняется на протяжении всего драматургического повествования. А в сцене, в которой мы видим ссору, происходящую между заглавным героем и профессором Серебряковым, дядя Ваня в своей реплике-рассуждении показывает читателю *историю* усадебного дома. Герой был уверен в том, что имение – собственность его племянницы, доставшаяся ей от матери, его сестры. В словах Войницкого слышится недоумение относительно намерений отца Сони, ведь дом был приобретен в качестве приданого, и Серебряков со своей новой молодой супругой к нему не имеет прямого отношения.

Таким образом, мы понимаем, что дом становится предметом *спора и ссоры* между родственниками. Для одних (Соня и Войницкий) дом является не просто жилищем или строением, а в большей мере воспринимается как память (приданное матери Сони), благополучие и стабильность жизни, самое родное и дорогое. Однако, как рассказывает герой, их отцу не хватило средств, чтобы полностью рассчитаться с продавцом. И поэтому он отказался от своей доли наследства, что позволило все-таки заключить сделку.

Все решения заглавного героя были продиктованы любовью к сестре, матери Сони. Более того, на протяжении десяти лет дядя Ваня работал не покладая рук, чтобы выплатить весь долг. Для других, пренебрегающих нор-

мами морали, ради собственной выгоды готовых полностью завладеть имением (профессор Серебряков и его молодая жена), дом – **средство наживы и обогащения**. Поэтому нам понятны чувства и переживания Ивана Войничко, который приложил все усилия для сохранения и процветания усадьбы, а теперь столкнулся с несправедливым желанием профессора выгнать его из дома.

Также выделяем образ дома как **символ понимания-узнавания** людей друг друга. Именно отношение к дому «заставляет» и Войничко, и его племянницу иначе взглянуть на Серебрякова. Герой после произошедшего горько разочаровался в своем идеале, осознал его никчемность. Кроме того, разное отношение к дому раскрывает характер героев, их нравственные качества. Дядя Ваня посвятил свою жизнь имению, ухаживая за ним, и отдавал все силы и время ведению хозяйства. Поэтому вполне оправдано его возмущение в адрес профессора.

Нами выделен еще один символ дома в пьесе А.П. Чехова: **дом – судьба** людей, живущих или когда-то живших в нем. Обращение Сони к отцу наполнено трагизмом и отчаянием, ведь она и ее дядя работали, не зная отдыха, практически не тратили деньги на себя, все отправляя Серебрякову. Героиня призывает отца быть милосердным и не ломать судьбу тех, кто его любил и заботился о его благополучии:

... Надо быть милосердным! Вспомни, когда ты был помоложе, дядя Ваня и бабушка по ночам переводили для тебя книги, переписывали твои бумаги... все ночи, все ночи! [3, с. 67].

Известно, что в каждом доме заведен свой определенный порядок. Присутствие посторонних (даже родственников), нарушающих принятые правила, порой губительно для него. Так происходит и в пьесе Чехова. Профессор Серебряков, считая себя главным в доме, хотя и жил вне имения после смерти своей первой жены, по приезде изменил существующий в имении распорядок действий.

Старая няня Марина недовольна таким положением дел в доме. Для нее необычно и даже непростительно поведение профессора, а авторская ремарка («покачав головой») подчеркивает как необычность ситуации, так и неприятие ее героиней. Самовар, как символ домашнего уюта, готов с самого утра, а профессор просыпается к 12 часам дня. Кроме того, он может потребовать чай и глубокой ночью.

В контексте примеров, приведенных нами, можно говорить о том, что образ дома – это *образ жизни его обитателей*, характеристика людей, так или иначе имеющих к нему отношение. Интересным представляется интерпретация образа дома и с позиции *восприятия предметов быта*. Так, в «Дяде Ване» особенным предметом быта, интерьера можно считать самовар, поскольку именно он собирает всех за одним столом, символизирует теплоту, уют, семейный очаг и даже связь с предками. В связи с этим нам представляется значимым мнение исследователя О. Подольской: «Самовар является в художественной системе произведений Чехова ключевым образом-символом дома, порядка, единства» [2, с.13]. Но символическое значение самовара в «Дяде Ване» как предмета, объединяющего семью, меняется с приездом Серебрякова. Самовар становится символом нарушения принятых порядков, разлада и непонимания среди членов семьи. Действительно, в усадьбном доме многое стало восприниматься иначе. Приезд профессора со своей молодой женой взбудоражил всех. Теперь ради Серебрякова и красавицы Елены Андреевны все забросили свои дела, даже дядя Ваня после завтрака ложился спать вместо того, чтобы работать. Профессор Серебряков, в свою очередь, признается, что деревенская жизнь ему не нравится и он не любит дом, в котором двадцать шесть комнат и сложно найти кого-то. Каждая комната представляет собой отдельное пространство, индивидуальный мир, который становится основой большого мира – дома. Однако в этой ситуации островок домашнего тепла и взаимопонимания чужд приехавшему

профессору. Невольно возникает ощущение присутствия в драме оппозиции «свое-чужое». Развитие отношения «свое-чужое» усугубляется еще одним символическим предметом домашнего интерьера. В драме неоднократно мы видим стол, выполняющий различные функции: стол для принятия пищи, стол для работы и т.п. Стол символизирует разобщенность некогда близких людей, удачно используется автором в контексте основной коллизии пьесы, а в финале драмы данный образ позволяет сделать вывод о том, что обитатели усадьбного дома меняются внутренне, приходят к новому пониманию жизнеустройства. Близкие люди перестали собираться за одним столом. А значит, потеряли духовную связь друг с другом, и, более того, приезд Серебрякова стал виной эмоционального угасания обитателей дома, крушения прежних взглядов, стремлений, что, в свою очередь, привело к охлаждению родственных отношений. Подтверждение нашего тезиса – сцена, в которой старая служанка Марина не дождалась за накрытым к чаю столом гостей, Серебрякова и Елену Андреевну. Явное пренебрежение и неуважение семейных традиций, равнодушное восприятие самого дома продемонстрировано приехавшими и в эпизоде возвращения с прогулки: они не стали пить чай за общим столом.

В анализируемой нами пьесе символом дома можно также считать **книги, брошюры, журналы**, так как персонажи на протяжении драматического повествования к ним обращаются, читают или что-то записывают:

Мария Васильевна пишет на полях брошюры [3, с. 95].

Наиболее ярко, по нашему мнению, книги символизируют внутренний мир Серебрякова и характеризуют изменение к нему и его научным работам Войницкого:

Войницкий... Ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю! [3, с.76].

В приведенной реплике слышится отчаяние героя, потратившего впустую свое время на бездарного родственника. Происходит изменение приоритетов в судьбе дяди Вани, он отчетливо осознает сущность профессора, пустоту и бесполезность его «научной» работы. В связи с этим, как нам представляется, следует говорить о том, что книги также становятся символом отчужденности и разобщения в семейных отношениях.

Кроме того, почти все пьесы А.П. Чехова имеют «звуковое сопровождение». В «Дяде Ване» же музыка становится символом разрушения дома, потому что Серебряков против искусства и никому не позволяет играть на музыкальном инструменте, музыка его раздражает.

Итак, мы проанализировали образ дома как символ жилища, семьи. Также рассмотрели образ дома с точки зрения значения предметов быта (самовар, стол, книги) и пришли к выводу, что интерьер дома является символом пустоты и трагичности происходящих событий. И лишь после отъезда Серебрякова дом, во-первых, «восстанавливается», подобно живому существу обретает внутренний покой и гармонию. Во-вторых, происходит трансформация сознания обитателей дома, формируется новое понимание жизни и сущности людей.

Литература:

1. Непомнящий В.С. Собрание трудов: в 5-ти тт / В.С. Непомнящий. – Т 3. – М., 2001.

2. Подольская О. «Три сестры». Ключевые темы, образы и мотивы в пьесе А.П. Чехова / О. Подольская // Литература. – 2003. – № 16. – С. 12-15.

3. Чехов А.П. Избранные сочинения / А.П. Чехов. – М., 1988.

*Манджиева Баирта Владиславовна,
кандидат филологических наук,
доцент Калмыцкого государственного
университета им. Б.Б. Городовикова
Аль-Килани Анастасия Павловна,
студентка 5 курса направления «Филология»
(г. Элиста, Россия)*

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

К исследованию Петербурга как города-символа обращались многие ученые-литературоведы, например, Н.П. Анциферов, М.М. Бахтин, Г.А. Гуковский, Ю.В. Манн, С.М. Соловьев, В.В. Кожин и другие. В своих трудах они подчеркивали, что каждый художник слова рисует «собственный» Петербург. И в данном контексте нам представляется интересным символический образ северной столицы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Подобно Н.В. Гоголю и Н.А. Некрасову, Ф.М. Достоевский показал не сверкающий и парадный облик Петербурга, напротив, описал, используя желтый, зеленый, красный и другие цвета, его темный и гнетущий образ, в определенной мере оказывающий влияние на судьбы его жителей. Так, в произведении часто встречается желтый цвет – цвет болезни и безнадёжности, обмана и зла. Если вспомнить, что выражение «желтый дом» означало «сумасшедший дом», то символика желтого цвета становится очевидной. Ведь не зря Свидригайлов называет Петербург городом сумасшедших. «Только желтый сам по себе создает, вызывает, дополняет, усиливает атмосферу нездоровья, разочарования, боли, печали. Очень грязно-желтый, непрозрачно-желтый, болезненно-желтый, вызывает чувства внутреннего угнетения, психической нестабильности и депрессии», – писал С.М. Соловьев [3, с. 211].

Безысходность судеб героев, беспросветная бедность, постоянная зависимость от определенных обстоятельств и ситуаций ассоциируются именно с желтым цветом, в который «укутан» Петербург. Это – желтоватые обои в комнатах Раскольникова и Сонечки Мармеладовой, желтый билет Сони, желтый стакан, наполненный желтоватой жидкостью, подчеркнуто желтый интерьер комнаты Алены Ивановны, мебель «из желтого полированного дерева» в кабинете Порфирия Петровича, желтые обои в номере гостиницы, где остановился Свидригайлов и т.д.

По мнению В.В. Кожина, слово «желтый» можно интерпретировать в романе «Преступление и наказание» в значении «желчный» [2, с.122]. Кроме того, Ф.М. Достоевский в своем романе делает акцент и на красном цвете. Красный цвет – цвет крови и опасности, грозящей героям. Так, Раскольников в комнате старухи находит обитую красным сафьяном укладку с закладными вещами, в которых лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром, об который он вытер запачканные в крови руки:

«Красное, ну а на красном кровь неприметнее», – рассудилось было ему, и вдруг он опомнился: «Господи! С ума, что ли, я схожу?» – подумал он в испуге» [1, с. 75].

Цвет крови еще долго преследовал и пугал героя. Даже тщательно смыв кровь с рук и топора, Родион Раскольников потом еще много раз осматривал свою одежду и обувь, выискивая кровавые капли, боясь разоблачения. «Красные глаза» Мармеладова говорят не только о моральном упадке, но и об опасности, которая в конечном итоге приводит его к смерти. Опасность угрожает и его жене: Катерина Ивановна сильно простудилась зимой и начала кашлять красной кровью, а красные пятна на щеках говорят о плохом самочувствии. Когда же она лишилась рассудка, то стала наряжать собственных детей, заставляя петь и танцевать, просить милостыню. Используя красный цвет в описании детей, автор показывает, насколько опасна для них жизнь в таком обществе:

«На мальчике была надета из чего-то красного с белым чалма, чтобы он изображал собою турку. На Леню костюмов не достало; была только надета на голову красная вязанная из гаруса шапочка» [1, с. 398].

Небольшое колечко из золота с тремя красными камнями, оставленное под заклад Алене Ивановне, как и красное солнце, которое видит Родион, идя по городу накануне убийства, ассоциируются с надвигающейся бедой, грозящей не только старухе-процентщице, но и самому герою.

Кроме того, в романе присутствует и зеленый цвет, он заметно отличается своей свежестью и прозрачной чистотой. Зеленый цвет – символ возрождения и веры в лучшее. Купол церкви, в которой Раскольников не раз бывал, зеленого цвета. Там он любил рассматривать старинные иконы. Церковь была для него надеждой на очищение его грешной души. Платок Катерины Ивановны, который потом носит Сонечка, тоже зеленого цвета. Платок олицетворяет как страдания, выпадающие на долю его владельцев, так и искупительную силу. Зеленый цвет связан с внутренним очищением и перерождением Раскольникова: Соня надевает ему на голову этот зеленый платок, когда герой идет признаваться в преступлении. Она готова терпеть страдания и искупить этим вину Родиона Раскольникова. В эпилоге романа действие происходит в тюрьме, в Сибири, где Сонечка приходит к Родиону утром. В сцене возрождения, воскрешения героя, она появляется в том же зеленом платке, изможденная тяжелой болезнью. В этой сцене зеленый цвет ассоциируется со страданием и одновременно верой главных героев, «побеждает» грязно-желтый цвет горя и нравственной болезни Петербурга.

Таким образом, значение цвета в описании Петербурга в романе Достоевского «Преступление и наказание» достаточно символично. Использование разных цветов позволяет писателю представить город как социальный

фон, на котором разворачиваются события романа, и показать его в качестве самого героя, соучастника страшного поступка Раскольникова, а также его раскаяния, возвращения в человеческий мир людей.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман / Ф.М. Достоевский. – М., 2016.
2. Кожин В.В. «Преступление и наказание» Достоевского / В.В. Кожин. – М., 1971.
3. Соловьев С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского / С.М. Соловьев. – М., 1970.

*Муллабаева Лола Шаниязовна,
преподаватель НУУз
(г. Ташкент, Узбекистан)*

ТОЛЕРАНТНЫЙ СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Примечательной чертой современного образовательного процесса является то, что в студенческой аудитории, наряду с обучающимися гражданами Республики Узбекистан, обучаются и представители из Южной Кореи, Китая, Турции. Соответственно, они имеют разный менталитет, различия в традициях воспитания, в традициях поведения. Именно эти различия и создают определенные трудности для преподавателя, особенно при преподавании русского языка. Преподавателю русского языка очень важно иметь в виду, что культура общения между представителями различных наций и народностей требует сдержанности, такта, уважения к национальным чувствам и достоинству, учета особенностей национальной психологии. Гармоничные отношения между препода-

давателем и студентами достигаются путем толерантного отношения, обучающего к обучаемому, и зависят также от высокого профессионализма преподавателя.

Что же понимается под «толерантностью»? Толерантность (от лат. *tolerantia* терпение) – это способность без агрессии воспринимать мысли, поведение, формы самовыражения и образ жизни другого человека, которые отличаются от собственных [1]. Толерантность считается признаком высокого духовного и интеллектуального развития человека, группы, общества в целом.

Обратившись к истории западной цивилизации, мы выяснили, что толерантность в западной цивилизации возникла на религиозном уровне. Возникновение этого понятия связывают с подписанием Нантского эдикта, который был подписан французским королем Генрихом IV в апреле 1598 года[2].

Все религии мира проповедуют терпимость к другим людям, т. е. толерантность. В христианстве толерантность конкретизируется через понятия «смирение» и «милосердие». В заповеди Иисуса Христа «Не судите, да не судимы будете» содержится не только призыв к толерантности, но и подразумевается ее духовное основание – существование Высшего суда, выносящего окончательный и самый справедливый приговор каждому человеку.

Толерантность проявляется в терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению. В жизни человек общается с людьми разных национальностей, вероисповеданий, языковых семей, разных рас, поэтому важно научиться уважать культурные ценности как своего народа, так и представителей другого, научиться находить компромиссы. Кроме того, толерантность как качество личности считается необходимым для жизни в новых неожиданных условиях. Люди, не обладающие толерантностью, проявляя категоричность, оказываются неспособными к изменениям, которых требует от нас жизнь.

Определение слова «толерантность» на разных языках земного шара звучит по-разному:

- в испанском языке оно означает способность признавать отличные от своих собственных идеи или мнения;

- во французском – отношение, при котором допускается, что другие могут думать или действовать иначе, нежели ты сам;

- в английском – готовность быть терпимым, снисходительным;

- в китайском – позволять, принимать, быть по отношению к другим великодушным;

- в арабском – прощение, снисходительность, мягкость, милосердие, сострадание, благосклонность, терпение, расположенность к другим;

- в русском – способность терпеть что-то или кого-то.

В нашем случае, т.е. в студенческой аудитории, толерантность рассматривается как категория педагогической этики. У каждой нации и народности, как говорилось выше, существуют свои этические нормы языкового поведения, складывающиеся иногда на протяжении многих веков [3]. Поэтому педагог должен учитывать это и проявлять педагогическую терпимость, т.е. толерантность, и уважительную снисходительность к обучаемому.

Взаимодействие «преподаватель-студент» – это, прежде всего, взаимодействие речевое. Речь любого преподавателя, а тем более преподавателя русского языка, является эталоном для студентов. Правильность речи, ее точность, логичность, уместность, чистота, богатство, выразительность являются принятыми в языковедении критериями хорошей речи [4]. В речи преподавателя русского языка не допустимы грубость и бестактность, а также чрезмерно активное использование агрессивных речевых конструкций.

Преподаватель должен соблюдать правила речевой этики, употребляя вежливые обращения, слова приветствия и прощания, выражения извинения, благодарности, согласия, одобрения, похвалы. Шутить в национальной

аудитории, конечно, можно и нужно, но при этом учитывать национальную специфику русского юмора, ведь известно, что юмор с трудом воспринимается студентами-иностранцами. Поэтому преподавателю в иностранной аудитории нужно быть очень осторожным с юмористическими текстами, шутками, анекдотами, притчами, легендами, которые могут не вписаться в систему политкорректности, принятую за рубежом [5].

Толерантный стиль коммуникации предполагает учет национальных особенностей речевого общения и должен предусматривать тактичное отношение к менталитету того или иного народа. В ситуации прямого взаимодействия преподавателю важно демонстрировать доброжелательность, позитивность, интерес к студентам, выслушивать всех и, по возможности, не перебивать.

Применение знаний о некоторых особенностях организации учебного процесса в национальной аудитории позволит преподавателю сделать общение максимально эффективным и будет способствовать формированию толерантного коммуникативного стиля. Толерантный коммуникативный стиль преподавателя проявляется в умении отстаивать свою позицию, быть критичным, но не агрессивным, вести себя твердо, но корректно. Это зависит от мастерства педагога и от его высокого профессионализма.

Литература

1. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года.
2. Нантский эдикт, подписанный французским королём Генрихом IV в апреле 1598 в Нанте, завершил Религиозные войны во Франции. По Н. э. католицизм оставался господствующей религией, но Гугеноты получили свободу вероисповедания и богослужения в городах (кроме Парижа и некоторых др.), в своих замках и ряде сельских местностей; им предоставлялось право занимать судебно-адми-

нистративной и военной должности; для разбирательства судебных дел гугенотов при парламентах в Париже, Тулузе, Бордо и Гренобле были созданы особые палаты, состоявшие наполовину из гугенотов; им было разрешено созывать свои политические конференции и синоды. По секретным дополнительным статьям Н. э. гугеноты получили 100 крепостей с гарнизонами (главные – Монпелье, Монтобан, Ла-Рошель), право иметь армию и др. привилегии. Н. э. встретил резкую оппозицию со стороны римского папы, католического духовенства и парламентов; последние сильно затянули его регистрацию (например, руанский парламент зарегистрировал его лишь в 1610). После войны с гугенотами в 1621-1629 секретные статьи Н. э. были ликвидированы по миру в Але (1629). Людовик XIV в 1685 окончательно отменил Нантский эдикт. Публ.: *Recueil generaldesanciennesloisfrançaises*, parIsambert, t. 15, P., 1829.

3. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения/ под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. – Москва: НОРМА, 2002. – 335 с.
4. Казарцева О.М. Культура речевого общения. Теория и практика обучения: учебное пособие/ О.М. Казарцева. – М.: Флинта; Наука, 2003.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Москва, 1994. – 29 с.

*Прохорова Людмила Львовна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель НУУЗ
(г. Ташкент, Узбекистан)*

НАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ КАК СПОСОБ ВЫХОДА В РАЗГОВОРНУЮ РЕЧЬ

Один из забытых, к сожалению, способов выхода в речь – натурные занятия, которые проводятся не только в аудитории, но и вне аудитории. Рекомендуется и для про-

ведения в национальных группах, но, что немало важно, для русскоговорящего контингента. Если в национальной группе, это в первую очередь, выход в речь, то в русскоговорящей аудитории возможность раскрепоститься и поделиться знаниями, умением выступить перед различными людьми, что, несомненно, пригодится и в дальнейшей жизни, и в профессии.

Занятия организуются похожим образом на обычные занятия: план проведения, основные понятия и другое. Основная особенность – перед лектором выступает учащийся (преподаватель выступает корректором и слушателем).

Подготовка может проводиться как в аудитории, так и вне аудитории (в библиотеке, дома), что помогает в спокойной обстановке выполнить целый ряд заданий, подобрать антонимы, синонимы; если встречаются термины, вводимые в рассказ, то найти их значение).

Следующий этап натуральных занятий – непосредственно экскурсия, для которой и готовится полная информация, озвучиваемая студентом (если в школе – школьником).

Для экскурсии по городу необходимо знать не только название, предположим, улицы, но и её историю. Замечательно, если есть возможность рассказать о значении названия, об этимологии слова.

Характеристика здания требует точных названий (стиль, автор проекта, даты строительства, размеры здания; в память/честь какого события или исторической личности построено либо названо здание и т.п.

Таким образом, натурные занятия помогают лучше говорить, развивают визуальную и аудио память, а это и глубокое изучение языка, и возможность познания мира во многих проявлениях.

Важнейшая особенность данных занятий – учебной экскурсии, и то, что учащийся учится наблюдать, изучать различные явления, расширять кругозор.

Преподаватель даёт план – «клише» – предложения, позволяющие рассказать об истории не только объекта, но и страны, а введение терминологии делает речь научной.

Натурные занятия имеют принципиальное значение для системы обучения и предлагают ряд необходимых процедур и приемов выявления, описания и минимизации культурологических знаний, служащих реальной базой коммуникации.

Возрождение натурных занятий, которые были популярны с 1957 вплоть до 1991 года, необходимы для изучения **любого** языка.

*Щитка Неля Николаевна,
доцент кафедры русского языкознания НУУз
(г. Ташкент, Узбекистан)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ С.П. БОРОДИНА «ЗВЁЗДЫ НАД САМАРКАНДОМ»: СПОСОБЫ ВВОДА

Современный мир находится на перекрестке борьбы двух прямо противоположных тенденций. С одной стороны, это процессы глобализации, нейтрализации национальных, этнических различий, с другой стороны, постоянное развитие «духа народа, его творческой энергии» (в терминах В.фон Гумбольдта), каждый этнос стремится сохранить свое духовное наследие, свою этническую идентичность. Эти процессы стимулируют филологические исследования регионально-ориентированной лексики в художественных текстах. Писатели, воссоздающие жизнь того или иного народа, используют регионально маркированные языковые элементы. Одним из ярких представителей бытописания Средней Азии явля-

ется Сергей Петрович Бородин, который родился в 1902 году в Москве; студенческие годы провел в знаменитом Литературно-художественном институте. Директор Центрального музея народоведения пригласил его для работы в Туркестанский край. Летом 1923 года началось для С. П. Бородина знакомство с краем, определившим его дальнейшую судьбу. Тонкий знаток книг по искусству Бухары, Туркестана, Средней Азии, Бородин С.П. жил в Бухаре в «самой гуще жизни» – в келье медресе Мир-Араб, в центре базара. Через некоторое время он едет в Самарканд, но уже как корреспондент московских газет. «Азия от меня не отступала», – писал он в очерке «Дороги». В Самарканде он участвует в археологических раскопках, изучает жизнь и быт древнего Востока. Одновременно его увлекает и русская история, намечаются области его художественных интересов, жанровых и проблемно-тематических пристрастий: Древняя Русь и Древний Восток в их многовековых связях и конфликтах, во взаимопроникновении и столкновении тех интересов, которые разрешались огнём и мечом. Именно в ходе поездок на Восток начинает складываться и художественная концепция молодого писателя. С. П. Бородин воспринимает Восток не как сторонний наблюдатель, а как человек, имеющий с данной землёй непосредственное родство. «Ныне среди русских писателей Узбекистана, – пишет В. Акимов, – нет более крупного художника слова, чем С. Бородин. Большой знаток старого Востока, он любит Азию не меньше, чем родной сын её степей и гор» [1, 7-8]. Он приезжал в Среднюю Азию не один раз, и подолгу жил здесь. Проблемы духовной культуры народа, создаваемой многовековыми усилиями предков и потомков в общении с ближними и дальними соседями, хорошо были ему знакомы. Поэтому послеромана «Дмитрий Донской» С. Бородин задумывает роман о современном Донском – Тимуре. С 1950 года он живет в Узбекистане и изучает язык, ибо язык – неотъемлемая часть

культуры народа, его своеобразие, его истории. С.Бородин считал, что используемые речевые средства должны служить тому, чтобы читатель органически включался в ритм эпохи. «Это далеко не частность, – писал он, более того, это, может быть, главнейшая примета подлинно исторического романа, достоверность которого для читателя всегда относительна. Ведь действие разворачивается порой в самом отдаленном прошлом..., и добиться того, чтобы читатель попал в эпоху живую, а не гальванизированную, очень важно. ...Если же рассказчик целиком находится в этом прошлом и речь его к тому же насыщена архаизмами, то между ним и читателем образуется подчас такой временной перепад, который читатель не в состоянии преодолеть даже умозрительно, отчего не только эстетическое, но и идейное воздействие книги сводится на нет» [2, 457-458].

Исследователями не раз отмечались особенности языка романа-эпопеи «Звезды над Самаркандом»: «Стилевое сочетание живого разговорного языка и торжественной значительности летописи, многомерность речи, в которой различимы не два, а три измерения: автор-повествователь-персонаж – создается без видимой языковой стилизации: временной и локальный колорит достигается не столько лексическими средствами (слова, непонятные современному русскоязычному читателю С.П.Бородин почти не употребляет), а сколько тонкой игрой интонационных оттенков» [2, 24].

С.Бородин серьезно работает с вводными словами, обозначающими местные реалии. Одной из таких лексем является лексема «пайцза». При ее введении в текст автор применяет особый способ, который часто используется им в романе, что позволяет говорить о его стилеобразующей функции.

Этот прием заключается в многоступенчатом, поэтапном введении слова.

I этап – введение слова без перевода и пояснения. Это, с одной стороны, дает читателю возможность «при-

выкнуть» к звучанию иноязычного слова, а с другой – возбуждает у него интерес к дальнейшему изложению, желание понять незнакомое слово.

II этап – пояснение различными контекстными средствами (определениями, синонимами, развернутыми описаниями и др.).

III этап – использование слова в составе средств художественной выразительности (сравнение, метафора и др.).

IV этап – самостоятельное употребление введенного слова, то есть использование его как уже адаптированного в тексте художественного произведения.

V этап – периодические контекстные «напоминания» основных значений введенного слова; данный прием позволяет «освежать» в памяти читателя значения нового для него слова, не дает «забыть» их.

Мы считаем возможным назвать данный прием способом художественной адаптации и рассматривать его в кругу ранее описанных.

Продemonстрируем названные способы на примере лексемы **пайцзы**.

I этап – «...Мулло Камар ... по привычке пощупал **пайцзу**, зашитую на то место штанов, которого касается только своя рука»[3,35].

Возникает ассоциация: «**пайцза**– нечто важное, чрезвычайно ценное».

II этап – « ... в них была зашита могущественная **пайцза** Тимура, медная бляха, открывающая путь сквозь любые воинские заставы и караулы, по всем дорогам Маверанахра, по всем завоеванным землям, по всей вселенной» (с.51).

Введенная лексема поясняется системой контекстных средств:

Препозитивным согласованным определением «могущественная пайцза»;

Постпозитивным приложением «**пайцза** Тимура, медная бляха»;

Распространенное постпозитивное определение: «открывавшая путь сквозь любые воинские заставы и караулы...»;

Расположение однородных членов предложения по принципу нарастания признака «могущество»: «открывавшая путь сквозь любые воинские заставы и караулы, по всем дорогам Маверанахра, по всем завоеванным землям, по всей вселенной»;

Развернутое внешнее описание реалии: «круглая, вычеканенная из червонной меди, с грозной надписью: «Амир Тимур Гураган указал: кто воспротивится помогать нашему посланцу, будет казнен и умрет. А в середине, где, бывало, чеканили монгольское тавро, похожее на якорь, значились три кольца – тамга самого Повелителя Вселенной, амира Тимура Гурагана!»

Чуть побольше медных караханидских дирхемов, подернутая радужной патиной, нагаром, расцветившим медь от пережога при ковке, похожая на прежний большой посеребренный почернелый караханидский **дирхем**» [3,52].

III этап – «...Говорят, от самого султана ходит. Затем и серьга в ухе: примечай, мол, вместо пайцзы султанская серьга!» [3,57].

Возникает ассоциация: серьга, как пайцзы, является знаком доверия Тимура, пропуском по всем дорогам.

IV этап – «...нашел место **пайцзу** хранить» [3,58].

V этап – «В тот день бек дал каждому отбывающему улему по медной пайцзе с угрозой всем, кто на дорогах, принадлежащих Тимуру, помешает идти людям или караванам, направляющимся от самого Повелителя» [3,75].

В данном контексте вновь «напоминаются» основные свойства пайцзы: материал, из которого она сделана; знак особого доверия Тимура; пропуск на всех дорогах страны.

Далее Бородин еще неоднократно будет «напоминать» читателю значения данной лексемы. В другой главе находим:

«Приближенные ... смотрели, как в это время Шах-Малик вручал Мустафе пайцзу, серебряную, прямоугольную, как маленькая дощечка, обеспечивающая неприкосновенность везде, где бы он ни встречался людям Тимура»[3,159].

Далее:

«...круглая пайцза, такую Повелитель давал только сам и только самому они возвращались, никто не смел остановить никого, кто показывал ее» [3,177]

И опять:

«...перед ними раскрылась со своими знаками и угрозной надписью медная пайцза Повелителя Вселенной, Меча Аллаха, с которой везде путь открыт и которая, как оберег, носимый на себе человеком в защиту от порчи, обид и бед, как амулет, заслоняет человека на всем пути. От напастей при переходе застав. От мздоимств, насилий, тягот. С такой пайцзой путник и на постое столь же строго неприкосновенен, как и в пути. Неприкосновенны и двор, где стоит караван, и люди из этого каравана: Повелитель сам, один знает, кому свою пайцзу дать, кого куда посылать, кому доверять» [3, 385].

В другой главе:

«Ибн Халдун уверился – на его ладони лежала подлинная ханская пайцза с тремя кольцами Тимуровой тамги.

Ибн Халдун не понял фарсидских слов надписи, уместившейся в четырехугольной рамке из мелких точек: остережение ослушникам, коли попытаются тронуть того, или его кладь, или его караван, кому на путь дана она, отежаненная на красной меди. А вокруг того четырехугольника по всему краю указ: кому дана она, вправе взять себе невольником любого, кто воспротивится указу. Может и убить по тому праву, как убивают неради-

вых невольников. Но все это в надписи высказано кратко, веско, как смертельный удар: «Кто сего путника обидит либо задержит – преступник!». И на обороте: «Воля хана священна! Кто воспротивится, станет рабом. Чекан Самарканда» [3, 399].

И наконец, последнее звено в этой длинной цепочке, в этом вертикальном номинативном ряду, пронизывающем всю третью главу романа-эпопеи: последняя глава книги носит название «Пайцза».

Подводя итог, нужно отметить, что С.Бородин широко использует традиционные способы введения региональноориентированной лексики в текст своего романа. Но, как истинный художник, он создает и свои приемы, органически входящие в ткань художественного произведения, характерные для его творческой манеры.

Литература:

1. Акимов В. Творчество Сергея Бородина / В. Акимов. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1972. – с. 7-8.
2. Алексеев М.П. Многоязычие и литературный процесс / М.П. Алексеев // Многоязычие и литературное творчество. – Ленинград: Наука, 1981. С. 7-17.
3. Бородин С.П. Собрание сочинений в 6-ти томах / С.П. Бородин. – Ташкент, 1976.

**«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ НАВСЕГДА»:
РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

**Сборник материалов
межрегиональной онлайн-конференции
(Элиста, 8 июня 2021 г.)**

Дата выхода: 27.09.2021.

Формат бумаги 84x108 1/32. Усл. печ. л. 10,7.

Тираж 60 экз. Заказ 11-21.

Цена свободная.

Отпечатано в КалмНЦ РАН:

Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8